ДЕКАБРИСТЫ

ХРЕСТОМАТИЯ

Составил М. М. КЛЕВЕНСКИЙ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Введение.

Декабристами в русской истории называют членов тайных политических обществ за десятилетие от 1815 г. по 1825 год, а иногда даже и лиц, разделявших их идеологию, но не входивших формально ни в какое общество. Декабристы были настроены либерально, а иные и прямо революционно. Самое название „декабристы"—случайное: оно произошло от попытки военного восстания в Петербурге 14 декабря 1825 г., попытки, со времени которой в текущем году исполнилось сто лет. Из членов тайного общества непосредственное участие в этой попытке принимали немногие.

Почти все без исключения декабристы были дворянами и в большинстве случаев—офицерами или бывшими офицерами. Но это не значит, что все они представляли однородную массу с совершенно одинаковой идеологией. В декабристские общества входили и представители титулованной знати, крупные помещики, и дворяне совсем мелкопоместные, а то и вовсе безземельные. Большинство же декабристов по своему классовому положению принадлежало к помещикам средней руки.

Теми политическими требованиями, в которых сходились все декабристы, были: уничтожение крепостного права и замена самодержавия другой формой правления—либо конституционной монархией, либо республикой. Что заставляло верхушки (в культурном смысле) русского дворянства первой четверти XIX века выступать против крепостного права? Основной экономической почвой, на которой выросло это дворянское недовольство крепостным правом, является то, что крепостное право становилось до известной степени помехой для хозяйственного прогресса. В эти годы продукты русского помещичьего хозяйства стали усиленно требоваться в Западную Европу, спрос на хлеб увеличился в 4—5 раз. При представившейся необходимости увеличить продукцию сельского хозяйства, более рационально было заменить рабский труд из-под палки более производительным вольным трудом. Часть дворянства готова была отказаться от обязательного труда крепостных, удержавши при этом

за собой всю землю или, самое большее, выделив освобожденным крестьянам самый небольшой надел.

Не следует только представлять дело так, что декабристы были ловкачами-помещиками, стремившимися только к тому, чтобы побольше получить доходу со своих поместий. В отдельных случаях, правда, и такой мотив слышится весьма определенно. Но в виде правила—большинству либералов могло представляться, и действительно представлялось, что они действуют исключительно во имя интересов родины и народа. Экономическая подпочва стремлений того или иного класса далеко не всегда ясно осознается представителями этого класса.

Сами декабристы, по большей части, причину развития своих освободительных стремлений усматривали во влиянии на них свободомыслящих писателей Запада и непосредственных впечатлений во время заграничных походов. Отрицать влияние этих причин нельзя, но это причины уже вторичные.

Очень важным явлением в русской общественной жизни начала XIX в. было то, что в дворянстве начинали довольно явственно определяться буржуазные стремления,—в этом сказывалось развитие, хотя пока еще и недостаточно сильное, промышленного капитализма в России. Среди декабристов-теоретиков в наиболее чистом и законченном виде мелко-буржуазные, т.-е. наиболее передовые для того времени, стремления выразились в тех планах будущего устройства России, которые строил П. И. Пестель—этот наиболее левый из вождей, последовательный республиканец-демократ.

И для тех либералов, которые сохранили, прежде всего, дворянскую классовую сущность, и для тех, кто мечтал о чисто-буржуазном прогрессе для России, самодержавие царя являлось помехой. Правительство Александра I, опираясь на часть дворянства,—ведь, декабристы представляли меньшинство, а дворянская масса была чужда всякого либерализма,—после наполеоновских войн все более и более становилось на путь дикой реакции. Столкновение между этим правительством и передовым дворянством становилось неизбежным.

История тайных обществ эпохи Александра I несложна. Первые попытки офицерских организаций можно отнести уже к 1815 году. В 1816 г. сложилось, а в начале 1817 г. выработало устав первое формальное тайное общество — Союз Истинных и Верных Сынов Отечества (иначе: Союз Спасения). В 1818 г. он заменился Союзом Благоденствия. Хотя уже и в первые годы иногда в обществе заходили разговоры даже и о цареубийстве (Якушкин, Лунин), но они

не находили еще себе отголоска. В общем, стремления этих обществ были скорее эволюционно-реформаторские, чем революционные. Многие на первых порах даже наивно думали, что, собственно, ничего противоправительственного в их действиях нет. Вожаки, конечно, с самого начала ясно видели свою цель—замену самодержавия конституционным строем.

В 1821 г., на съезде в Москве, Союз Благоденствия был формально закрыт его лидерами. Это означало только то, что они хотели отделаться от нежелательных элементов и впредь действовать более конспиративно и более решительно. На место Союза Благоденствия возникло два новых общества: Северное—в Петербурге и Южное—в местах расположения южной армии. Кроме того, совершенно самостоятельно возникло общество Соединенных Славян, потом соединившееся с Южным Обществом.

Различия в стремлениях более умеренных северян и более радикальных южан были весьма существенны. Они расходились и в политических идеалах, и в тактике. Подчас можно говорить о решительной борьбе между ними. Соединения двух обществ, о котором так сильно хлопотал Пестель, не могло произойти.

Особое место занимают Соединенные Славяне. Членами этого общества, по большей части, были бедные армейские офицеры, хорошо сами сознававшие разницу своей классовой психики с барами южанами и северянами. Среди декабристов это была наиболее демократическая и наиболее революционная по тактике группа.

Революционное настроение постепенно поднималось, но общество еще не считало себя готовым к выступлению. Случайное обстоятельство — неожиданная смерть Александра I и происшедшие потом недоразумения с наследованием престола — заставило членов Северного Общества выступить раньше, чем предполагалось. Попытка 14 декабря была подавлена Николаем. Здесь в решительную минуту вожди движения изменили или растерялись. Точно также было подавлено и восстание Черниговского полка в Киевской губернии.

Николаю так легко было справиться с декабристами потому, что, во-1-х, не было единодушия в среде восставших, а во-2-х,—и это самое главное,— потому, что дворяне-заговорщики решительно не могли связаться с широкими народными массами, представлявшими очень благодарную почву для революции. „Мы больше всего боялись народной революции“,—заявил в своем показании А. А. Бестужев. Признание очень ценное. Призрак народной революции, пугачевщины, которая направилась бы прежде всего против дворянства, носился

все время перед взорами декабристов и очень ограничивал их революционный размах. Очень характерно, что они стремились в самой революции соблюдать „законность", желая, чтобы о перевороте объявил народу Сенат. Их идеалом была революция на манер испанской: чисто-военный заговор, руководимый офицерством и другими представителями верхнего слоя. В этом отношении даже такие революционно настроенные люди, как Пестель или С. И. Муравьев-Апостол, не представляли исключения: они тоже боялись революционных масс и полагали необходимым все время строго держать в своих руках эти массы и руководить ими. Так они относились и к солдатам. Только Соединенные Славяне иначе смотрели на роль солдат и пытались вести между ними пропаганду.

Печальную страницу истории декабристов представляет их поведение во время следствия. Вчерашние заговорщики бесконечно выдают друг друга, вчерашние цареубийцы (по крайней мере, на словах) унижаются перед царем и выражают полнейшее раскаяние. Исключения очень редки. И здесь—не простой страх смерти (правда, в иных случаях и он имел место, напр., у Трубецкого), а своеобразная черта дворянской психологии. Слишком тесна была в течение долгого времени связь дворянства, как класса, с царским самодержавием,—даже самые передовые дворяне в момент душевного расстройства, подавленные неудачей, нашли в глубине своих душ источники благоговения к самодержцу. К тому же, Николай легко ловил сентиментально-восторженных людей на удочку „благородства", благодарности и тому подобных переживаний.

К этому можно только прибавить, что и в последующих политических процессах — у петрашевцев, каракозовцев и пр.—мы видим приблизительно то же самое. Только с 70 гг. революционеры вырабатывают другую манеру держаться перед своими судьями и палачами.

В лице различных сановников Николай нашел чрезвычайно покладистых судей, которые усердствовали чуть ли не больше самого монарха. Это понятно: судьи были представителями аристократии, крупного землевладения. Для них и конституция Никиты Муравьева, главного теоретика Северного Общества, отдававшая власть в руки среднего дворянства, являлась каким-то революционным ужасом. Пять человек были приговорены к повешению (первоначально даже—к четвертованию!), 121—к другим наказаниям, главным образом—к ссылке на каторжные работы и на поселение. Сюда еще не входит часть участников восстания Черниговского полка, — те судились особым судом в Могилеве.

Для последующих поколений значение восстания декабристов было очень велико. О декабристах была создана красивая легенда— далеко не во всем соответствовавшая действительности. Для поддержания революционных настроений она имела громадное значение. Наше время разрушило эту легенду. Но и беря движение декабристов в тех очертаниях, которые оно подлинно имело, нельзя не признавать его очень значительным историческим фактом. Это было, во всяком случае, первое вооруженное выступление против царизма. Это выступление в Петербурге приняло форму скорее военной демонстрации, но на юге было стремление бороться до конца, хотя и без надежды на успех. Здесь, несомненно, был элемент сознательного самопожертвования для примера будущим поколениям. У Соединенных Славян было и стремление, хотя бы и в зачаточном виде, связать революцию с массами. Эти первые, еще робкие, пропагандисты революционных идей в массах инстинктом верно чувствовали, в чем заключалась будущность революции, в чем было необходимое условие ее успешности.

Ранний период тайного общества.

Все декабристы, говоря о возникновении у них либеральных идей, подчеркивают влияние заграничных впечатлений. Образчик такого понимания можно видеть в записках Фонвизина. Критика русских порядков, весьма наводивших на размышление, дана у того же Фонвизина и в письме А. А. Бестужева к Николаю. В этом письме, в тех картинах будущей России, которые рисует автор, определенно чувствуются чисто-буржуазные стремления. О мирном характере тайного общества на первых порах его существования говорит Николай Тургенев в известной своей книге, да и сам устав Союза Благоденствия. Правда, устав не выражал всей сущности дела—„посвященным“ сообщались и другие цели, и в общем союз был левее своего устава. Отрывок из дневника Н. Тургенева характерен, как свидетельство живого влияния на декабристов современных европейских событий и, в частности, именно, испанской революции. Отрывок из записок Якушкина о неудаче его планов безземельного „освобождения“ крестьян, а также отрывки из записки Тургенева и из записок Трубецкого вводят в круг освободительных стремлений декабристов относительно крестьян—в чисто-дворянском понимании слова „освобождение“.

Из записок М. А. Фонвизина.

Две неудачные войны с Наполеоном и третья, угрожавшая в 1812 году независимости России, заставили молодых русских патриотов исключительно посвятить себя военному званию на защиту отечества. Дворянство, патриотически сочувствуя упадку нашей военной славы в войнах с Францией 1805 и 1807 гг. и предвидя скорый разрыв с нею, спешило вступать в ряды войска, готового встретить Наполеона. Все порядочные и образованные молодые люди, презирая гражданскую службу, шли в одну военную; молодые тайные и действительные статские советники с радостью переходили в армию подполковниками и майорами перед 1812 годом. Чрезвычайные события этого года, славное изгнание из России до того непобедимого императора французов и истребление его несметных полчищ, последовавшие затем кампании 1813 и 1814 гг. и взятие Парижа, в которых наша армия принимала такое деятельное участие,—все это необыкновенно возвысило дух наших войск и особенно молодых офицеров.

В продолжение двухлетней тревожной боевой жизни, среди беспрестанных опасностей, они привыкли к сильным ощущениям, которые для смелых делаются почти потребностью.

В таком настроении духа, с чувством своего достоинства и возвышенной любви к отечеству, большая часть офицеров гвардии и генерального штаба возвратилась в 1815 г. в Петербург. В походах по Германии и Франции наши молодые люди ознакомились с европейской цивилизацией, которая произвела на них тем сильнейшее впечатление, что они могли сравнивать все виденное ими за границею с тем, что им на всяком шагу представлялось на родине,—рабство огромного бесправного большинства русских, жестокое обращение начальников с подчиненными, всякого рода злоупотребления власти, повсюду царствующий произвол,—все это возмущало и приводило в негодование образованных русских и их патриотическое чувство. Многие из них познакомились в походе с германскими офицерами, членами прусского тайного союза (Tugendbund), который так благотворно приготовил восстание Пруссии и содействовал ее освобождению, и с французскими либералами. В откровенных беседах с ними наши молодые люди нечувствительно усвоили их свободный образ мыслей и стремление к конституционным учреждениям, стыдясь за Россию, так глубоко униженную самовластием.

Возвратясь в Петербург, могли ли наши либералы удовлетвориться пошлою полковою жизнью и скучными мелочными занятиями и подробностями строевой службы, которые от них требовали строго начальники, угождая тем врожденной склонности Александра и братьев к фрунтомании, солдатской вытяжке, одиночному учению и проч., несмотря на то, что опыты двухлетней жестокой войны с неприятелем самым искусным могли бы, кажется, убедить Александра, что не от этих мелочей зависит победа. Притом, русских оскорбляло явное предпочтение, оказываемое императором всем вообще иностранцам перед его подданными, к которым он и не скрывал своего неуважения: присоединенной Польше он даровал конституционные установления, которых Россию почитал недостойною.

Пока осмысленные русские патриоты могли еще ожидать от самого Александра благодетельных преобразований, которые, ограни-

чив его самовластие, сколько-нибудь улучшили бы состояние народа, они готовы были усердно содействовать его благим намерениям, но когда они убедились в совершенном изменении его прежнего свободолюбивого образа мыслей после войны, по вредному влиянию на него Меттерниха, когда узнали о политических действиях его на конгрессах Венском, Ахенском, Лайбахском, Веронском, на которых Александр со своими союзниками обнаружил неприязненное чувство к свободе народов, то самые восторженные почитатели его в блистательную эпоху занятия Парижа совершенно охладели к нему.

В то время многие офицеры гвардии и генерального штаба со страстью учились и читали преимущественно сочинения и журналы политические, также иностранные газеты, в которых так драматически представляется борьба оппозиции с правительством в конституционных государствах. Изучая смелые политические системы и теории, весьма естественно, что занимающиеся ими желали бы видеть их приложение в своем отечестве. А это и было главным предметом занятий размножившихся в Европе тайных политических обществ, члены которых исключительно посвящали себя политике. Статуты некоторых из этих союзов, существовавших во Франции и Германии, завезены были в Россию и навели наших либералов на мысль учредить тайное политическое общество у нас, с целью ограничить самодержавие.

Из письма А. А Бестужева к Николаю I.

(Из крепости).

Начало царствования императора Александра было ознаменовано самыми блестящими надеждами для благосостояния России. Дворянство отдохнуло; купечество не жаловалось на кредит, войска служили *без труда, ученые учились, чему хотели;* все говорили, что думали, и все по многому хорошему ждали еще лучшего. К несчастью обстоятельства до того не допустили, и надежды состарились без исполнения. Неудачная война 1807 г. и другие многостоящие расстроили финансы; но того еще не замечали в приготовлениях к войне отечественной. Наконец Наполеон вторгся в Россию, и тогда-то народ русский впервые ощутил свою силу; тогда-то пробудилось во всех сердцах чувство независимости, сперва политической, а впоследствии и народной. Вот начало свободомыслия в России. Правительство само произнесло слова: „свобода, освобождение". Само рассевало сочинения о злоупотреблении неограниченной власти Наполеона, и клик русского монарха огласил берега Рейна и Сены.

Еще война длилась, когда ратники, возвратясь в домы, первые разнесли ропот в классе народа. „Мы проливали кровь, говорили они, а нас опять заставляют потеть на барщине. Мы избавили родину от тирана, а нас опять тиранят господа". Войска от генералов до солдат, пришедши назад, только и толковали, как хорошо в чужих землях. Сравнение со своим естественно произвело вопрос, почему же не так у нас? Сначала, покуда говорили о том беспрепятственно, это расходилось на ветер, ибо ум, как порох, опасен только сжатый. Луч надежды, что государь император даст конституцию, как он то упомянул при открытии сейма в Варшаве, и попытка некоторых генералов освободить рабов своих еще ласкали многих. Но с 1817 г. все переменилось. Люди, видевшие худое, или желавшие лучшего, от множества шпионов принуждены стали разговаривать скрытно, и вот начало тайных обществ. Притеснение начальством заслуженных офицеров разгорячало умы. Тогда-то стали говорить военные: „Для того ли мы освободили Европу, чтобы наложить ее цепи на себя? Для того ли дали конституцию Франции, чтобы не сметь говорить о ней, и купили кровью первенство между народами, чтобы нас унижали дома?" Уничтожение нормальных школ и гонение на просвещение заставило думать, в безнадежности, о важнейших мерах. А как ропот народа, от истощения и злоупотребления земских и гражданских властей происшедший, грозил кровавою революциею, то общества вознамерились отвратить меньшим злом большее и начать свои действия при первом удобном случае. Теперь я опишу положение, в каком видели мы Россию.

Войска Наполеона, как саранча, оставили за собой надолго семена разрушения. Многие губернии обнищали, и правительство медлительными мерами или скудным способием дало им вовсе погибнуть. Дожди и засухи голодили другие края. Устройство непрочных дорог занимало руки трети России, а хлеб гнил на корню. Злоупотребления исправников стали заметнее обедневшим крестьянам, а угнетения дворян чувствительнее, потому что они стали понимать права людей [1]). Запрещение винокурения отняло во многих губерниях все средства к сбыту семян, а размножение питейных домов испортило нравственность и разорило крестьянский быт. Поселения

[1]) Поведение русских дворян в этом отношении ужасно. Негры на плантациях счастливее многих помещичьих крестьян. Продавать в розницу семьи, похитить невинность, развратить жен крестьянских—считается ни во что и делается явно. Не говорю уж о барщине и оброках, но есть изверги, которые раздают борзых щенков для выкормления грудью крестьянок... К счастью человечества такие примеры не часты, но к стыду оного они существуют.

парализировали не только умы и все помыслы тех мест, где устроились, и навели ужас на остальные. Частые переходы полков безмерно тяготили напутных жителей; редкость денег привела крестьян в неоплатные недоимки,—одним словом, все они вздыхали о прежних годах, все роптали на настоящее, все жаждали лучшего до того, что пустой слух, будто дают места на Аму-Дарье, влек тысячи жителей Украины, куда? не знали сами. Целые селения снимались и бродили наугад, и многочисленные возмущения барщин ознаменовали 3 последние года царствования Александра.

Мещане, класс почтенный и значительный во всех других государствах, у нас ничтожен, беден, обременен повинностями, лишен средств к пропитанию. В других нациях они населяют города, у нас же, как города существуют только на карте, и вольность ремесл стесняют в них цехи, то кочуют как цыгане, занимаясь щепетильною перепродажею. Упадок торговли отразился на них сильнее по их бедности; ибо они зависят от купцов, как мелкие торгаши, или как работники на фабриках.

Купечество, стесненное гильдиями и затрудненное в путях доставки, потерпело важный урон с 1812 г. Многие колоссальные фортуны погибли, другие расстроились. Дела с казною разорили множество купцов и подрядчиков, а с ними и клиентов и верителей, затяжкою в уплате, учетами и неправыми прижимками в приеме. Лихоимство проникло всюду. Разврат мнений дал силу потачки вексельному уставу. Злостные банкруты умножились, и доверие упало. Шаткость тарифа привела в нищету многих фабрикантов и испугала других, и вывела правительство наше из веры, равно у своих, как и чужеземных негоциантов. Следствием сего был еще больший упадок нашего курса (т. е. внешнего кредита), от государственных долгов происшедший, и всеобщая жалоба, что нет наличных. Запретительная система, обогащая контрабандистов, не поднимала цены на наши изделия, и, следуя моде, все платили в тридорога за так называемые конфискованные товары. Наконец, указ, чтобы мещане и мелкие торговцы или записывались в полиции, или платили бы налог, нанес бы решительный удар торговле, и удержание исполнения не удержало их от ропота. Впрочем и без того упадок торговли был столь велик, что на главных ярмарках и в портах мена и отпуск за границу уменьшились третью. Купцы еще справедливо жаловались на иностранцев, особенно англичан, которые вопреки уставу имеют по селам своих агентов и, скупая в первые руки сырые произведения для вывоза за границу, лишают тем мелких торговцев промысла, а государство—обращения капиталов.

Дворянство было тоже недовольно за худой сбыт своих произведений, дороговизну предметов роскоши и долготою судопроизводства. Оно разделяется на 3 разряда: на просвещенных, из которых большая часть составляет знать; на грамотных, которые или мучат других, как судьи, или сами таскаются по тяжбам, и, наконец, на невежд, которые живут по деревням, служат церковными старостами, или уже в отставке, послужив бог знает как в полевых. Из них-то мелкопоместные составляют язву России; всегда виноватые и всегда ропщущие и желая жить не по достатку, а по претензиям своим, мучат бедных крестьян своих нещадно. Прочие разоряются на охоту, на капели [1]), на столичную жизнь или от тяжб. Наибольшая часть лучшего дворянства, служа в военной службе или в столицах, требующих роскоши, доверяют хозяйство наместникам, которые обирают крестьян, обманывают господ, и таким образом $^{9}/_{10}$ имений в России расстроено и в закладе. Духовенство сельское в жалком состоянии. Не имея никакого оклада, оно вовсе предано милости крестьян и оттого, принужденное угождать им, впадало само в пороки, для удаления коих учреждено. Между тем, как сельское нищенствовало в неуважении, указ об одеждах жен священнических, привел в волнение и неудовольствие богатое городское духовенство.

Солдаты роптали на истому ученьями, чисткою, караулами; офицеры на скудность жалованья и непомерную строгость. Матросы на черную работу, удвоенную по злоупотреблению, морские офицеры на бездействие. Люди с дарованиями жаловались, что им заграждают дорогу по службе, требуя лишь безмолвной покорности; ученые на то, что им не дают учить, молодежь на препятствия в учении. Словом, во всех углах виделись недовольные лица; на улицах пожимали плечами, везде шептались—все говорили, к чему это приведет? все элементы были в брожении. Одно лишь правительство беззаботно дремало над вулканом, одни судебные места блаженствовали, ибо только для них Россия была обетованной землей. Лихоимство их взошло до неслыханной степени бесстыдства. Писаря заводили лошадей, повытчики покупали деревни, и только возвышение цены взяток отличало вышние места, так что в столице под глазами блюстителей производился явный торг правосудием. Хорошо еще платить бы за дело, а то брали, водили и ничего не делали. Вашему императорскому величеству вероятно известны теперь сии злоупотребления, но их скрыли от покойного императора. Прибыльные места продавались по таксе и были обложены оброком. Цен-

[1]) Капеллы—певческие хоры.

тральность судебных мест, привлекая каждую безделицу к верху, способствовала аппеляциям, справкам, пересудам, и десятки лет проходили прежде решения, т. е. разорения обеих сторон. Одним словом, в казне, в судах, в комиссариатах, у губернаторов, у генерал-губернаторов, везде, где замешался интерес, кто мог, тот грабил, кто не смел, тот крал. Везде честные люди страдали, а ябедники и плуты радовались.

Вот мечты наши о будущем. Мы думали учредить Сенат из старейших и умнейших голов русских, в который надеялись привлечь всех важных людей нынешнего правления, ибо полагали, что власть и честолюбие всегда имели бы свою приманку. Палату же представителей составить по выбору народа изо всех состояний. Как неоспоримо, что общего мнения установить или дать ему силу нельзя иначе, как связав оное с интересом каждого, то на сем правиле основывали мы бескорыстие судей. Каждая инстанция имела бы у нас свой беспереносный круг действия; при том тяжущиеся могли бы избирать по произволу из известного числа судей любого, так что честь и выгода заставили бы их друг перед другом быть правдивее, а публичность судопроизводства, ограничение срока оного и свобода книгопечатания обличала бы нерадивых или криводушных. Для просвещения нижних классов народа хотели повсеместно завести ланкастерские школы. А чтобы поправить его нравственность,— то возвысить белое духовенство, дав оному способы к жизни. Увольнение почти от всех земских повинностей, свобода винокурения и улучшение казенными средствами дорог между бедными и богатыми хлебом местами, поощрение земледелия и вообще покровительство промышленности привело бы в довольство крестьян. Обеспечение и постоянство прав привлекло бы в Россию множество производительных иноземцев. Фабрики бы умножились с возрастанием запроса на искусственные произведения, а соревнование поощрило бы их усовершенствование, которое возвышается наравне с благосостоянием народа, ибо нужды на предметы довольства жизни и роскоши беспрестанны. Капиталы, застоявшиеся в Англии, заверенные в несомненности прибытка на многие годы вперед, полились бы в Россию, ибо в сем новом переработанном мире они выгоднее могли быть употреблены, чем в Ост-Индии или Америке. Устранение или, по крайней мере, ограничение запретительной системы и устройство путей сообщения не там, где легче, как было прежде, а там, где необходимее, равно как заведение казенного купеческого флота, дабы не платить чужеземцам дорогого фрахта за свои произведения и обратить транзитную торговлю в русские руки, дало бы цвести

торговле, сей, так сказать, мышце силы государственной. Финансы же поправить уменьшением в треть армии и вообще всех платных и ненужных чиновников. Что же касается до внешней политики, то действовать открыто, жить со всеми в мире, не мешаясь в чужие дела и не позволяя вступаться в свои, не слушать толков, не бояться угроз, ибо Россия самобытна и может обойтиться на случай разрыва без пособия постороннего. В ней заключается целый мир; да и торговые выгоды других наций никогда не допустили бы ее в чем-либо нуждаться.

Из книги И. И. Тургенева „Россия и русские“.

Я вернулся на родину в конце 1816 года. Толчок, данный умам только что происшедшими событиями, или, скорее, возбуждение, ими произведенное, были очевидны. Именно с момента возвращения русских армий в свою страну *либеральные идеи*, как говорили тогда, начали распространяться в России. Кроме регулярных войск, большие массы народного ополчения также видели заграничные страны: эти ополченцы всех рангов, переходя границу, возвращались к своим очагам и рассказывали о том, что они видели в Европе. Сами события говорили громче, чем любой человеческий голос. Это была настоящая пропаганда.

Это новое настроение умов сказывалось преимущественно в тех местах, где были сосредоточены войска, особенно же в С.-Петербурге, деловом центре, включавшем многочисленные гарнизоны из отборных войск...

Я слышал, как люди, возвращавшиеся в С.-Петербург после нескольких лет отсутствия, выражали свое изумление при виде перемены, происшедшей во всем укладе жизни, в речах и даже поступках молодежи этой столицы: она как будто пробудилась к новой жизни, вдохновляясь всем, что было самого благородного и чистого в нравственной и политической атмосфере. Особенно гвардейские офицеры обращали на себя внимание свободой своих суждений и смелостью, с которой они высказывали их, весьма мало заботясь о том, говорили ли они в публичном месте или в частной гостинной, слушали ли их сторонники или противники их воззрений. Никто не думал о шпионах, которые в эту эпоху были почти неизвестны.

...Некоторые молодые люди задумали дать планомерный толчок новым идеям и способствовать их практическому существованию. Находясь в Германии во время военных действий, они слышали о существовании тайных обществ; они усвоили идею этих обществ и

решили объединить в союзе, организованном на подобие этих обществ, лиц, проявлявших рвение к общественному благу. Спешу поставить на вид, что русское правительство в то время внушало вообще так мало недоверия, казалось даже в такой мере настроенным в пользу благодетельных реформ, что среди основателей общества шла речь о том, не следует ли обратиться к правительству за поддержкой. Лишь из опасения, что их намерения будут не поняты, они решили действовать без помощи и без ведома императора. Если в этом обстоятельстве сказалась неопытность первых основателей тайных обществ в России, то этим доказывается также их искренность и безобидность их намерений...

Очень ошибся бы тот, кто предположил бы, что на этих тайных собраниях только и делали, что составляли заговоры: здесь совсем не было заговорщиков. Если кто-нибудь из участников Союза думал о заговоре, то он вскоре должен был убедиться, что какой бы то ни было заговор был там невозможен. Обыкновенно начинали с того, что оплакивали бессилие общества предпринять что-либо серьезное. Беседа переходила потом на политику вообще, на условия, в которых находилась страна, на угнетавшее ее зло, на злоупотребления, действовавшие на нее растлевающим образом, наконец, на ее будущее... Делался обзор европейских событий, и мы с радостью приветствовали движение вперед цивилизованных стран по пути свободы. Если я жил когда-нибудь жизнью людей, чувствующих свое назначение и желающих исполнить его, то это было, главным образом, в течение этих редких минут общения с людьми, которых одушевлял разумный и бескорыстный энтузиазм к счастью своих ближних...

Вступив в Союз Благоденствия, я не нашел там никакой организации. Статуты говорили о разделении членов на различные секции, из которых каждая должна была заниматься особыми предметами; они гласили также, что руководство обществом должно быть вверено верховному совету и т. д. Ничего из всего этого не существовало на самом деле. Члены Союза, близко знакомые между собой частным образом, вполне естественно искали общества друг друга; таким образом я виделся иногда с теми, с кем я раньше имел сношения. Вожаки или те, кого считали за таковых, были по большей части самыми старыми членами общества. Секретарь служил посредником между ними и другими участниками. Последние состояли почти исключительно из гвардейских офицеров и литераторов. В большинстве юноши, горевшие нетерпением, они не переставали требовать через секретаря указаний относительно того, что

им делать, жалуясь на бездействие, в котором их оставляли, и упрекая вождей за недостаток рвения. Затруднительность положения последних равнялась пылу остальных; они не знали, что отвечать на подобные требования.

Из дневника Н. И. Тургенева.

24 марта 1820. Вчера получили здесь известие, что король гиспанский объявил конституцию кортесов. Слава тебе, славная армия гиспанская! Слава гиспанскому народу! Во второй раз Гишпания доказывает, что значит дух народный, что значит любовь к отечеству. Бывшие нынешние инсургенты, сколько можно судить по газетам, вели себя весьма благородно. Объявили народу, что они хотят конституции, без которой Гишпания не может быть благополучна; объявили, что, может быть, предприятие их не удастся, они погибнут все жертвами за свою любовь к отечеству; но что память о сем предприятии, память о конституции, о свободе будет жить, останется в сердце Гиспанского народа.

28 марта. Светлое воскресение. Сегодня поутру читал испанскую конституцию. Для выборов 3 степени. Кортесы всё: король весьма немного. Думают, что эта конституция устоять не может. Кто знает? Невежды не понимают, как можно правительству не иметь права брать подати. Гиспанский народ показал себя столь почтенным, столь благоразумным; правительство же гиспанское показало себя столь глупым и гнусным, что, может быть, т а к а я только конституция может спасти государство.

Гиспанская новость есть мне истинная радость для Светлого дня. Этот праздник имеет некоторым свойством освобождение. Искупают должников из тюрьмы. У нас на Руси покупают даже птиц и пускают их под небо, на свободу. Свобода да озарит Испанию своим благотворным светом. Гиспанцы, народ славный и почтенный, в другой раз удивляют в важных случаях Европу своим благородством, своим характером.

Из устава Союза Благоденствия.

КНИГА I

§ 1. Убедясь, что добрая нравственность есть твердый оплот благоденствия и доблести народной, и что при всех об оном заботах правительства едва ли достигнет оное своей цели, ежели управляемые с своей стороны ему в сих благотворных намерениях со-

действовать не станут, Союз Благоденствия в святую себе вменяет обязанность распространением между соотечественниками истинных правил нравственности и просвещения, споспешествовать правительству к возведению России на степень величия и благоденствия, к коей она самим творцом предназначена.

§ 2. Имея целью благо отечества, Союз не скрывает оной от благомыслящих сограждан, но для избежания нареканий злобы и зависти, действия оного должны производиться в тайне.

§ 5. В цель Союза входят следующие четыре главные отрасли: 1) человеколюбие; 2) образование; 3) правосудие; 4) общественное хозяйство.

КНИГА II

§ 1. Союз Благоденствия, имея целью общее благо, приглашает к себе всех, кои честною своею жизнью удостоились в обществе доброго имени, и кои, чувствуя все величие цели Союза, готовы перенести все трудности, с стремлением к оной сопряженные.

§ 2. Союз не взирает на различие состояний и сословий: все те из российских граждан, дворяне, духовные, купцы, мещане и вольные люди, кои соответствуют вышеозначенному, исповедуют христианскую веру и имеют не менее 18 лет от роду, приемлются в Союз Благоденствия.

§ 3. Женский пол в Союз не принимается. Должно, однако-ж, стараться нечувствительным образом склонять его к составлению человеколюбивых и вообще частных обществ, соответствующих цели Союза.

§ 5. Каждый член, вступив в Союз, обязан, судя по своим способностям, приписаться к которой-нибудь из отраслей, в цели означенных, и сколько возможно содействовать трудам ее.

§ 6. Каждый член обязан беспрекословно повиноваться всем законным повелениям властей Союза; ревностно исполнять все даваемые ими поручения, и без досады подчиняться всем замечаниям, кои помянутыми властями, за неисполнение обязанностей, сделаны быть могут.

§ 7. Члены Союза не токмо не должны уклоняться от общественных обязанностей, но как истинные сыны отечества с удовольствием их принимать, с рачением исполнять, и как непорочным поведением, так правосудием и благородством возвышать во мнении других занимаемое ими место.

§ 12. Всякий член обязан, вступив в Союз, вносить ежегодно в общественную казну двадцать пятую часть своего дохода. Союз в сем случае полагается совершенно на честность каждого вступающего; ибо добродетель, а не иное чувство, побуждает каждого содействовать общему благу.

§ 22. Каждый член до принятия своего подписывает следующее объявление:

„Я, нижеподписавшийся, полагаясь на уверение, что ни в цели, ни в законах Союза Благоденствия нет ничего противного вере, отечеству и общественным обязанностям,—честным моим словом обязуюсь, если мне оные по прочтении не понравятся и я в Союз не вступлю, отнюдь не разглашать, наипаче же не порицать его".

§ 23. После сего, если, по прочтении первой части законоположения Союза, он пожелает вступить в Союз, то должен подписать следующее объявление:

„Я, нижеподписавшийся, находя цель и законы Союза Благоденствия совершенно сходными с моими правилами, обязуюсь деятельно участвовать в управлении и занятиях его,—покоряться законам и установленным от него властям;—и сверх того, даю честное слово, что даже по добровольном или принужденном оставлении Союза не буду порицать его, а тем менее противодействовать оному. В противном случае добровольно подвергаюсь презрению всех благомыслящих людей".

КНИГА IV

Отрасль первая.

§ 11. Члены сей отрасли обращают внимание помещиков на отклонение крестьян бродить по миру;—и тех, у коих более таковых, подвергают суждению соотечественников, дабы тем заставить их взять меры к прекращению праздношатания.

§ 12. Вообще стараются склонять помещиков к хорошему с крестьянами обхождению, представляя: что подданные такие же люди и что никаких в мире отличных прав не существует, которые дозволили бы властителям жестоко с подвластными обходиться.

§ 13. Уговаривают соотечественников к составлению человеколюбивых обществ и заведений, и вступают во все уже ныне существующие.

Отрасль вторая.

§ 41. Члены, имеющие поместья, должны по возможности учреждать училища в деревнях своих и наблюдать, чтоб все шло надлежащим ходом.

§ 43. При воспитании должны они сколь возможно избегать чужестранного, дабы ни малейшее к чужому пристрастие не потемняло святого чувства любви к отечеству.

§ 49. Члены, занимающиеся словесностью, должны на произведения свои налагать печать изящного, не теряя из виду, что истинно изящное все то, что возбуждает в нас высокие и к добру увлекающие чувства.

§ 53. Члены должны стараться вступать, с ведома Союза, во все ученые общества, склонять их к цели истинного просвещения.

§ 55. Он старается изыскать средства изящным искусствам дать надлежащее направление, состоящее не в изнеживании чувств, но в укреплении, благородствовании и возвышении нравственного существа нашего.

Отрасль третья.

§ 56. Все дела по разным частям управления в отечестве состоят под надзором членов сей отрасли.

§ 57. Они не только не отказываются и не уклоняются от должностей, особенно по выборам дворянства, но, напротив, ищут таковых мест; собственным непорочным и бескорыстным прохождением службы оные возвышают и сохраняют им всю их важность и достоинство. Строгое и ревностное исполнение возложенных по службе или государственных обязанностей есть отличная черта члена Союза Благоденствия.

§ 60. Соглашают различные племена, состояния, сословия и роды службы, в отечестве находящиеся,—представляя, что оные одинаково полезны, и всех их к одной цели направляют—к благоденствию России.

Отрасль четвертая.

§ 68. По сей отрасли Союз занимается изысканием непреложных правил общественного богатства, о которых в течение стольких веков множество было различных прений и рассуждений,—способствует усовершенствованию всякого рода полезной промышленности,—старается водворить общественную доверенность,—противится вредному единоторжству, собирающему богатство в одни руки.

Из записок И. Д. Якушкина.

В 19 году, поехав из Москвы повидаться со своими, я заехал в смоленское свое имение. Крестьяне, собравшись, стали просить меня, что так как я не служу и ничего не делаю, то мне бы приехать пожить с ними, и уверяли, что я буду уже им тем полезен, что при мне будут менее притеснять их. Я убедился, что в их словах много правды, и переехал на житье в деревню. Соседи тотчас прислали поздравить с приездом, обещая каждый скоро посетить меня; но я через посланных их просил перед ними извинения, что теперь никого из них не могу принять. Меня оставили в покое, но, разумеется, смотрели на меня как на чудака. Первым моим распоряжением было уменьшить наполовину господскую запашку. Имение было на барщине, и крестьяне были далеко не в удовлетворительном положении; многие поборы, отяготительные для них и приносившие мало пользы помещику, были отменены.

Чтобы сблизиться сколько возможно скорее с моими крестьянами, я всех их и во всякий час допускал до себя и, по возможности, удовлетворял их требования; скоро отучил я их кланяться мне в ноги и стоять передо мной без шапки, когда я сам был в шляпе. За проступки они не иначе наказывались, как по приговору всех домохозяев. Почва вообще в Смоленской губернии не плодотворна; при недостатке скота мои крестьяне не могли достаточно удобрять своих полей. Обыкновенно урожаи бывали очень скудны, так что собираемого хлеба едва доставало крестьянам на продовольствие и посев. Единственные их промыслы были зимою: извоз и добывание извести; и то и другое доставляло незначительную прибыль. С этими средствами они, конечно, не ходили по миру, но нельзя было надеяться этими средствами улучшить их состояние, тем более, что, привыкнув терпеть нужду и не имея надежды когда-нибудь с нею расстаться, они говорили, что всей работы никогда не переработаешь, и потому трудились и на себя и на барина, никогда не напрягая сил своих. Надо было придумать способ возбудить в них деятельность и поставить их в необходимость прилежно трудиться. Способ этот по тогдашним моим понятиям состоял в том, чтобы прежде всего поставить их в совершенно независимое положение от помещика, и я написал прошение к министру внутренних дел, Козодавлеву, в котором изъявил желание освободить своих крестьян и изложил условия, на которых желаю освободить их. Я предоставлял в совершенное и полное владение моим крестьянам их дома, скот, лошадей и все их имущество. Усадьбы и выгоны в том самом виде, как они находились тогда, оставались принад-

лежностью тех же деревень. За все за это я не требовал от крестьян моих никакого возмездия. Остальную же всю землю я оставлял за собой, предполагая половину обрабатывать вольнонаемными людьми, а другую половину отдавать в наем своим крестьянам. Молодое же поколение, мне казалось, необходимо было прежде всего сколько-нибудь осмыслить и потом доставить им более верные средства добывать пропитание, нежели какие до сих пор имели отцы их. Для этого я на первый раз взял к себе 12 мальчиков и сам стал учить их грамоте, с тем, чтобы после раздать их в Москву в учение разным мастерствам. Но набор мальчиков совершился не совсем с добровольного согласия крестьян; они сперва были уверены, что я беру их детей к себе в дворовые, и тем более это могло им казаться вероятным, что вся моя дворня состояла из одного человека, который был со мной в походе, и наемного отставного унтер-офицера. Скоро, однакож, отцы и матери успокоились за своих детей, видя, что они учатся грамоте, всегда веселые и ходят в синих рубашках...

Наконец, вяземский дворянский предводитель получил предписание из министерства внутренних дел потребовать от меня показание, на каких условиях я хочу сделать своих крестьян вольными хлебопашцами, и означить, сколько передаю я земли каждому из них; потом допросить крестьян моих, согласны ли они поступить в вольные хлебопашцы на предлагаемых мною условиях, словом, поступить совершенно по учреждению для крестьян, поступающих в вольные хлебопашцы, обнародованному в 1805 году, февраля 20. Из этого было очевидно, что в министерстве не обратили ни малейшего внимания на смысл моей просьбы. Оставалось только мне ехать самому в Петербург и изустно объясниться с министром, но прежде мне хотелось знать, оценят ли мои крестьяне выгоду для себя условий, на которых я предполагал освободить их. Я собрал их и долго с ними толковал; они слушали меня со вниманием и, наконец, спросили: „Земля, которою мы теперь владеем, будет принадлежать нам, или нет?“ Я им отвечал, что земля будет принадлежать мне, но что они будут властны ее нанимать у меня.—„Ну так, батюшка, оставайся все по-старому; мы ваши, а земля наша“. Напрасно я старался им объяснить всю выгоду независимости, которую им доставит освобождение. Русский крестьянин не допускает возможности, чтоб у него не было хоть клока земли, которую он пахал бы для себя собственно. Надеясь, что мои крестьяне со временем примирятся с условиями, на которых я предположил освободить их, в начале 20 года я отправился в Петербург.

Из записки Н. И. Тургенева „Нечто о крепостном состоянии“.

(1819 г.)

Правительство могло бы издать полные правила, по коим помещики могли бы обращать крестьян в вольных хлебопашцев.

Сии правила, ограждая выгоды крестьян, должны оградить и выгоды помещиков и предоставить как крестьянам, так равно и помещику законные способы и возможность искать и получать удовлетворение, скорое и полное, во взаимных их жалобах и неудовольствиях.

В сем предполагаемом новом устройстве вольных хлебопашцев, правительство могло бы взять на себя большую часть обязанностей помещиков в отношении к крестьянам, как-то: управление ими, разбор их взаимных споров, дел и так далее. Помещик же, удержав за собою собственность земли, заключал бы с живущими на ней крестьянами добровольные условия, которые через то самое состояли бы под защитою и покровительством правительства. Тогда нужно было бы определить точнее право перехода крестьян с одного места на другое, право, которым наши крестьяне, конечно, не воспользуются без крайней нужды, потому что привязанность к месту рождения, свойственная вообще всем людям, свойственна нашим крестьянам даже до суеверия. Мы видим, чего стоит помещику заставить крестьян строить дома в ином порядке; видим, с каким несравненно большими затруднениями сопряжено переселение крестьян из одной губернии в другую, даже плодороднейшую. Право перехода крестьян представляет действительное затруднение только в собирании подушного налога. Но надобно надеяться, что при теперешнем духе управления финансовою частью, отличающемся здравыми идеями о свойстве и источниках богатств народных,— надобно надеяться, что сей налог, несогласный с правилами государственного хозяйства, будет заменен другим налогом, более сообразным и с духом времени, и с нуждами государственными.

Из записок С. П. Трубецкого.

Император Александр приступил к исполнению двух мыслей: 1) был составлен проект для освобождения крестьян эстляндских, и явно начали говорить, что он намерен дать свободу всем крестьянам помещичьим; 2) другой проект, переданный графом Аракчее-

вым, был учреждение военных поселений... Первый проект должен был иметь противниками почти всех помещиков, требовалось неусыпное действие членов для поддержания его и направления общего убеждения в необходимости этой меры. Должно было представить помещикам, что рано или поздно крестьяне будут свободны, что гораздо полезнее помещикам самим их освободить, потому что тогда они могут заключить с ними выгодные для себя условия, что если помещики будут упорствовать и не согласятся добровольно, то крестьяне могут вырвать у них себе свободу, и тогда отечество может быть на краю бездны. С восстанием крестьян неминуемо соединены будут ужасы, которых никакое воображение представить себе не может, государство сделается жертвою раздоров, и, может быть, добычею честолюбцев; наконец, может распасться на части и из одного сильного государства обратиться в разные слабые. Вся слава и сила России может погибнуть, если не навсегда, то на многие века. Члены общества были молодые люди, не имевшие еще собственных поместьев; они не могли дать примера согражданам освобождением собственных крестьян, и потому им предстоял один только способ действия,—убеждение словом...

Северное и Южное общество. Соединенные Славяне.

Записки Волконского и Трубецкого дают понятие о различии в стремлениях двух обществ и о том подозрительном отношении к Пестелю, переходившем в прямую борьбу с его влиянием, какое было у северян.—В поэтическом изображении Пушкина, достаточно недоброжелательном, тоже чувствуется разница между двумя обществами: его едкая ирония больше относится к Северному обществу в первый период его существования; южане представлены, как более серьезные революционеры. Записка Батенкова, конституция Никиты Муравьева и „Русская Правда“ Пестеля показывают политические стремления различных групп декабристов. Батенков (хотя лично он был небогатый дворянин) представляет правое крыло и дает наброски аристократической конституции. Ник. Муравьев является центром; его конституция имеет в виду средней руки дворян, как основную массу избирателей и законодателей. При переводе имущественного ценза, устанавливаемого им, нужно иметь в виду, что средняя цена крепостной „души“ была в 100 р. серебром. Значит, избирателями у него являются владельцы 50-ти душ (минимум), а законодателями — владельцы 300 душ. Таким образом, в проекте Н. Муравьева „Коробочки выбирают Собакевичей“, по образному выражению М. Н. Покровского. Пестель, с его более решительными аграрными планами, уравнительными стремлениями и безусловным республиканизмом, составляет левую. Обращает на себя внимание явное противоречие между совершенным уничтожением дворянства, как класса, о котором говорится в одном месте „Русской Правды“, и бережным отношением к интересам дворянства, которое наблюдается в других местах. Это противоречие может быть объяснено только тем, что отдельные части „Русской Правды“, оставшейся незаконченной, создавались в разное время: сначала в Пестеле довольно громко говорил дворянин, но постепенно он при-

шел к весьма последовательному демократизму. Хотя Пестелю и случается, подобно другим декабристам, открещиваться от „ужасов" французской революции, но сам он очень близок к французским мелко-буржуазным революционерам — якобинцам: об этом говорит его стремление к единству государства и отвращение к федерации, нежелание считаться с национальными особенностями, отношение к частным обществам и школам и пр. Но он не дошел до отрицательного отношение к религии, свойственного левому крылу якобинцев,— мы видим у него православие в качестве „господствующей" религии. Относительно проектов конституций остается добавить, что не все северяне были безусловными сторонниками конституции Муравьева. Рылеев, напр., очень не одобрял имущественного ценза в этом проекте, называя его безнравственным. Некоторые из северян не были и решительными монархистами, а колебались, подобно тому же Рылееву, между республикой и монархией.

Маленький отрывок из записок Штейнгеля необыкновенно показателен для отношения декабристов к народной революции.—Отрывки из показания Рылеева говорят о планах цареубийства, которые обсуждались декабристами,—при чем тем, что приводится у Рылеева, далеко не ограничиваются их разговоры об убийстве царя и даже всей царской фамилии. Весьма небезынтересно сообщение по этому поводу южанина Басаргина: если не для всех, то для очень многих, это, действительно, были только разговоры, которыми они тешили свое революционное воображение. В день 14 декабря ни у Каховского, ни у Якубовича, ни у Булатова не поднялась рука на Николая...—Записки Горбачевского и позднейшее письмо его к Оболенскому ярко обрисовывают Соединенных Славян, с их житейским и принципиальным демократизмом, большой инстинктивной революционностью, попытками пропаганды среди солдат, с осуждением соглашательства и умеренности.—Показания Пестеля, очень ясные и точные, позволяют судить о революционных планах, которые постепенно созрели у декабристов.—Стихотворение Барятинского интересно для освещения обще-философских взглядов декабристов. Большинство из них были настроены идеалистически и религиозно,— по крайней мере, с той поры, как они попали в тюрьму и ссылку. Но было меньшинство с определенным атеистическим и материалистическим уклоном. К числу атеистов относился А. П. Барятинский. „Богоборчество" его в этом стихотворении сродни религиозным высказываниям Ивана Карамазова у Достоевского.

Из записок И. Д. Якушкина.

В первых числах января 21 года Граббе, Бурцев и я жили вместе у Фонвизиных. Скоро потом приехали в Москву из Петербурга Николай Тургенев и Федор Глинка, а потом из Киева Михайло Орлов с Охотниковым. На первом из этих совещаний были Орлов, Охотников, Н. Тургенев, Федор Глинка, два брата Фонвизины, Граббе, Бурцев и я.

На следующих совещаниях собрались те же члены, кроме Орлова. Для большего порядка выбран был председателем Н. Тургенев. Прежде всего было признано нужным изменить не только устав Союза Благоденствия, но и самое устройство и самый состав Общества. Решено было объявить повсеместно, во всех управах, что так как в теперешних обстоятельствах малейшею неосторожностью можно было возбудить подозрение правительства, то Союз Благоденствия прекращает свои действия навсегда. Этой мерой ненадежных членов удалили из Общества. В новом уставе цель и средства для достижения ее должны были определиться с большею точностью, нежели они были определены в уставе Союза Благоденствия, и потому можно было надеяться, что члены, в ревностном содействии которых нельзя было сомневаться, соединившись вместе, составят одно целое, и, действуя единодушно, придадут новые силы Тайному Обществу. Затем приступили к сочинению нового устава; он разделялся на две части: в первой для вступающих предлагались те же филантропические цели, как и в Зеленой Книге. Редакцией этой части занялся Бурцев. Вторую часть написал Н. Тургенев для членов высшего разряда. В этой второй части устава уже прямо было сказано, что цель Общества состоит в том, чтобы ограничить самодержавие в России, а чтобы приобресть для этого средства, признавалось необходимым действовать на войска и приготовить их на всякий случай. На первый раз положено было учредить 4 главные думы: одну в Петербурге под руководством Н. Тургенева; другую в Москве, которую поручили Ив. Алекс. Фонвизину; третью я должен был образовать в Смоленской губернии; четвертую брался Бурцев привести в порядок в Тульчине. Он уверял, что по приезде в Тульчин он первоначально объявит об уничтожении Союза Благоденствия, но что вслед затем известит всех членов, кроме приверженцев Пестеля, о существовании нового устава, и что они все к нему присоединятся под его руководством. Устав был подписан всеми присутствующими членами на совещаниях и Мих. Муравьевым, который при-

ехал в Москву уже к самому концу наших заседаний. Обе части нового устава были переписаны в 4-х экземплярах: один для Тургенева, другой для И. А. Фонвизина, третий для меня, четвертый для Бурцева. Но еще при самых первых наших совещаниях были приглашены на одно из них все члены, бывшие тогда в Москве. На этом общем совещании были: князь Сергей Волконский, Комаров, Петр Колошин и многие другие. Тургенев, как наш президент, объявил всем присутствующим, что Союз Благоденствия более не существует, и изложил перед нами причины его уничтожения.

Тургенев, приехавши в Петербург, объявил, что члены, бывшие на съезде в Москве, нашли необходимым прекратить действия Союза Благоденствия, и потом одному только Никите Муравьеву прочел новый устав Общества, после чего из предосторожности он положил его в бутылку и засыпал табаком. Из петербургских членов, деятельностью Никиты Муравьева, образовалось новое Общество. Скоро потом труды по Обществу разделили с Никитою полковник князь Трубецкой и адъютант Бистрома, князь Оболенский; Николай же Тургенев первое время по приезде своем в Петербург мало принимал участия в делах нового Тайного Общества, хотя и не прекращал сношений со многими из членов.

Бурцев, по приезде своем в Тульчин, объявил на общем совещании о несуществовании Тайного Общества. Все присутствующие члены напали на него и на членов, бывших на съезде в Москве, доказывая очень справедливо, что 8 человек не имели никакого права уничтожить целое Тайное Общество. Они тут же дали друг другу обещание никак не прекращать своих действий. Бурцев остался один и совершенно в стороне; он даже никому не показал нового устава и с тех пор прекратил все свои сношения с товарищами по Обществу. Из тульчинских членов, под руководством Пестеля, образовалось новое Общество, которого уже явная цель была изменение образа правления в России, и с этого времени они назывались Южными, в отличие от петербургских, которые назывались Северными.

Из записок С. Г. Волконского.

Южная и Северная думы приняли два различных направления: первая положила себе целью демократический переворот; вторая—монархически-конституционный. Несмотря на это разногласие целей и средств, обе думы, не действующие совокупно, не прекращали сношений между собою. Двигателем по Южной думе был Пестель, по Северной—Никита Муравьев. Ежегодно я и Василий Львович

Давыдов ездили в Петербург для совещаний, соображений и свода успехов по каждому отделу.

Дела Южного общества, замышляющего радикальный переворот (теперь скажу, может быть, несбыточный, преждевременный), быстрыми шагами подвигались вперед; вербовка членов шла успешно, при чем самоотвержение от аристократических начал придавало какую-то восторженность частным убеждениям и поэтому и самому общему ходу дела.

Действия же Северного общества, как по существу своему, так и по принятым им началам, были не так живительны и более относились к изготовлению разных проектов конституции, между которыми труд Никиты Муравьева более всех других был Северной думой одобряем, как мысль; но в затеянном перевороте ставить все в мысленную рамку преждевременно.

Для успешного переворота надо простор, увлечение, а по перевороте—надо сильную волю, чтоб избегнуть анархии, и к этой цели клонилось постановление Южного общества, чтоб при удаче вслед за переворотом учредить временное правительство на три года, а впоследствии отобрать от народа или через назначенных от него доверителей, чего и что хочет Россия.

Из записок С. П. Трубецкого.

...Сначала действия Союза Благоденствия пошли быстро. Управы образовались в Москве, в разных губерниях, в Петербурге между военными, гражданскими и неслужащими. Были и вспомогательные управы... Вскоре после приехал в Петербург Пестель, который всё был при графе Витгенштейне, тогда уже главнокомандующим 2-ой армии. Он находил, что действие Союза Благоденствия медленно, и вообще не в том духе, в котором, по его мнению, должно действовать. Сообщив, что не принял устава, продолжал свое действие согласно первому уставу. Многие члены возмущены были его рассуждениями, и общее действие охладело и лишилось единства. Положен был общий съезд в Москве; и там согласиться не могли. Между тем, происшествия, случившиеся в лейб-гвардии Семеновском полку, и распределение всех членов в разные полки довершили расстройство Союза. Члены боялись собираться, чтобы не навести подозрения, многие испугались до того, что прекратили всякую связь с другими членами. Мало осталось верных сделанному обещанию при учреждении общества. В таком состоянии нашел Трубецкой общество по двухлетнем отсутствии из отечества. Первым делом его

было соединиться с теми, которые оставались верными Союзу. Их было в столице только несколько человек. В непродолжительном однако же времени число их увеличилось. Пестель опять приехал, упрекал в бездействии, представляя деятельность членов на юге, предлагал соединение управления под руководством трех директоров, из которых два на юге и один в Петербурге, представлял необходимость изменения образа действия, как весьма медленного и отдаляющего цель неопределенно. По его мнению, цель должна быть насильственное изменение образа правления, как скоро общество соединит довольно членов, чтобы быть в силе это исполнить; правление должно перейти в руки общества до тех пор, пока все начала нового образа правления будут введены... Открыто было общество между поляками, с которыми вступили в сношение, оно требовало отделения Польши, на которое давалось предварительно согласие, хотя и не в том размере, в котором требовали поляки. В частных свиданиях Пестель убедил некоторых членов в справедливости некоторых из своих рассуждений. Эти члены поддерживали его в общих собраниях; но Никита Муравьев и Трубецкой восставали против всех предложений Пестеля и поддержанные большею частью членов обратили опять на свою сторону тех, которые пристали было к Пестелю. Пестель уехал недовольный, однако же, обещал сообщить Трубецкому о своих действиях и не предпринимать ничего решительного без согласия Северного Общества. Доверенность к Пестелю была сильно поколеблена, и петербургские члены видели необходимость бдительным оком следить за действиями его и Южного Общества, которого члены были в совершенном у него повиновении. О бывших прениях и несогласии Петербургского Общества с Южным было сообщено Сергею Муравьеву на юге, и ему поручено наблюдение и противодействие. Вскоре открылась возможность усилить это наблюдение и подкрепить противодействие распространением основных правил Союза Благоденствия в тех местах, где проповедывались другие.

Князь Щербатов, назначенный командиром 4-го корпуса, предложил Трубецкому место дежурного штаб-офицера. Приехав в Киев [1]),

1) Может быть, удалившись из столицы, Трубецкой сделал ошибку. Он оставил управление общества членам, которые имели менее опытности и, будучи моложе, увлекались иногда своею горячностью и действие которых не могло производиться в том кругу, в котором мог действовать Трубецкой. Сверх того, тесная связь с некоторыми из членов отсутствием его порвалась. Но опасения, которые поселял Юг, были таковы, что признавалось необходимым отделить туда такого члена, который, имея достаточный вес в обществе, имел и силу привести Южное отделение к тем благодетельным началам, на которых основан был Союз и по которым продолжал действовать на Севере.

Трубецкой нашел, что Южное Общество во все отделалось от правил Союза. Некоторые только старые члены оставались ему верными, но лишены были способа действовать. Внимание Трубецкого обращено было на то, чтобы воспрепятствовать распространению правил Южного Общества в полках 4-го корпуса, соединить старых членов и дать им средства к действию по прежде принятым началам и отвратить членов Южного Общества от мнений Пестеля.

Из „Евгения Онегина“ Пушкина [1]).

...У них свои бывали сходки,
они за чашею вина,
они за рюмкой русской водки
. . . . . .
Витийством резким знамениты,
сбирались члены сей семьи
у беспокойного Никиты [2]),
у осторожного Ильи [3]).
Сначала эти заговоры
между лафитом и клико,
все это были разговоры,
и не входила глубоко
в сердца мятежная наука.
Все это было только скука,
безделье молодых умов,
забавы взрослых шалунов.
Друг Марса, Вакха и Венеры
тут Лунин дерзко предлагал
свои решительные меры
и вдохновенно бормотал,
читал свои ноэли [4]) Пушкин.
. . . . . Якушкин,
казалось, молча обнажал
цареубийственный кинжал.
Одну Россию в мире видя,
лаская в ней свой идеал,
хромой Тургенев им внимал
и, слово рабский ненавидя,
предвидел в сей толпе дворян
освободителей крестьян.
Так было над Невою льдистой,
но там, где ранее весна
блестит над Каменкой тенистой
и над холмами Тульчина,
где Витгенштейновы дружины
Днепром подмытые равнины
и степи Буга облегли,—
дела иные уж пошли.
Там Пестель для—
и рать—набирал
холоднокровный генерал,
и Муравьев, его склоняя,
исполнен дерзости и сил,
минуты—торопил.

Записка Г. С. Батенкова, представленная ген. Левашову.

Я никогда не писал конституции для России и не рассматривал даже сего важного предмета в полной связи и подробностях: тем не менее в голове моей рождались в разное время мысли, относя-

1) Эти строфы относятся к X главе „Евгения Онегина“, не увидевшей света. Пушкин сжег ее по неценности содержания. Часть он записал особым, условным образом. Этот шифр был разобран исследователями уже в XX веке.
2) Никита Муравьев.
3) Илья Долгоруков.
4) Особый род революционно-сатирических стихотворений.

щиеся к сему предмету, в коих я считаю долгом принести чисто сердечное признание.

Основание каждой конституции состоит:

1) из устройства власти законодательной, то есть безотчетной и неограниченной;

2) из устройства власти исполнительной, то есть ограниченной в пределах, законами предписанных, и обязанной отчетностью;

3) из образования суда;

4) из обеспечения (гарантии) неизменности установленного порядка.

I. Власть законодательная.

1) В течение тысячи лет никакая часть России, не выключая и двух маленьких республик, как в счастливое время, так и во время бедствий, не могла обойтись без государей. Уважение к царям всегда было чрезмерно и непоколебимо укоренилось. Из сего я заключил, что Россия, по нравам ее, должна быть монархиею. Сверх сего, по собственному моему образу мыслей, я не люблю республик, потому, во-первых, что они угнетаются сильным деспотизмом законов, и по некоторым странностям в моих суждениях, я воображаю республики заветом ветхим, где „проклят всяк, кто не пребудет во всех делах закона“, монархии же подобием завета нового, где государь представляет благодать и может творить добро по изволению. Во-вторых, жизнь народов, по мнению моему, состоит не в единообразной покорности мертвым законам или переменчивому произволу, но в непрерывной моральной борьбе свободы с властолюбием.

Из всех государей наших два только были избранные, а именно Борис и Михаил, и то по необходимости, разве к тому прибавить еще императрицу Анну: следственно, сей порядок составлял изъятие, коренной же навык был в праве наследия, с XIV века не от брата к брату, а от отца к сыну переходящем.

2) История свидетельствует, что Россия благоденствовала всегда при монархах сильных, но имевших некоторые предостережения. С одной стороны, где монарх стоял прямо перед демократиею, там были непрерывны позорища мятежей; с другой же, где все предостережения для монарха исчезали, там являлся тиран, нарушающий общее и частное благо. Сыздавна существовали в России бояре, уваженные народом и сильные в делах. Первое потрясение произведено им было царем Алексием Михайловичем; Петр Великий нанес удар важнейший, особенно введением иностранцев; но вельможество наше было довольно еще сильно, чтобы при императрице Анне предложить, хотя и нарушенные, условия, и чтоб при Елисавете иметь в руках всю власть. Петр III и Екатерина II, подтвердив права дворянству, тем самым сильно поколебали вельможество, особенно Екатерина, обратив оное в царедворцев и возвышая людей новых путем военных заслуг. Павел I произвел сильную революцию, смешав почти все сословия; при Александре влились свободные мысли также к разрушению различия состояний. Но Россия во все сие время не только не благоденствовала, но истощалась. Из сего заключал я, что сильное вельможество нам свойственно и необходимо. Сверх сего существует оно во всех славянских народах, нам единоплеменных.

3) Народ наш в массе всегда довольствовался желанием одной личной свободы и не искал политического влияния. Одни владельцы земель и городовые жители, поставленные к несчастию городовым положением и дворянскою грамотою в важное между собою соперничество, составляют со включением низшего духовенства класс средний, способный дать еще один элемент в составе власти законодательной.

По сим рассуждениям всегда я полагал, что власть сия в России естественно должна состоять:

1) из императора;

2) из палаты вельмож (верхней);

3) из палаты по выборам от одного среднего сословия (низшей).

О палате верхней я рассуждал с некоторою подробностию, и мне казалось нужным образовать оную из определенного числа членов, большею частью наследственных. Но дабы не ослабить влияние в оной государя, считаю нужным присовокупить:

1) определенное число лиц от черного и белого духовенства по местам, на кои назначаются они государем;

2) определенное число лиц, также назначаемых императором по смерть;

3) предоставить государю возведение в звание родовых вельмож на места тех, коих роды прекратятся.

О палате по выборам я не делал никогда подробных соображений, ибо знал, что для сего нужно иметь предварительно множество местных сведений. В общих чертах полагал только полезным иметь депутатов:

1) от известных городов;

2) от губерний, из сословия владельцев земель;

3) от трех университетов, Московского, Виленского и Дерптского;

4) от трех академий.

Все три элемента законодательной власти должны быть независимыми и иметь взаимно один на другой воспретительную силу.

Палатам собираться в Москве, и как везде принято, по приглашению государя. Если же приглашения в течение известного числа лет не будет, то по приглашению вице-президента верхней палаты.

В сем законодательном высшем составе определять законы и меры управления во общих токмо видах; ибо по обширности государства и по разнообразию его климатов, нужд и населения не может быть оно управляемо единообразно. А потому я считал необходимым частные палаты во областях, собираемые губернаторами; но о составе оных никогда не рассуждал подробно.

II. Власть исполнительная.

Власть исполнительную считаю возможным предоставить во всем пространстве:

1) Государю безответственному;

2) установлению под именем верховного правительства, с ответственностию перед властию законодательною и государем в особенности;

3) Министрам, действующим с ответственностию за себя пред государем и верховным правительством и за указы, ими исполняемые, пред законодательною властию.

Прочие части администрации расположить по теории и местным соображениям. У меня почти готово целое сочинение под именем: опыта теории правительственных учреждений; но в нем принято началом самодержавие государя.

Порядок, существующий в управлении дел духовных, оставить неизменным.

III. Суд.

Вообще считал я необходимым введение суда присяжных. Прочие же инстанции могли оставаться в нынешнем их состоянии, с исправлением единственно форм и состава. Ревизию отчетов, как в делах, так и суммах, я полагал предоставить судебной власти, равно как и рассмотрение требований на награды по статутам и законам, рассмотрение просьб о признании состояния и испрашивание разных привилегий.

IV. Обеспечения.

Обеспечения разделял я на вещественные и моральные.

К числу вещественных обеспечений относил:

1) Обращение военных поселений в народную стражу.

2) Передачу в ведение города Петропавловской крепости.

3) Ограничение государя в личном командовании сухопутною армиею.

4) Учреждение родового вельможетсва.

5) Право вице-президента собирать палаты, ежели в известное чиело лет монархом они собраны не будут.

6) Независимость трех университетов и трех академий.

7) Учреждение областных палат.

8) Учреждение из некоторых портов вольных городов.

9) Некоторые особенные права города Москвы.

К числу моральных обеспечений относил:

1) Свободу тиснения.

2) Независимость судебной власти.

3) Установленные церемониалы.

4) Признание господствующей веры.

5) Закон о наследии короны.

6) Законы о наследии вельможества.

7) Ответственность министров и верховного правительства.

Сверх сих общих размышлений я имел:

1) в мыслях своих почти полный обдуманный план системы народного просвещения, равномерно свойственный как конституционной, так и неограниченной монархии, и критику настоящего устройства сей части;

2) разные соображения о земских повинностях, кои в виде первоначального опыта были уже изложены на письме, под именем устава, который читан и графу Кочубею и который должен теперь быть в министерстве внутренних дел или финансов;

3) также обдумал критику настоящего состояния торговли и сделал соображения для лучшего по сей части устройства.

Из проекта конституции Никиты Муравьева.

ГЛАВА I

1. Русский народ, свободный и независимый, не есть и не может быть принадлежностью никакого лица и никакого семейства.

2. Источник Верховной власти есть народ, которому принадлежит исключительное право делать основные постановления для самого себя.

ГЛАВА III

10. Все русские равны перед законом.

13. Крепостное состояние и рабство отменяются. Раб, прикоснувшийся к земле Русской, становится свободным. Разделение между благородными и простолюдинами не принимается, поелику противно вере, по которой все люди братья, все рождены благо по воле божьей, все рождены для блага и все просто люди: ибо все слабы и несовершенны.

14. Всякий имеет право излагать свои мысли и чувства невозбранно и сообщать оные посредством печати своим соотечественникам. Книги, подобно всем прочим действиям, подвержены обвинению граждан перед судом и подлежат присяжным.

18. Всякое уголовное дело производится с присяжными.

23. Право собственности, заключающее в себе одни вещи, священно и неприкосновенно.

24. Земли помещиков остаются за ними. Дома поселян с огородами оных признаются их собственностью со всеми земледельческими орудиями и скотом, им принадлежащим.

29. Разделение людей на 14 классов отменяется. Гражданские чины, заимствованные у немцев и ничем не отличающиеся между собою, уничтожаются сходственно с древними постановлениями народа русского.

Названия и сословия однодворцев, мещан, дворян, именитых граждан заменяются все названием гражданина же русского.

32. Граждане имеют право составить всякого рода общества и товарищества не испрашивая о том ни у кого позволения, ни утверждения: лишь только бы действия оных не были противузаконными.

40. Нынешние полицейские чиновники отрешаются и заменяются по выборам жителей.

ГЛАВА IV

43. В законодательном и исполнительном отношениях все России делятся на 13 Держав, 2 области и 568 Уездов или Поветов.

Державы.	Столицы.
Ботническая держава.	Гельсингфорс.
Волховская.	Г. Св. Петра.
Балтийская.	Рига.
Западная.	Вильно.
Днепровская.	Смоленск.

Державы.	Столицы.
Черноморская.	Киев.
Кавказская.	Тифлис.
Украинская	Харьков.
Заволжская.	Ярославль.
Камская.	Казань.
Низовская.	Саратов.
Обийская.	Тобольск.
Ленская.	Иркутск.
Московская область.	Москва.
Донская.	Черкаск.

Державы делятся на уезды, уезды на волости от 500 до 1.500 жителей мужского пола.

ГЛАВА V

44. В каждом уезде граждане, имеющие недвижимой собственности на 500 рублей серебром или движимой на 1.000 рублей серебром, собираются в уездном городе и выбирают тысяцкого на один год.

46. Чтобы быть тысяцким, должно иметь, по крайней мере, 21 год от рождения, непорочного поведения и недвижимого имения в собственном своем владении ценою не менее 1.500 фунтов чистого серебра (30.000 рублей серебром) или движимого не менее 3.000 фунтов чистого серебра (60.000).

47. Тысяцкий составляет два списка тех из граждан уезда, кои владеют недвижимым имением ценою не менее 1.500 фунтов чистого серебра или движимым ценою не менее 3.000 фунтов чистого серебра; 2-й тем, кои владеют недвижимым имением не менее 250 фунтов или движимым не менее 500 фунтов чистого серебра. Граждане первого списка могут быть (если при том отвечают прочим условиям) избраны в члены Верховной Думы, Правители Держав, Наместники Державных Правителей, тысяцкие и члены Державных Дум и члены Державных судов.

Граждане второго списка могут быть присяжными и изби-

ГЛАВА VI

59. Народное Вече, состоящее из Верховной Думы и Палаты народных представителей, облечено всей законодательной властью.

ГЛАВА VII

60. Палата представителей составлена из Членов, выбранных на два года гражданами Держав.

64. Число представителей определяется соразмерно населению следующим образом:

Каждые 50.000 обывателей мужского пола посылают в палату представителей одного представителя.

ГЛАВА VIII

73. Верховная Дума состоит из трех граждан каждой Державы, двух граждан Московской области и одного гражданина Донской области. Всего—42 члена. Члены Верховной Думы избираются правительственными сословиями Держав и областей, т.-е. обеими соединенными в одно место палатами выборных и Державными Думами.

75. Условия, необходимые, чтобы стать Членом Верховной Думы суть: 30 лет возраста, 9 лет гражданства в России для иностранца и жительство во время избрания в той Державе, которая его избирает, недвижимого имения ценою на 1.500 фунтов чистого серебра или движимого на 3.000 фунтов чистого серебра.

77. Верховной Думе принадлежит суд нам министрами, верховными судьями и всеми прочими сановниками Империи, обвиненными народными представителями.

Дума участвует вместе с императором в заключении мира, в назначении судей верховных судебных мест, главнокомандующих сухопутных и морских сил, корпусных командиров, начальников эскадр и Верховного Блюстителя. Для сего потребно большинство $^{2}/_{3}$ членов Думы.

ГЛАВА IX

78. Народное Вече собирается, по крайней мере, раз в год.

81. Заседания обеих палат публичные. Обе Палаты, однако же, по предложению императора рассуждают с замкнутыми дверями, выслав наперед всех посторонних. Сие происходит равным образом в Палате представителей, когда 50 членов оной востребуют тайного совещения, и в Верховной Думе по востребованию 5 членов. Женщины и несовершеннолетние до 17-летнего возраста не допускаются на заседания обеих Палат.

89. Всякое предложение, получившее согласие Думы и Палаты, должно еще быть представлено императору, чтобы получить силу

закона. Если император одобряет предложение, то подписывает оное, ежели не одобряет, то отсылает с своими замечаниями в ту Палату, в которую оно сначала поступило. Палата записывает в свой журнал все замечания императора против сего предложения и вновь открывает об этом рассуждения. Если после сего вторичного суждения о предложении $^{2}/_{3}$ членов остаются в пользу предложения, то оное поступает со всеми замечаниями императора в другую Палату, которая начнет также разбирать оное вновь, и там, если таковых большинство одобряет оное, оно становится уже от того законом.

92. Народное Вече имеет власть постановлять и отменять законы судные и исполнительные, то-есть:

1) Издать для России Уложение Гражданское, Уголовное, Торговое и Военное, установить учреждения по благочинию и правила судопроизводства и внутреннего управления присутственных мест.

2) Объявлять законом в случае нашествия или возмущения, что такая область находится на военном положении и под военными законами.

3) Обнародовать закон о Всепрощении.

4) Распускать правительственные собрания Держав в случае, если бы оные преступали пределы своей власти, и повелеть избирателям приступить к новым выборам.

ГЛАВА X

101. Император есть Верховный Чиновник Российского Правительства.

21) Ему дается титул Его Императорского Величества,—никакой другой не допускается. Выражения: Имянное повеление, Высочайшее соизволение, соизволение быть по сему и т. п. уничтожаются, яко неприличные и не имеющие никакого значения в земле благоустроенной.

23) Император при вступлении своем в правление произносит следующую присягу посреди Народного Веча:

„Я клянусь торжественно, что буду верно исполнять обязанности Императора Российского и употреблю все мои силы на сохранение и защиту сего конституционного Устава России".

103. Особы, составляющие семейство императора, не отличаются от частных лиц, подчинены тем же учреждениям и тому же влиянию Правительства, как и все прочие, и не пользуются никакими особыми правами и преимуществами.

105. Правитель империи не может удалиться из оной без важных неудобств.

106. Выезд императора из России не иначе представляется, как оставлением оной и отречением от звания императорского; в таком случае Народное Вече немедленно провозглашает наследника его императором.

ГЛАВА XII

116. Правительствующая власть каждой Державы поручается правительствующему собранию, состоящему из Палат Выборных и из Думы. Правительственное собрание созывается в столичном городе каждой Державы.

Палата выборных составлена из членов, избранных гражданами на один год.

Дума составлена из членов, избранных на 4 года теми же избирателями, как и выборные, и на тех же сходках.

Члены Думы должны отвечать следующим условиям: иметь, по крайней мере, 30 лет возраста, иметь жительство в Державе, которая их избирает на то время, и пользоваться уже 9-летним Гражданством в России, если они не родились русскими, быть непорочными в поведении, иметь недвижимого имения, коего цена равнялась 750 фунтам чистого серебра или движимого на 1.500 фунтов чистого серебра (от 15.000 до 30.000 сереб. рублей).

119. Правительственное собрание каждой Державы имеет право:

1) Делать постановления, касающиеся до внутреннего управления Держав.

2) Делать новое разделение края, более сообразное с нуждами и средствами жителей.

3) Установлять, в каких городах и местечках будет происходить выбор народных представителей, и каким образом сей выбор должен происходить.

4) Делать всякие постановления, сообразные с сим Уставом и с постановлениями, оным не отмененными.

5) Учреждать налоги для собственного управления Держав и составлять казну.

ГЛАВА XIII

120. Исполнительная власть каждой Державы поручена Державному Правителю, его Наместнику и Совету. Условия, чтобы быть Правителем, суть следующие:

1) 30 лет возраста для иностранца, получившего право гражданства, девятилетнее пользование оным, жительство в той Державе, недвижимое имение, равное цене 1.500 фунтов чистого серебра, или движимое, равное цене 3.000 фунтов чистого серебра (30.000 или 60.000 сереб. рублей).

Из „Русской Правды“ Пестеля.

ГЛАВА I

§ 2. Финляндия, Эстляндия, Лифляндия, Курляндия, Белоруссия, Малороссия, Новороссия, Бессарабия, Крым, Грузия, весь Кавказ, земли Киргизов, все народы Сибирские и разные другие племена, внутри государства обитающие, никогда не пользовались и никогда пользоваться не могут самостоятельною независимостью и всегда принадлежали или самой России, или же, по временам, если не России, то Швеции, Дании, Пруссии, Польше, Турции, Персии и вообще какому-нибудь сильному государству. Да и на будущие времена, по слабости своей, никогда не могут составлять особых государств; а посему и подлежат все они праву благоудобства, долженствуя притом навеки отречься от права отдельной народности. Вследствие сего подводятся все выще названные страны со всеми племенами, в них обитающими, под право благоудобства для России и объявляются, в удовлетворение оному и на основании оного, на вечные времена оставаться имеющими в составе Российского Государства.

§ 4. Что касается до России, то, дабы в полной мере удостовериться, до какой степени федеративное образование государства было бы для нее пагубно, стоит только вспомнить, из каких разнородных частей сие огромное государство составлено. Области его не только различными учреждениями управляются, не только различными гражданскими законами судятся, но совсем различными языками говорят, совсем различные веры исповедуют; жители оных различное происхождение имеют, к различным державам некогда принадлежали; и потому, ежели сию разнородность еще более усилить через федеративное образование государства, то легко предвидеть можно, что сии разнородные области скоро от коренной России тогда отложатся, и она скоро потеряет тогда не только свое могущество, величие и силу, но даже, может быть, и бытие свое между большими или главными государствами... А посему, соединяя все сии обстоятельства в общее соображение, постановляется коренным законом Российского государства, что всякая мысль о федеративном для него устройстве отвергается совершенно, яко пагубнейший вред и величайшее зло...

Вследствие всего здесь сказанного объявляется Российское государство единым и неразделимым, отвергающим при том совершенно всякое федеративное образование, устройство и существование государства.

ГЛАВА II

§ 16. При всех мероприятиях временного Верховного правления в отношении к различным народам и племенам, Россию населяющим, беспрестанно должно непременную цель иметь в виду, чтобы составить из них всех только один народ и все различные оттенки в одну общую массу слить так, чтобы обитатели целого пространства Российского государства все были русские. К сей цели ведут многоразличные способы, могущие на два рода быть разделены: на средства общие и средства частные.—Средства общие состоят главнейшие в том, чтобы, во-первых, на целом пространстве Российского государства господствовал один только язык российский; все сношения тем самым чрезвычайно облегчатся, понятия и образ мыслей сделаются однороднее: люди, объясняющиеся на одном и том же языке, теснейшую связь между собою возымеют и однобразнее составлять будут один и тот же народ. Во-вторых, так как ныне существующее различие в названиях народов и племен, Россию населяющих, всегда составлять будет из жителей Российского государства отдельные друг от друга массы и никогда не допустит столь для блага отечества необходимого совершенного в России единородства, то чтобы все сии различные имена были уничтожены и везде в общее название русских воедино слиты.—В третьих, чтобы одни и те же законы, один и тот же образ управления по всем частям России существовали и тем самым в политическом и гражданском отношениях вся Россия, на целом своем пространстве, являла бы вид единородства, единообразия и единомыслия.—Опыты всех веков и всех государств доказали, что народы везде бывают таковыми, каковыми их соделывают правление и законы, под коими они живут.

ГЛАВА III

§ 3. Отличительная черта нынешнего столетия ознаменовывается явною борьбою между народами и феодальною аристократией, во время коей начинает возникать аристократия богатств, гораздо вреднейшая аристократии феодальной, ибо сия последняя общим мнением всегда потрясена быть может и, следовательно, некоторым образом от общего мнения зависит, между тем как аристократия богатств, владея богатствами, находит в них орудия для своих видов, противу коих общее мнение совершенно бессильно, и посредством коих оно приводит весь народ, как уже сказано, в совершенную от

себя зависимость. А потому обязано всякое благомыслящее правительство не только такового распределения народа не допускать, но даже и все меры принимать, дабы таковые сословия отдельным от массы народной составлением сами собою бы не устанавливались и не образовывались; а тем более обязано их уничтожить, ежели они где либо существуют.

§ 4. Гражданские общества, а, следовательно, и государства, составлены для возможно большего благоденствия всех и каждого, а не для блага некоторых за устранением большинства людей. Все люди в государстве имеют одинаковое право на все выгоды, государством доставляемые, и все имеют равные обязанности нести все тягости, нераздельные с государственным устроением. Из сего явствует, что все люди в государстве должны непременно быть перед законом совершенно равны и что всякое постановление, нарушающее сие равенство всех перед законом, есть нестерпимое зловластие, долженствующее непременно быть уничтоженным.

§ 6. Обладать другими людьми, как собственностью своею, продавать, закладывать, дарить и наследовать людей на подобие вещей, употреблять их по собственному своему произволу без предварительного с ними соглашения и единственно для собственной своей прибыли, выгоды, а иногда и прихоти, есть дело постыдное, противное человечеству, противное законам естественным, противное святой вере христианской, противное, наконец, заповедной воле всевышнего, гласящего в священном писании, что люди перед ним все равны, и что одни деяния их и добродетели разницу между ими поставляют. И потому не может долее в России существовать позволение одному человеку иметь и называть другого своим крепостным. Рабство должно быть решительно уничтожено, и дворянство должно непременно навеки отречься от гнусного преимущества обладать другими людьми. Нельзя ожидать, чтобы нашелся хотя один злосовестный дворянин, чтобы не содействовать всеми силами к уничтожению рабства и крепостного состояния в России. Но ежели бы паче всякого чаяния нашелся изверг, который бы словом или делом вздумал сему действию противиться или оное осуждать, то временное Верховное правление обязывается всякого такового злодея безызъятно немедленно взять под стражу и подвергнуть его строжайшему наказанию, яко врага отечества и изменника противу первоначального коренного права гражданского. Сие уничтожение рабства и крепостного состояния возлагается на временное Верховное правление, яко священнейшая и непременнейшая его обязанность.

Честный человек без угрызения совести не может пользоваться трудами и пожертвованиями ближних без всякого с своей стороны возмездия или соучастия. А потому и не может дворянство от податей быть освобождаемо. Оно должно со всеми прочими россиянами разделять не только все государственные выгоды, но равным образом и все государственные тягости. Временное Верховное правление обязывается при введении новой государственной финансовой системы подвергнуть дворянство податям наравне с прочими россиянами.

Должно дворянство наравне со всеми прочими россиянами за одинаковые преступления одинаковым подлежать наказаниям, и ежели телесные наказания будут признаны необходимыми, то должны оным быть подвергнуты дворяне так точно, как и все прочие люди.

Набор ратников в войско есть учреждение, необходимое для государственной безопасности, а, следовательно, и для государственного бытия, и потому должно оно неминуемо существовать. — А посему и не может дворянство от сей личной повинности быть освобождаемо и должно сие преимущество его быть уничтожено.

Люди все рождены во благо: ибо они суть все творение всевышнего и потому несправедливо называть благородным одно только сословие дворян.—Вследствие сего должно быть уничтожено преимущество дворянства именоваться сословием благородным. Титла князь, герцог, граф, барон и т. п. происходят от тех времен, когда сии титла означали разные должности или степени владычества; но так как они ныне ни того, ни другого уже более не означают, то и суть они одни только пустые звуки, удовлетворяющие одному только надутому тщеславию и гордому самолюбию. А посему и не могут таковые титла существовать в государстве, коего устройство и образование основаны быть имеют на истинной справедливости, чистой нравственности, здравом смысле и рассудке. Временное Верховное правление обязывается все сии звания и титла совершенно уничтожить без малейшего внимания на какие бы то ни было побочные соображения.

Из всего до сих пор сказанного явствует, что все пять родов преимуществ, коими дворянское сословие поныне пользовалось, должны непременно решительнейшим образом быть уничтожены. А так как дворянское достоинство ничто иное есть, как итог сих пяти родов преимуществ, то и следует из сего, что и само звание дворянства должно быть уничтожено...

Из чернового наброска конца 3-й главы.

...Участь крепостных людей в полной мере зависит единственно от мысли и воли их господ, и никакого не существует определительного постановления, взаимные их отношения, обязанности и права устанавливающего и положение крестьянского состояния ясно определяющего.

Для составления такого постановления имеет Верховное правление на вышеупомянутые грамотные дворянские собрания обязанность представить ему проекты об оном и потом из всех сих проектов выбор сделать, целое составить и оный в ход и действие привести. Все же предварительные меры, нужные для составления и введения сказанного постановления, обязывается Верховное правление, по своему усмотрению, неукоснительно и решительно принять, не останавливаясь никакими побочными соображениями.

Поелику таковое важное предприятие требует зрелого обдумания и весьма большую произведет в государстве перемену, то не может оное иначе к успешному окончанию приведено быть, как введением постепенным. О сем предмете должно Верховное правление потребовать проекты от грамотных дворянских собраний и по оным мероприятия распорядить, руководствуясь следующими тремя главными правилами: 1) освобождение крестьян от рабства не должно лишить дворян дохода, ими от поместий своих получаемого; 2) освобождение сие не должно произвести волнений и беспорядков в государстве, для чего и обязывается Верховное правление беспощадную строгость употреблять против всяких нарушителей спокойствия; 3) освобождение сие должно крестьянам доставить лучшее положение противу теперешнего, а не мнимую свободу им даровать.

ГЛАВА IV

§ 6. Должен быть народ российский распределен по волостям таким образом, чтобы каждый россиянин был приписан к которой либо волости и считался бы членом той волости.—Все члены одной и той же волости составляют вместе, так сказать, одно политическое семейство под названием волостного общества. Сие распределение народа по волостям имеет заменить ныне существующее распределение по сословиям и отраслям промышленности.

§ 7. Должны все взаимные отношения народа к правительству и сего последнего к первому во всем государстве на одинаковых началах устроены быть и все обязанности политические на всех

граждан вообще одинаковым образом быть распространены. Надлежит, однако же, заметить, что те отличные граждане, которые большие отечеству оказывают услуги (дворяне), должны некоторыми особыми преимуществами пользоваться в виде награждения за их услуги и от некоторых тягостнейших обязанностей быть освобождены. Постановление правил на сей конец и приведение оных в исполнение предоставляется распоряжению Верховного правления.

§ 10. Одна половина земель каждой волости получит наименование земли общественной, другая—земли частной. Земля общественная будет всему волостному обществу совокупно принадлежать и неприкосновенную его собственность составлять; она ни продана, ни заложена быть не может. Она будет предназначена для доставления необходимого всем гражданам без изъятия и будет подлежать обладанию всех и каждого. Земли частные будут принадлежать казне или частным лицам, обладающим оными с полною свободою и право имеющим делать из оной, что им угодно. Сии земли, будучи предназначены для образования частной собственности, служить будут к доставлению изобилия. Ежели при первом взгляде покажется введение такого порядка сопряженным с большими трудностями, то надлежит только вспомнить, что сие постановление может большие затруднения встретить во всяком другом государстве, но не в России, где понятия народные весьма к оному склонны и где с давних времен уже приобыкли к подобному разделению земли на две части.

Цель сего постановления, состоя в даровании государству тех основных начал государственного и гражданского бытия, которые одни ему доставить могут утверждение истинного благоденствия всех и каждого, должна быть выполнена непременно, сколько бы то ни стоило трудов и занятий.

§ 11. Главные начала, могущие основанием служить для постановлений касательно общественных земель, суть следующие: общественная земля должна в каждой волости разделяема быть на участки. Каждый участок должен так быть велик, чтобы необходимое для житья одного тягла доставлять мог. Тяглом разумеется муж с женою и тремя детьми. Земские сии участки должны раздаваться членам волостного общества. Они участки сии получают не в полную собственность, но для того, чтобы их обрабатывать и пользоваться их произрастаниями. Каждый участок отдается в обработку на один год, по истечении коего переходит в другие руки или опять за тем же хозяином утверждается. Земледельческий год не с 1-го января по 1-е января, но с окончания жатвы до окончания оной в следующем году.

Волость имеет список своим участкам и ежегодно назначает особое время для раздачи оных. Каждый член волостного общества имеет право столько требовать участков, сколько пожелает; принужден же к тому никто быть не может. Сие право распространяется равным образом на граждан, имеющих собственные свои частные земли и на неимеющих таковых, ибо они суть все члены волостного общества. Когда требуется менее участков, нежели сколько их имеется, тогда получает каждый требователь желаемое число, а остальные участки могут отдаваться на откуп посторонним лицам. Когда требуется более участков, нежели их имеется, тогда остаются без удовлетворения требования тех граждан, которые наибольшее число участков требуют, так что в сем случае всегда большие требования сравниваются с меньшими. При невозможности удовлетворить равным требованиям предпочитаются не имеющие частных земель в своей собственности тем, которые таковыми землями обладают; пропитывающиеся от одного земледелия—тем, которые занимаются еще и другой какой-нибудь промышленностью,—одним словом, предпочитается тот, который беднее.

§ 12. Когда порядок сей в полной мере введен будет и окончательно возымеет установление и действие, тогда от него для России следующие окажутся неоцененные выгоды и последствия: 1) каждый россиянин будет совершенно в необходимом обеспечен и уверен, что в своей волости всегда клочок земли найти может, который ему пропитание доставит и в коем он пропитание сие получать будет не от милосердия ближних и не оставаясь в их зависимости, но от трудов, кои приложит для обрабатывания земли, ему самому принадлежащей, яко члену волостного общества, наравне с прочими гражданами. Где бы он ни странствовал, где бы счастия ни искал, но всегда в виду иметь будет, что ежели успехи стараниям изменят, то в волости своей, в сем политическом своем семействе всегда пристанище и хлеб насущный найти может; 2) какое сильное и благодетельное влияние таковая уверенность и таковой порядок должны иметь на нравственность народа, легко усмотреть можно.—Что более всего к преступлениям людей склоняет, как не нищета и совершенный недостаток? Устраняя ужасные сии поводы ко злу и разврату, постановление сие укрепит нравственность и добродетель. Оно большую часть случаев к подлости и подобострастию решительно отвратит и тем самым возвысит дух народа и вселит в граждан ту благородную самостоятельность, которая признана быть должна сильнейшею природою государства. 3) Сие постановление ни в чем не препятствует стремлению к изобилию и улучшению земледелия,

ибо земли, для последней сей цели предоставленные, составляют половину всех земель вообще и в полной мере для того достаточны.—Оно не только не препятствует, даже напротив того еще более к тому способствует, вселяя во всех уверенность, что в необходимом никто никогда нуждаться не будет; от необходимого исходят и начинаются все занятия к достижению изобилия.

§ 14. Во многих представительных государствах предоставлено участие в избрании представителей одним только богатейшим людям за исключением большинства граждан. Таким образом заменяет в тех государствах аристократия богатства аристократию феодализма, и народы не только ничего не выиграли, но даже, напротив того, в некотором отношении еще в худшее приведены политическое положение, ибо в насильственную поставлены зависимость от богатых. Богатые всегда будут существовать, и это очень хорошо, но не надобно присоединять к богатству еще другие политические права и преимущества за исключением бедных. А почему и возлагается непременная обязанность на Верховное правление затруднение разрешить посредством представительного порядка и в полной мере всякую, даже тень аристократического порядка, хоть феодального, хоть на богатстве основанного совершенно устранить и навсегда удалить, дабы граждане ничем не были стесняемы в своих выборах и не были принуждаемы взирать ни на сословия, ни на имущество, а единственно на одни способности и достоинства и руководствоваться одним только доверием своим к избираемым ими гражданам.

ГЛАВА V

§ 16. Воспитание детей разделяется на общественное и частное. Первое устраивается правительством, второе предоставляется частным людям. Правила в отношении к воспитанию юношества суть следующие: 1) Каждый отец семейства может по своему произволу детей своих или воспитывать у себя в доме, под собственным своим надзором, или отдавать их в общественные учебные заведения от правительства учрежденные. 2) Поелику ничто столь сильно не действует на благоденствие царств и народов как воспитание, то и обязывается Верховное правление учебные заведения устроить таким образом, чтобы они в полной мере всевозможную пользу приносили. 3) Частные лица не должны иметь права заводить ни пансионов, ни других учебных заведений, куда бы граждане детей своих отдавали, потому что правительство обязано о воспитании юношества много заботиться и неупустительно над оным надзирать,

хотя и может оное родителям предоставить и на их старание в полной мере положиться. Но коль скоро родители не имеют времени, средств или охоты оным заниматься, то должно правительство их место заступать и не дозволять, чтобы сие было предоставлено посторонним людям, ибо нельзя иметь к сим последним достаточной доверенности, дабы им поручить многотрудное исполнение священной сей обязанности, тем более, что надзор правительства за таковыми частными заведениями всегда будет слаб и недостаточен.

§ 17. Всякие частные общества, с постоянною целью учреждаемые, должны быть совершенно запрещены, как открытые, так и тайные, потому что первые бесполезны, а вторые вредны. Первые потому бесполезны, что они таких только предметов касаться могут, которые входят в круг действия правительства и для которых правительство уже учреждено со всеми отраслями, частями и подразделениями, особенно при существовании волостных обществ. Вторые же потому вредны, что они таких только касаться могут предметов, которые не могут быть сделаны гласными, а таковые предметы не могут быть иначе признаны как зловредными, ибо государственный порядок, в сей „Русской Правде“ постановляемый, не только ничего доброго и полезного не принуждает скрывать, но даже напротив того все средства дает на их введение и обнародование законным порядком и к объявлению таких предметов и статей дружески и благосклонно всех и каждого приглашает.

§ 18. Коренные правила в отношении к свободе книгопечатания постановляются следующие: 1) Каждый гражданин имеет право писать и печатать все то, что он хочет, с тем только, чтобы его имя было на его сочинении выставлено. От сего исключаются одни только личные ругательства, которые никогда допускаемы быть не должны. За мнения и правила, в сочинении изложенные, отвечает каждый писатель на основании вышеупомянутых правил об учении и проповедывании, противных законам и чистой нравственности, и судится общим судебным порядком.

§ 19. Коренные правила в отношении к свободе вероисповедания и духовных действий состоят в следующем: 1) Христианская православная, греко-российская вера признана быть должна господствующей верою великого государства Российского. 2) Все прочие христианские исповедания, равно как и все инородные веры дозволяются в России, если только не противны они российским законам, духовным и политическим правилам, чистой нравственности и не нарушают естественных обязанностей человека.

„Любопытный разговор“ Никиты Муравьева.

Вопрос. Что есть Свобода?

Ответ. Жизнь по Воле.

Вопрос. Откуда проистекает Свобода?

Ответ. Всякое благо от бога. Создав человека по подобию своему и определив добрым делать вечные награды, а злым вечные муки—он даровал человеку Свободу. Иначе несправедливо было бы награждать за доброе, по принуждению сделанное, или наказывать за невольное зло.

Вопрос. Все ли я свободен делать?

Ответ. Ты свободен делать все то, что не вредно другому. Это твое право.

Вопрос. А если кто будет меня притеснять?

Ответ. Это будет тебе насилие, противу коего ты имеешь право сопротивляться.

Вопрос. Стало-быть, все люди должны быть свободными?

Ответ. Без сомнения.

Вопрос. А все ли люди свободны?

Ответ. Нет. Малое число людей поработило большее.

Вопрос. Почему же малое число поработило большее?

Ответ. Одним пришла несправедливая мысль господствовать, а другим подлая мысль отказаться от природных прав человеческих, дарованных самим богом.

Вопрос. Надобно ли добывать свободу?

Ответ. Надобно.

Вопрос. Каким образом?

Ответ. Надлежит утвердить постоянные правила или законы, как бывало в старину на Руси.

Вопрос. Как же бывало в старину?

Ответ. Не было самодержавных государей.

Вопрос. Что значит государь самодержавный?

Ответ. Государь самодержавный или самовластный, тот, который сам по себе держит землю, не признает власти рассудка, законов божиих и человеческих; сам от себя, то-есть без причины, по прихоти своей властвует.

Вопрос. Кто же установил государей самовластных?

Ответ. Никто. Отцы наши говорили: „Поищем себе князя, который бы рядил по праву, а не самовластью, своевольству и прихотям. Но государи мало-по-малу всяким обманом присвоили себе власть беспредельную, подражая ханам татарским и султану турецкому.

Вопрос. Не сам ли бог учредил самодержавие?

Ответ. Бог во благости своей никогда не учреждал зла.

Вопрос. Отчего же говорят: Несть бо власть, аще не от бога?

Ответ. Злая власть не может быть от бога. Всякое древо доброе добры плоды творит... всякое же древо, не приносящее плодов добрых, будет посечено и ввергнуто в огонь. Хищным волкам в одеждах овечьих, пророчествующим во имя господне мы напомним слова спасителя: Николи же знах вас: отыдите от меня делающие беззакония.

Вопрос. Есть ли государи самодержавные в других землях?

Ответ. Нет. Везде самодержавие считают безумием, беззаконием, везде постановлены непременные правила или законы.

Вопрос. Не могут ли быть постоянные законы при самодержавии?

Ответ. Самодержавие или самовластие их не терпит; для него нужен беспорядок и всегдашние перемены.

Вопрос. Почему же самовластие не терпит законов?

Ответ. Потому что государь властен делать все, что захочет. Сегодня ему вздумается одно, завтра другое, а до пользы нашей ему дела мало, оттого и пословица: Близ царя, близ смерти.

Вопрос. Какое было на Руси управление без самодержавия?

Ответ. Всегда были народные вечи.

Вопрос. Что значит вечи?

Ответ. Собрание народа. В каждом городе, при звуке вечевого колокола собирался народ или выборные, они совещались об общих всем делах; предлагали требования, постановляли законы, назначали, сколько где брать ратников; установляли сами с общего согласия налоги; требовали на суд свой наместников, когда сии грабили или притесняли жителей. Таковые вечи были в Киеве на Подоле, в Новогороде, во Пскове, Владимире, Суздале и в Москве.

Вопрос. Почему же сии вечи прекратились, и когда?

Ответ. Причиною тому было нашествие татар, выучивших наших предков безусловно покорствовать тиранской их власти.

Вопрос. Что было причиною побед и торжества татар?

Ответ. Размножение князей дома Рюрикова, их честолюбие и распри, пагубные для отечества.

Вопрос. Почему же зло сие не кончилось с владычеством татар?

Ответ. Предания рабства и понятия восточные покорили их оружию и причинили еще более зла России. Народ, сносивший терпеливо иго Батыя и Сортана, сносил таким же образом и власть князей московских, подражавших во всем сим тиранам [1]).

„Гражданин“ К. Ф. Рылеева.

(1825 г.)

Я ль буду в роковое время
позорить гражданина сан
и подражать тебе, изнеженное племя
переродившихся славян?
Нет, не способен я в объятьях сладострастья
в постыдной праздности влачить свой век младой
и изнывать кипящею душой
под тяжким игом самовластья!
Пусть юноши, не разгадав судьбы,
постигнуть не хотят предназначенья века
и не готовятся для будущей борьбы
за угнетенную свободу человека.
Пусть с хладнокровием бросают хладный взор
на бедствия страдающей отчизны
и не читают в них грядущий свой позор
и справедливые потомков укоризны.
Они раскаются, когда народ, восстав,
застанет их в объятьях праздной неги
и, в бурном мятеже ища свободных прав,
в них не найдет ни Брута, ни Риэги [1]).

Из „Исповеди Наливайко“ К. Ф. Рылеева

(1825 г.)

Известно мне: погибель ждет
того, кто первый восстает
на утеснителей народа;
судьба меня уж обрекла.

[1]) „Любопытный разговор“ рассматривался его автором, как средство агитации среди широких масс. Он остался неоконченным.

[1]) Риэго—знаменитый испанский революционер 20-х гг. XIX в.

Но где, скажи, когда была
без жертв искуплена свобода?
Погибну я за край родной,—
я это чувствую, я знаю,
и радостно, отец святой,
свой жребий я благословляю!

Песня К. Ф. Рылеева и А. А. Бестужева.

Ах, тошно мне
и в родной стороне:
все в неволе,
в тяжкой доле,
видно, век вековать?

Долго ль русский народ
будет рухлядью господ,
и людями,
как скотами,
долго ль будут торговать?

Кто же нас кабалил,
кто им барство присудил,
и над нами,
бедняками,
будто с плетью посадил?

По две шкуры с нас дерут:
мы посеем, они жнут;
и свобода
у народа
силой бар задушена.

А что силой отнято,
силой выручим мы то,
и в приволье,
на раздолье,
стариною заживем.

А теперь господа
грабят нас без стыда,
и обманом
их карманом
стала наша мошна.

Баре с земским судом
и с приходским попом
нас морочат
и волочат,
по дорогам да судам.

А уж правды нигде
не ищи, мужик, в суде;
без синюхи
судьи глухи,
без вины ты виноват.

Чтоб в палату дойти,
прежде сторожу плати,
за бумагу,
за отвагу,
ты за все, про все давай!

Там же каждая душа
покривится из гроша.
Заседатель,
председатель,
заодно с секретарем.

Нас поборами царь
иссушил, как сухарь;
то дороги,
то налоги
разорили нас в конец.

А под царским орлом
ядом подчуют с вином,
и народу,
лишь за воду,
велят вчетверо платить.

Уж так худо на Руси,
что и боже упаси!
Всех затеев
Аракчеев
и всему тому виной.

Он царя подстрекнет,
царь указ подмахнет.
Ему шутка,
а нам жутко,
томно так, что ой, ой, ой.

А до бога высоко,
до царя далеко,
да мы сами
ведь с усами,
так мотай себе на ус.

Из показаний А. А. Бестужева.

...В 1822 году, в конце, в забавном расположении духа пригласил Рылеев меня написать что-нибудь народным языком либеральное, и песню „Ах, скучно мне“ написали мы вместе, а некоторые подблюдные я один. Сначала мы было имели намерение распустить их в народе, но после одумались. Мы более всего боялись народной революции; ибо оная не может быть не кровопролитна и не долговременна; а подобные песни могли бы оную приблизить. Вследствие сего, дурачась, мы их певали только между собою. Впрочем, переходя по рукам, многое к ним прибавлено, и каждый на свой лад перевертывал. В народ и между солдатами никогда их не пускали; это бы, кроме нравственного вреда нашей цели, могло скоро нас обнаружить, а осторожность была нашим девизом.

Из записок В. И. Штейнгеля.

Один из не принадлежащих к обществу, но знавший о нем с 1824 года [1]), хотя и неопределенно, по одной дружеской доверенности Рылеева, представлял ему, что в России революция в республиканском духе еще невозможна: она повлекла бы за собою ужасы.— В одной Москве, из 250 т. тогдашних жителей 90 т. было крепостных людей, готовых взяться за ножи и пуститься на все неистовства. Поэтому он советовал, если хотят сделать что-нибудь в пользу политической свободы, которой тогда, казалось, жаждали, то уж лучше всего прибегнуть к революции дворцовой и провозгласить императрицею Елизавету. Наследников у нее не было; близкий к ней человек Лонгинов образовался в Англии, и самое женское царствование хранилось в памяти народной с похвалами.

[1]) Штейнгель говорит здесь о себе самом.

Из показаний К. Ф. Рылеева.

...Задолго до приезда в Петербург Якубовича я уже слышал об нем. Тогда в публике много говорили о его подвигах против горцев и о его решительном характере. По приезде его сюда мы скоро сошлись, и я с первого свидания возымел намерение принять его в члены общества, почему при первом удобном случае и открылся ему. Он сказал мне: „Господа! признаюсь: я не люблю никаких тайных обществ. По моему мнению, один решительный человек полезнее всех карбонаров и масонов. Я знаю, с кем я говорю, и потому я не буду таиться. Я жестоко оскорблен царем! Вы, может, слышали“. Тут, вынув из бокового кармана полуистлевший приказ о нем по гвардии и подавая оный мне, он продолжал всё с большим и большим жаром: „Вот пилюля, которую я восемь лет ношу у ретивого: восемь лет жажду мщения“. Сорвавши перевязку с головы, так что показалась кровь, он сказал: „Эту рану можно было залечить и на Кавказе, без ваших Арентов и Буяльских; но я этого не захотел и обрадовался случаю хоть с гнилым черепом добраться до оскорбителя. И наконец я здесь! и уверен, что ему не ускользнуть от меня. Тогда пользуйтесь случаем: делайте, что хотите! Созывайте ваш великий собор и дурачьтесь досыта!“ Слова его, голос, движения, рана произвели сильное на меня впечатление, которое, однако ж, я старался скрыть от него и представлял ему что подобный поступок может его обесславить, что с его дарованиями и сделав себе уже имя в армии он может для отечества своего быть полезнее и удовлетворить другие страсти свои... Я ушел с А. Бестужевым и на дороге говорил ему, что надо будет стараться всячески остановить Якубовича. Бестужев был согласен на это, и мы уговорились на другой же день увидеться с ним опять. В тот же день я уведомил о намерении Якубовича, Оболенского, Н. Муравьева и Бриггена. Все были того мнения, что надо всячески стараться отклонить Якубовича от его намерения, что и возложено было на меня. Увидевшись с Якубовичем, я опять представлял ему, сколь обесславит его цареубийство; но он повторял всегда одно и то же, что он решился на это... Пробившись с ним около двух часов, я вышел в чрезвычайном волнении и негодовании. При этом были А. Бестужев и Одоевский; сей последний почел Якубовича сумасшедшим и пустым говоруном. Я утверждал противное и почитал Якубовича самым опасным человеком и для общества нашего, и для видов оного... Потом предложил я стараться по крайней мере

уговорить Якубовича отложить свое намерение на некоторое время, поставив ему причиною, будто общество решилось воспользоваться убийством государя, но что оно еще теперь не готово. Все согласились на это и в то же время отправились к Якубовичу и после продолжительных убеждений, наконец, склонили его отложить свое предприятие на год, а впоследствии я успел его уговорить отложить оное на неопределенное время...

...Каховский приехал в Петербург с намерением отправиться отсюда в Грецию и совершенно случайно познакомился со мною. Приметив в нем образ мыслей совершенно республиканский и готовность на всякое самоотвержение, я после некоторого колебания решился его принять, что и исполнил, сказав, что цель общества есть введение самой свободной монархической конституции. Более я ему не сказал ничего: ни силы, ни средств, ни плана общества к достижению преднамерения оного. Пылкий характер его не мог тем удовлетвориться, и он при каждом свидании докучал мне своими нескромными вопросами; но это самое было причиною, что я решился навсегда оставить его в неведении. В начале прошлого [1]) года Каховский входит ко мне и говорит: „Послушай, Рылеев! я пришел к тебе сказать, что я решился убить царя. Объяви об этом Думе. Пусть она назначит мне срок". Я в смятении вскочил с софы, на которой лежал, сказал ему: „Что ты, сумасшедший! ты, верно, хочешь погубить общество! и кто тебе сказал, что Дума одобрит такое злодеяние?"—Засим старался я отклонить его от сего намерения, доказывая, сколь оное может быть пагубно для цели общества; но Каховский никакими моими доводами не убеждался и говорил, чтобы я насчет общества не беспокоился, что он никого не выдаст, что он решился и намерение свое исполнит непременно. Опасаясь, дабы он в самом деле оного не совершил, я, наконец, решился прибегнуть к чувствам его. Мне несколько раз удалось помочь ему в его нуждах. Я заметил, что он всегда тем сильно трогался и искренно любил меня, почему я и сказал ему: „Любезный Каховский! Подумай хорошенько о своем намерении. Схватят тебя; схватят и меня, потому что ты у меня часто бывал. Я общество не открою; но вспомни, что я отец семейства. За что ты хочешь погубить мою бедную жену и дочь?" Каховский прослезился и сказал: „Ну, делать нечего! Ты убедил меня"... Но после сего разговора он часто стал задумываться, я охладел к нему, мы часто стали спорить друг с другом и, наконец, в сентябре месяце он снова

[1]) 1825.

обратился к своему намерению и настоятельно требовал, чтобы я его представил членам Думы. Я решительно отказал ему в том и сказал, что я жестоко ошибся в нем и раскаиваюсь, приняв его в общество. После сего мы расстались в сильном неудовольствии друг на друга... При свиданиях мы продолжали спорить и даже ссориться. И, наконец, видя его непреклонность, я сказал однажды ему, чтобы он успокоился; что я извещу Думу о его намерении и что если общество решится начать действия свои покушением на жизнь государя, то никого, кроме него, не употребит к тому. Он этим удовлетворился. Это происходило за месяц до кончины покойного государя императора...

13-го декабря ввечеру я действительно предлагал Каховскому убить ныне царствующего государя и говорил, что это можно исполнить на площади... По утру того дня, долго обдумывая план нашего предприятия, я находил множество неудобств к счастливому окончанию оного. Более всего страшился я, если ныне царствующий государь император не будет схвачен нами, думая, что в таком случае непременно последует междуусобная война. Тут пришло мне на ум, что для избежания междуусобия должно его принести на жертву, и эта мысль была причиною моего злодейского предложения.

Из записок Басаргина.

Мы много говорили между собою всякого вздора и нередко в дружеской беседе за бокалом шампанского, особенно когда доходил до нас слух о каком-либо самовластном, жестоком поступке высших властей, выражались неумеренно о государе, но решительно ни у меня, ни у кого из тех, с которыми я наиболее был дружен, не было и в помысле какого-либо покушения на его особу. Скажу более, каждый из нас почел бы обязанностью своею защитить его, не дорожа собственною жизнью. Я и теперь убежден, что сам Пестель и те, которых Комитет обрисовал в донесении своем такими резкими, такими мрачными чертами, виновнее более в словах, нежели в намерении, и что никто из них не решился бы покуситься на особу царя... Нельзя допустить, чтобы Николай не понимал, зная так хорошо все наше дело, что ни у кого не было намерения покуситься на особу царя, и что всё то, что говорилось, были пустые слова, без всякой цели.

Общество Соединенных Славян.

(Из записок И. И. Горбачевского).

Общество Соединенных Славян имело главною целью освобождение всех славянских племен от самовластия; уничтожение существующей между некоторыми из них национальной ненависти и соединение всех обитаемых ими земель федеративным союзом. Предполагалось с точностью определить границы каждого государства, ввести у всех народов форму демократического представительного правления, составить конгресс для управления делами Союза и для изменения, в случае надобности, общих коренных законов, предоставляя каждому государству заняться внутренним устройством и быть независимым в составлении частных своих узаконений. Вникая в основания благоденствия частного человека, мы убеждаемся, что они бывают физические, нравственные и умственные; посему гражданское общество, как целое, составленное из единиц, необходимо зиждется на тех же началах и для достижения возможного благосостояния требует промышленности, отвращающей бедность и нищету, нравственности, исправляющей бурные наклонности, смягчающей страсти и внушающей человеколюбие, и, наконец,—просвещения, вернейшего сподвижника в борьбе противу зол, неразлучных с существованием, которое делает умнее и искуснее во всех предприятиях. Развертывать, распространять сии три основные начала общественного блага поставлялось в первую и неизменную обязанность Славянина. Он должен был, по возможности, истреблять предрассудки и порочные наклонности, изглаживать различие сословий и искоренять нетерпимость верований, собственным примером побуждать к воздержанию и трудолюбию, стремиться к умственному и нравственному усовершенствованию и поощрять к сему делу других, всеми способами помогать бедным, но не быть расточительным; не делать людей богатыми, но научать их, каким образом, посредством труда и бережливости, без вреда для себя и других, пользоваться оными. Убеждение в сих правилах заставляло Славян выводить следующие заключения: никакой переворот не может быть успешен без согласия и содействия целой нации: посему прежде всего должно приготовить народ к новому образу гражданского существования и потом уже дать ему оный; народ не иначе может быть свободным, как сделавшись нравственным, просвещенным и промышленным. Хотя военные революции быстрее достигают цели, но следствия оных опасны: они бывают не колыбелью, а гробом

свободы, именем которой совершаются. Славяне, убежденные в том, что надежды их не могут так скоро исполниться, как они того желали, не хотели терять времени в пустых и невозможных усилиях, но вознамерились делать все, что зависит от них и ведет, хотя медленно, к предпринятой цели. В исполнение сего намерения они положили определить некоторую часть общественной суммы на выкуп крепостных людей, стараться заводить или споспешествовать заведению небольших сельских и деревенских училищ; внушать крестьянам и солдатам необходимость познания правды и любовь к исполнению обязанностей гражданина и таким образом—возбудить в них желание изменить унизительное состояние рабства и пр.

Не взирая, однако ж, на сии постепенные и кроткие меры, Славянский Союз носил на себе отпечаток какой-то воинственности. Страшная клятва, обязывающая членов оного посвящать все мысли, все действия благу и свободе своих единоплеменников и жертвовать всей жизнью для достижения сей цели, произносилась на оружии; от одних своих друзей, от одного оружия Славяне ожидали исполнения своих желаний; мысль, что свобода покупается не слезами, не золотом, но кровью, была вкоренена в их сердцах, и слова знаменитого республиканца, сказавшего: „обнаживши меч против своего государя, должно отбросить ножны сколь возможно далее“ долженствовали служить руководством их будущего поведения.

Южное Общество и Славяне.

(Из записок И. И. Горбачевского).

Члены Южного общества действовали, большею частью, в кругу высшего сословия людей; богатство, связи, чины и значительные должности считались как бы необходимым условием для вступления в общество; они думали произвести переворот одною военною силой, без участия народа, не открывая даже предварительно тайны своих намерений ни офицерам, ни нижним чинам, из коих первых надеялись увлечь энтузиазмом и обещаниями, а последних—или теми же средствами, или деньгами и угрозами. Сверх того, так как члены Южного общества были, большею частию, люди зрелого возраста, занимавшие довольно значущие места, имевшие некоторый вес по гражданским отношениям, то для них было тягостно самое равенство их свободного соединения; привычка повелевать невольно брала верх и мешала повиноваться равному себе, и тем более препятствовала иметь доверенность в сношениях по обществу с лицами, стоя-

щими ниже их в гражданской иерархии.—Славяне, напротив, в действиях своих руководствовались совершенно противоположными началами: они требовали от своего сочлена, ни мало не взирая на светские его отношения, старания стремиться к собственному усовершенствованию, презрения к предрассудкам и твердого и обдуманного желания полного во всем преобразования. Они были проникнуты обширностью своего плана и для приведения его в исполнение считали необходимым содействие всех сословий; в народе искали они помощи, без которой всякое изменение непрочно; собственным же своим положением убеждались, что частная воля, частное желание—ничтожны без сего всемощного двигателя в политическом мире. Славяне, все без исключения, люди молодые, пылкие, доверчивые и решительные, не могли ограничиваться одними желаниями: деятельность сделалась потребностью их души, жаждущей овладеть желаемым. Равенство и даже подчиненность в стремлении к общему делу не могли устрашить тех, которые еще не вкусили яда власти. Однако, несмотря на разномыслие в средствах и образе действий, сии люди соединились и поклялись, жертвуя всем, достигнуть цели.

Соединение Южан и Славян.

(Из записок И. И. Горбачевского).

13 сентября, в день, назначенный для последнего совещания, все члены Славянского Общества поспешили собраться на квартиру Андреевича 2-го. Это собрание было многочисленное и представляло любопытное зрелище для наблюдателя. Люди различных характеров, волнуемые различными страстями, кажется, помышляли только о том, как бы слиться в одно желание и составить одно целое: все их мысли были заняты предприятием освобождения отечества; все их надежды затмевались надеждою блистательных и несомненных успехов. Радость, самоотвержение блистали на их лицах; посреди всеобщего упоения, проницательный взор наблюдателя мог бы заметить, что не все Славяне чистосердечно радовались соединению их общества с Южным. Приезд Бестужева-Рюмина довершил упоение. Он говорил снова об успехах, о счастии пожертвовать собою для блага своих сограждан, и после сего каждый хотел произнести немедленно требуемую клятву; все с жаром клялись при первом знаке явиться в назначенное место, с оружием в руках, употребить все способы для увлечения своих подчиненных, действовать с преданностью и с самозабвением. Бестужев-Рюмин, сняв образ, висевший на его груди, поцеловал оный пламенно, призывая на помощь провидение; с величайшим чувством произнес клятву умереть за свободу и передал оный Славянам, близ него стоявшим. Невозможно изобразить сей торжественной, трогательной и вместе странной сцены. Воспламененное воображение, поток бурных и неукротимых страстей производили беспрестанные восклицания. Чистосердечные, торжественные, страшные клятвы смешивались с криками: „Да здравствует конституция! Да здравствует республика! Да здравствует народ! Да погибнет различие сословий! Да погибнет дворянство вместе с царским саном!“.. Образ переходит из рук в руки. Славяне с жаром целовали его, обнимали друг друга с горящими на глазах слезами, радовались как дети,—одним словом, это собрание походило на сборище людей исступленных, которые почитали смерть верховным благом, искали и требовали оной.

Речь М. П. Бестужева-Рюмина, произнесенная перед Соединенными Славянами.

Век славы военной кончился с Наполеоном. Теперь настало время освобождения народов от угнетающего их рабства, и неужели русские, ознаменовавшие себя столь блистательными подвигами в войне истинно отечественной,—русские, исторгшие Европу из-под ига Наполеона, не свергнут собственного ярма и не отличат себя благородной ревностью, когда дело пойдет о спасении отечества, счастливое преобразование коего зависит от любви нашей к свободе? Взгляните на народ, как он угнетен. Торговля упала; промышленности почти нет; бедность до того доходит, что нечем платить не только подати, но даже недоимки. Войско все ропщет. При сих обстоятельствах нетрудно было нашему Обществу распространиться и прийти в состояние грозное и могущественное. Почти все люди с просвещением или к оному принадлежат, или цель его одобряют. Многие из тех, коих правительство считает вернейшими оплотами самовластия—сего источника всех зол, уже давно ревностно нам содействуют. Самая осторожность ныне заставляет вступить в Общество, ибо все люди, благородно мыслящие, ненавистны правительству: они подозреваемы и находятся в беспрестанной опасности. Общество по всей многочисленности и могуществу—вернейшее для них убежище. Скоро оно восприемлет свои действия, освободит Россию и, быть может, целую Европу. Порывы всех народов удер-

живает русская армия. Коль скоро она провозгласит свободу, все народы восторжествуют. Великое дело совершится, и нас провозгласят героями века [1]).

Споры Славян и Южан.

(Из записок И. И. Горбачевского).

15-го сентября С. Муравьев попросил к себе Спиридова, Горбачевского и Пестова, которые приехали к нему в назначенный час. Бестужев-Рюмин начал разговор похвалами Славянскому Обществу, рассказывал и повторял несколько раз С. Муравьеву, с каким восторгом они произносили клятву соединения двух обществ, превозносил их преданность к общему делу, и тому подобное. Разговор сделался общим: рассуждали о сношениях с Верховною Думою, о действии на нижних чинов и пр. Спиридов, Пестов и Бестужев-Рюмин перешли к рассуждению о принятии членов, и, по несогласию мнений относительно сего предмета, между ними произошел жаркий спор. Сергей Муравьев с Горбачевским, удалившись в другой конец комнаты, разговаривали о восстании, в особенности о приготовлении солдат. Горбачевский утверждал, что от солдат ничего не надобно скрывать, но стараться с надлежащею осторожностью объяснить им все выгоды переворота и ввести их постепенно, так сказать, во все тайны общества, разумеется, не открывая им сего, заставить их о сем думать и дойти до того, чтобы они сражались не в минуту энтузиазма, но постоянно, за свои мысли и за отыскиваемые ими права. Здесь Горбачевский рассказал С. Муравьеву предполагаемый славянами план действия на нижних чинов и говорил, что должно принять всем членам одинакий способ действий. Он был убежден, что откровенность и чистосердечие подействуют на русского солдата более, нежели все хитрости маккиавелизма. Муравьев думал иначе: ему казалось не только бесполезным, но даже опасным открывать солдатам что-либо клонящееся к цели общества; что они отнюдь не в состоянии понять выгод переворота; что республиканское правление, равенство сословий и избрание чиновников будут для них загадкою сфинкса. Горбачевский возражал, что сих политических тонкостей не нужно им толковать и рассказывать, но что на это есть другой язык, который они поймут, лишь бы

1) В таком виде Бестужев-Рюмин изложил сущность своей речи Следственной Комиссии.

только соображались с их понятиями. „Кроме того, — прибавил он,— у всякого командира есть столько способов, что если солдаты во время восстания за ним не пойдут, то, конечно, командир сам виноват, и сие должно приписать не чему другому, как его нехотению или просто нерадению". С. Муравьев отвечал, что, по его мнению, лучший способ действовать на русских солдат религиею; что в них должно возбудить фанатизм и что чтение Библии может внушить им ненависть к правительству.

— „Некоторые главы,—продолжал он,—содержат прямые запрещения от бога избирать царей и повиноваться им. Если русский солдат узнает сие повеление божие, то, не колеблясь ни мало, согласится поднять оружие против своего государя".

— „Я с вами несогласен, — отвечал Горбачевский,—вы знаете, что терпимость составляет отличительную черту русского народа; вам не нужно говорить, что ни священники, ни монахи не могут иметь влияния на русских и что они пользуются весьма невыгодным для них мнением между нашими соотечественниками. Скажите, можно ли с русским говорить языком духовных особ, на которых он смотрит с весьма худой стороны? Я думаю, что между нашими солдатами можно более найти вольнодумцев, нежели фанатиков, и легко может случиться, что здравый смысл заставит некоторых из них сказать, что запрещение израильтянам избирать царя было не божие повеление, а обман и козни священников-левитов, желавших поддержать теократию".

— „Вы делаете много чести нашим солдатам,—возразил С. Муравьев, — простой народ добр, он никогда не рассуждает, и потому он должен быть орудием для достижения цели". Говоря сие, он вынул из ящика исписанный лист бумаги и, подавая его Горбачевскому, сказал: „Поверьте мне, что религия всегда будет сильным двигателем человеческого сердца; она укажет путь к добродетели, поведет к великим подвигам русского, по вашим словам, равнодушного к религии, и доставит ему мученический венец".

Горбачевский молча взял бумагу из рук Муравьева, пробежал ее глазами и увидел, что это перевод той главы из Ветхого Завета, где описывается избрание израильтянами царя Саула.

— „Это все очень хорошо,—сказал он, отдавая назад Муравьеву помянутый лист, — но я уверен, что никто из славян не согласится таким образом действовать; что же касается до меня, то я первый отвергаю сей способ и не прикоснусь до сего листа".

В это время подошел к ним Спиридов. С. Муравьев, отдавая ему сей лист, повторил сие мнение. Услышав оное, Спиридов начал

поддерживать мнение Горбачевского, говоря, что сей способ совершенно не соображен с духом русского народа, что он не принесет никакой пользы, и что кто проникнут чувством религии, тот не станет употреблять столь священный предмет орудием для достижения какой-либо посторонней цели. Муравьев силился доказать Горбачевскому, что сие средство действовать на солдат есть самое надежное; Горбачевский же, напротив, утверждал, что оно относительно русского солдата есть совершенно бесполезное, и что ежели ему начнут доказывать Ветхим Заветом, что не надобно царя, то, с другой стороны, ему с малолетства твердят и будут доказывать Новым Заветом, что итти против царя—значит итти против бога и религии, наконец, что никто не захочет входить в теологические споры с солдатами, которые совсем не в том положении, чтобы их понимать, и не те отношения между ними и офицерами. Муравьев замолчал, положил бумагу в ящик и обратил разговор на другой предмет.

Пропаганда Соединенных Славян.

(Из записок И. И. Горбачевского).

Немедленно по возвращении из Лещинского лагеря на зимние квартиры, Славяне, горевшие нетерпением достигнуть желаемой цели, начали распространять свои мысли между нижними чинами. В 9-ой дивизии офицеры Черниговского полка еще во время лагеря действовали на солдат; прибыв на квартиры, они усилили свои действия и неослабимо, с величайшею ревностью, приготовляли своих подчиненных — будущих сподвижников великого дела. В полках 6-ой дивизии члены общества также не оставались праздными и всеми способами стремились к избранной цели; но можно положительно сказать, что никто из них не действовал сильнее и решительнее артиллеристов 8-ой бригады. Они употребляли всевозможные усилия к приготовлению своих подчиненных, старались как бы слиться с ними, породнить их с своими мыслями и желаниями; они даже открыли им все свои намерения, и когда поверяли им свои надежды, в сем случае Славяне Черниговского полка и 8-ой бригады переступили, может-быть, границы благоразумия; но, к их счастию и к чести русских, между нижними чинами не нашлось ни одного изменника: за доверенность своих офицеров они платили скромностью и верностью; слушали пылких Славян со вниманием, любопытством, хотя и не без удивления; некоторые из них даже клялись следовать всюду за добрыми, как они говорили, офицерами и, если нужно, умереть вместе с ними. Какое-то темное желание изменить существующий порядок вещей волновало их ум и сердце; настоящее положение было им тягостно; они хотели перемены, но какой?—они в том не могли себе сначала дать ясного отчета.

Из письма И. И. Горбачевского к М. А. Бестужеву 1861 года.

Я не могу забыть той брошюрки, которую я у тебя читал,— сочинение нашего Ивана Ивановича Пущина о своем воспитании лицейском и о своем Пушкине, о котором он много написал. Прочти со вниманием об их воспитании в лицее; разве из такой почвы вырастают народные поэты, республиканцы и патриоты? Такая ли наша жизнь в молодости была, как их? Терпели ли они те нужды, то унижение, те лишения, тот голод и холод, что мы терпели? А посмотри их нравственную сторону. Мне рассказывал Муравьев-Апостол и Бестужев-Рюмин про Пушкина такие на юге проделки, что уши и теперь краснеют...

Ты скажешь, а Пущин Ив. Ив. разве худой человек? Я скорее скажу, чудо человек, что хочешь,—так он хорош. Но я тебя теперь спрошу, республиканец ли он, или нет? Заговорщик он, или нет? Способен ли он кверху дном все переворотить? Нет, и нет,— ему надобны революции деланные, чтобы были на розовой воде: они все хотели всё сделать переговорами, ожидая, чтобы сенат к ним вышел и, поклонившись, спросил: „Что вам угодно,— всё к вашим услугам!“.

— „Чорт возьми, да вы-то что хотели сделать на своем юге— спросишь ты у меня,—и что вы сделали там?“ Вопрос твой будет очень натурален и справедлив. Мы, Славяне (слушай), были народ очень смирный; втихомолку хотели рано или поздно, хорошо ли или худо, соединить все славянские народы в одну федеративную республику. Дела наши шли хотя медленно, но хорошо; но чорт нас попутал, или, лучше сказать, Тютчев, открывши нам Южное Общество. Страсти разгорелись; собрался корпус 3-й под Лещиным на маневры, и тут-то мы упрашивали и умоляли Муравьева-Апостола начать действия, ибо мы уверены были увлечь всех и всё. Но не тут-то было:— Муравьев-Апостол заразился петербургскою медленностью, и случай был упущен с 30-ю тысячью солдат. Потом, когда Славяне отбили его и вырвали из когтей арестовавших его, эти же Славяне упрашивали его и умоляли итти в один переход и упасть,

как снег на голову, на Киев и взять его; тем более там была бригада в карауле с готовыми членами тайного общества, ожидавшими его. Он и тут не послушал, отговариваясь, что к нему придут войска — для усмирения и к нему же они присоединятся; ходил, ходил, пока ему картечь лоб не расшибла, и все кончилось веревкою и Сибирью.

Что ж хорошего после этого в умеренности, в хладнокровии, нелюбви к пролитию крови, в медленности, в холодном рассудке, в расчете каком-то? Все это по-моему и по-нашему; однажды Кузмин, не расслушавши на совещании одном, о чем толковали и спорили, и думая, что решили поднять весь корпус на другой день, — объявил об этом своей роте и вышел на линейку в лагере в походной амуниции. Мне дали знать об этом, я прибыл к нему и начал упрекать его в поспешности (держал методы—не спешить Муравьева-Апостола и по своей обязанности, как начальник управы), и чтобы он ожидал впредь приказаний. Он взбесился и сказал: „Чорт вас знает, о чем вы там толкуете понапрасну. Все толкуете, конституция, Русская Правда, и прочие глупости, а ничего не делаете. Скорее дело начать бы, это лучше бы было всех ваших конституций". Муравьев-Апостол ему тоже выговаривал за такую поспешность, а тот ему отвечал: „Если вы нас будете долее удерживать, то мы и без вас найдем дорогу и в Киев, и в Москву". И это не один Кузмин говорил и желал. Это требовало все Общество Славянское, и Муравьев-Апостол не раз грозил мне, что он меня убьет, если что случится, приговаривая мне: „Вы этих собак, Славян, держите в руках; это — цепные бешеные собаки, которых только тогда надобно спустить с цепей, когда придет время действовать".

Так ли должно было действовать, так ли должно было управлять людьми, для которых нет страха, нет преград, в душе которых только и было одно слово д е й с т в о в а т ь, с исступлением каким-то бешеным и с отчаянием?

Революционные планы декабристов.

(Из показаний П. И. Пестеля).

На счет времени и образа приведения в исполнение намерений тайного общества много было различных мнений и толков. Главнейшее мнение состояло в следующем: во-первых, надлежало решить в подробности, какой новый образ правления общество желает, ибо ежели не будет сие твердым образом постановлено, то легко ро-

диться могут партии и разные козни: сего, однако же, до сих пор сделано в обществе не было. Во-вторых, надлежало обществу усилить число своих членов до такового количества, чтобы можно было посредством членов ввести образ мыслей Союза в общее мнение и намерение Союза, как можно более, передать в общее желание, дабы общее мнение революции предшествовало; а вместе с тем, дабы членов Союза так по всему государству распространить, чтобы через них можно было не только повсюду пресечь всякое сопротивление, но даже везде устроить содействие, когда бы революция началась... В-третьих, наконец, приступая к самой революции, надлежало произвести оную в Петербурге, яко средоточии всех властей и правлений, а наше дело, в армии и губерниях, было бы признание, поддержание и содействие Петербургу. В Петербурге не могло бы оное произойти восстанием гвардии, а также и флота, отправлением особ императорской фамилии в чужие края, исключая покойного государя, созванием сената, дабы через него обнародовать новый порядок вещей, поручением временному правлению оный ввести, или созванием через сенат же народных депутатов утвердить конституцию. Ежели же бы монархическое правление было выбрано, то временное правление составляло бы регентство, а Александр Николаевич был бы признан императором.

Из объяснения сего плана видно, что оный требовал еще много времени; и потому соединялось с оным предположение, что удобно будет революцию начать после естественной кончины государя императора Александра Павловича, но его смерти никто так скоро не ожидал. Впрочем, время начатия долженствовало определиться преимущественно обстоятельствами и силою общества, в каковом случае и насильственная смерть покойного государя могла оказаться надобною; но сие только в крайнем случае, ибо охотнее дождались бы собственной его смерти, разве опасности общества при силе оного и обстоятельства не позволили бы медлить. Вот образ действия, о котором более всего говорено было и с которым все члены общества как в южном, так и в северном округе были согласны. Ежели о чем еще спорили, то единственно об образе введения нового порядка: через временное ли правление, через собор ли депутатов, и тому подобное; но все говорили, что революция не может начаться при жизни государя императора Александра Павловича и что надобно или смерть его обождать, или решиться оную ускорить, коль скоро сила и обстоятельства общества того требовать будут. В сем точно по истине были все согласны...

Другое предположение было следующее: начать революцию во

время ожиданного высочайшего смотра войск 3 корпуса [1]) в 1826 году Первое действие долженствовало состоять в насильственной смерти государя императора Александра Павловича. Потом издание двух прокламаций: одну войску, другую народу. Затем следование 3-го корпуса на Киев и Москву с надеждою, что к нему присоединятся прочие на пути его расположенные войска без предварительных даже с ними сношений, полагаясь на общий дух неудовольствия. В Москве требовать от сената преобразования государства. Между всеми сими действиями 3-го корпуса надлежало всем остальным членам Союза содействовать революции. Остальной части южного округа занять Киев и в оном оставаться. Северному округу поднять гвардию и флот, препроводить в чужие края всех особ императорской фамилии и то же сделать требование сенату, как и 3-й корпус. Потом ожидать от обстоятельств, что окажется нужным к дальнейшим действиям. 3-й корпус не требовал от остальной части южного округа никакого содействия в первоначальном действии, но чтобы потом одинаковые с ним объявить чувства и намерения и завладеть войском.

Из французского стихотворения А. П. Барятинского.

Восседающий на молниях, исполненный гнева, этот бог вдыхает испарения дымящейся повсюду крови.

Да, у всех народов, во все времена, всегда лилась кровь во имя твое, страшное всем.

Ты дал им это всеобщее стремление, ты сам пил без конца кровь беспощадной жертвы...

...Когда темная ночь распространяет свои широкие завесы, читаю я твое величие на челе звезд.

Но крик птицы, умерщвленной острым когтем, внезапно отталкивает от тебя мое упавшее сердце.

Вопреки всему величию твоего творения, жестокость инстинкта кошки, отрицая благость твою, отрицает твое существование.

Разобьем же алтарь, которого он не заслужил. Он бог, но не всемогущ, или всемогущ, но не благ.

Вникните в природу, вопросите историю, вы поймете тогда, наконец, при виде зла, покрывающего весь мир, что для собственной славы бога, если бы он даже существовал, надо было бы его отвергнуть.

---

[1]) Т.-е. на юге.

Накануне 14-го декабря.

Приведенные здесь отрывки из мемуаров говорят о большой неподготовленности, в которой застало членов Северного Общества известие о смерти Александра. Заговорщики сначала совсем впали в уныние и даже говорили о полном прекращении действий общества,—только слухи об отказе Константина подняли их настроение. Даже умеренные, в роде И. И. Пущина, стали говорить, что упустить такой случай было бы непростительно. Все последние совещания носили характер весьма взбудораженный,—в сущности, почти ничего твердо установленного не было. Тот план, который изложен Трубецким, не исполнялся,—войска стали прямо собираться на Сенатской площади. Офицеры не ручались не только за полки, но даже за роты. При этих условиях понятно, что у некоторых членов, как например, у Рылеева, явилось сознание неизбежности гибели, что, однако, не мешало им настаивать на восстании. По свидетельству многих, Одоевский накануне восстания восторженно повторял: „мы умрем, но как славно мы умрем!“—Подготовки солдат не было, если не говорить о тех беседах с солдатами по ночам на улицах, которые вели Рылеев и братья Бестужевы.

Из записок Н. А. Бестужева.

Не знаю, был ли Рылеев обманут сам, или желал другим представлять дела общества в лучшем виде, только из его пламенных разговоров о распространении числа членов, принадлежащих к союзу благомыслящих людей, я и другие заключали, что общество наше многочисленно и что значащие люди участвуют в оном. В сем положении дела застигла нас нечаянная смерть Александра. Более года прежде сего в разговорах наших я привык слышать от Рылеева, что смерть императора была назначена обществом эпохою для начатия действий оного, и когда я узнал о съезде во дворце, по случаю нечаянной смерти царя, о замешательстве наследников престола, о назначении присяги Константину, тотчас бросился к Рылееву;

ко мне присоединился Торсон. Происшествие было неожиданно; весть о нем пришла совсем не оттуда, откуда ожидал я, и, вместо начатия действий, я увидел, что Рылеев не знал об этом. Встревоженный и волнуемый духом, видя благоприятную минуту пропущенною, не видя общества, не видя никакого начала к действию, я горько стал выговаривать Рылееву, что он поступил с нами иначе, нежели было должно.

— Где же общество,—говорил я,—о котором столько рассказывал ты? Где же действователи, которым настала минута показаться? Где они соберутся, что предпримут, где силы их, какие их планы? Почему это общество, ежели оно сильно, не знало о болезни царя, тогда как во дворце более недели получаются бюллетени об его опасном положении? Ежели есть какие намерения, скажи их нам—и мы приступим к исполнению. Говори!

Рылеев долго молчал, облокотясь на колени и положив голову между рук.

Он был поражен нечаянностью случая и сказал:

— Это обстоятельство явно дает нам понятие о нашем бессилии, я обманулся сам: мы не имеем установленного плана, никакие меры не приняты, число наличных членов в Петербурге невелико; но, несмотря на это, мы соберемся опять сегодня к вечеру. Между тем я поеду собирать сведения, а вы, ежели можете, узнайте расположение умов в городе и войске.

Батенков и брат Александр явились в эту минуту, и первое начало происшествий, ознаменовавших период междуцарствия, началось бедным собранием пяти человек.

С сей минуты дом Рылеева сделался сборным местом наших совещаний, а он —душой оных. Ввечеру мы сообщили друг другу собранные сведения: они были неблагоприятны. Войско присягнуло Константину холодно, однако, без изъявления неудовольствия. В городе еще не знали, отречется ли Константин: тайна его прежнего отречения в пользу Николая еще не распространилась. В Варшаву поскакали курьеры, и все были уверены, что дела останутся в том же положении.

Когда мы остались трое: Рылеев, брат мой Александр и я, то после многих намерений положили было писать прокламации к войску и тайно разбросать их по казармам; но после, признав это неудобным, изорвали несколько исписанных уже листов и решились все трое итти ночью по городу, останавливать каждого солдата, останавливаться у каждого часового и передавать им словесно, что их обманули, не показав завещания покойного царя, в котором дана свобода крестьянам и убавлена до 15 лет солдатская служба.

Это положено было рассказывать, чтобы приготовить дух войска для всякого случая, могшего представиться впоследствии. Я для того упоминаю об этом намерении, что оно было началом действий наших и осталось неизвестным комитету.

Нельзя представить жадности, с какою слушали нас солдаты, нельзя изъяснить быстроты, с какою разнеслись наши слова по войскам; на другой день такой же обход по городу удостоверил нас в этом.

Два дня сильного беспокойства, две бессонные ночи в ходьбе по городу и огорчение сильно подействовали на Рылеева. У него сделалось воспаление горла; он слег в постель; воспаление перешло в жабу; он едва мог переводить дыхание, но не переставал принимать участие в делах общества. Мало по малу число наше увеличилось; члены съезжались отовсюду, и болезнь Рылеева была предлогом беспрестанных собраний в его доме.

Между тем сомнения на счет наследства престола возрастали. Нам открывался новый случай воспользоваться новою присягою. Мы работали усерднее: приготовляли гвардию, питали и возбуждали дух неприязни к Николаю, существовавший между солдатами. Рылеев выздоравливал и не переставал быть источником и главною пружиною всех действий общества.

Но, несмотря на успехи наши, невзирая на то, что новые члены прибывали, что за многие полки сделаны были обещания, мы мало уверены были в наших силах: никто не мог ручаться за полный полк; ротные командиры, участвовавшие в заговоре, могли отвечать только за свои роты, и то при благоприятных некоторых обстоятельствах.

Часто в разговорах наших сомнение на счет успеха выражалось очень положительно. Не менее того мы видели необходимость действовать; чувствовали надобность пробудить Россию. Рылеев всегда говаривал:

— Предвижу, что не будет успеха; но потрясение необходимо. Тактика революции заключается в одном слове: „д е р з а й“, и ежели это будет несчастливо—мы своей неудачей научим других.

Из записок А. Е. Розена.

12-го декабря, вечером, был я приглашен на совещания к Рылееву и князю Оболенскому; там застал я главных участников 14-го декабря. Постановлено было в день, назначенный для новой присяги, собраться на Сенатской площади, вести туда сколько возмож-

но будет войска под предлогом поддержания прав Константина, вверить начальство над войском кн. Трубецкому, если к тому времени не прибудет из Москвы М. Ф. Орлов. Если главная сила будет на нашей стороне, то объявить престол упраздненным и ввести немедленно временное правление из пяти человек, по выбору членов государственного совета и сената. В числе пяти называли заранее И. С. Мордвинова, М. М. Сперанского и П. И. Пестеля. Временному правлению надлежало управлять всеми делами государственными с помощью совета и сената до того времени, пока выборные люди всея земли Русской успеют собраться и положить основание новому правлению. Наверно никто не знал, сколькими батальонами или ротами, из каких полков, можно будет располагать. В случае достаточного числа войска положено было занять дворец, главные правительственные места, банки и почтамт для избежания всяких беспорядков. В случае малочисленности военной силы и неудачи, надлежало отступить к Новгородским военным поселениям. Принятые меры к восстанию были неточны и неопределенны, почему на некоторые мои возражения и замечания князь Оболенский и Булатов сказали с усмешкою: „ведь, нельзя же делать репетиции!“ Все из присутствовавших были готовы действовать, все были восторжены, все надеялись на успех, и только один из всех поразил меня совершенным самоотвержением; он спросил меня наедине: можно ли положиться наверно на содействие 1-го и 2-го батальонов нашего полка; и когда я представил ему все препятствия, затруднения, почти невозможность, то он с особенным выражением в лице и в голосе сказал мне: „да, мало видов на успех, но все-таки надо, все-таки надо начать; начало и пример принесут плоды“. Еще теперь слышу звуки, интонацию—все-таки надо—то сказал мне Кондратий Федорович Рылеев.

Совещание 13-го декабря.

(Из записок М. А. Бестужева).

В последние дни перед 14 декабря все остававшееся от ротных учений время было поглощено на приготовление солдат и беседу с ротными командирами, так что я только урывками мог забегать к Рылееву и брату Александру, чтоб сообщить им результаты своих действий...

Шумно и бурливо совещание накануне 14 в квартире Рылеева. Многолюдное собрание было в каком-то лихорадочно-высоконастроенном состоянии. Тут слышались отчаянные фразы, неудобоисполнимые предложения и распоряжения, слова без дел, за которые многие дорого поплатились, не будучи виноваты ни в чем, ни перед кем. Чаще других слышались хвастливые возгласы Якубовича и Щепина-Ростовского. Первый был храбрый офицер, но хвастун и сам трубил о своих подвигах на Кавказе. Но недаром сказано: кто про свои дела твердит всем без умолку—в том мало очень толку, и это он доказал 14 декабря на Сенатской площади. Храбрость солдата и храбрость заговорщика не одно и то же. Щепина-Ростовского, хотя он не был членом общества, я нарочно привел на это совещание, чтобы посмотреть, не попятится ли он. Будучи наэлектризован мною, быть может, через меру, и чувствуя непреодолимую силу, влекущую его в водоворот—бил руками и ногами и старался как бы заглушить рассудок всплеском воды и брызгами.

Зато, как прекрасен был в этот вечер Рылеев! Он был нехорош собой, говорил просто, но негладко; но когда он попадал на свою любимую тему—на любовь к родине,—физиономия его оживлялась, черные, как смоль, глаза озарялись неземным светом, речь текла плавно, как огненная лава, и тогда, бывало, не устанешь любоваться им. Так и в этот роковой вечер, решивший туманный вопрос: „To be, or not to be [1]),“ его лик, как луна бледный, но озаренный каким-то сверхъестественным светом, то появлялся, то исчезал в бурных волнах этого моря, кипящего различными страстями и побуждениями.

План действий 14-го декабря.

(Из записок С. П. Трубецкого).

План действия был основан на упорстве солдат остаться верными императору, которому присягнули, в чем общество и не ошиблось, и составлен был следующим образом. Как скоро собраны будут полки для новой присяги и солдаты окажут сопротивление и не захотят или будут колебаться дать ее, то офицеры будут стараться вывести их со дворов, на которых они собраны будут. Первый полк с барабанным боем должен итти к другому, который к нему пристанет. Таким образом надеялись иметь не только те полки, на которых рассчитывали, но увлечь и другие. Лейб-гренадерский должен был прямо итти к арсеналу и занять его. Собранным полкам собраться на площади Петровской и заставить сенат издать

[1]) „Быть или не быть“.

манифест, в котором прописаны будут чрезвычайные обстоятельства, в которых находилась Россия и для разрешения которых назначаются, в назначенный срок, выбранные люди от всех сословий для утверждения, за кем остаться престолу и на каких основаниях. Между тем сенат должен был утвердить временное правление, пока не будет утвержден новый император общим собором выбранных людей. Общество намеревалось предложить в временное правление Мордвинова, Сперанского и Ермолова. Срок службы военной для рядовых сократить до 15 лет. Временное правление должно составить проект государственного уложения, в котором главные пункты должны быть: учреждение представительного правления, по образцу европейских государств, и освобождение крестьян от крепостной зависимости. По обнародовании сенатом манифеста, войско должно было выступить из города, притянув 2-е батальоны, и расположиться в окрестностях. Это было условие, на котором обещано через Батенкова содействие некоторых членов государственного совета, которые требовали, чтобы их имена остались неизвестными...

Проект манифеста, найденный в бумагах князя С. П. Трубецкого.

В манифесте сената объявляется:

1. Уничтожение бывшего правления.

2. Учреждение временного до установления постоянного выборными.

3. Свободное тиснение, и потому уничтожение цензуры.

4. Свободное управление богослужения всем верам.

5. Уничтожение права собственности, распространяющееся на людей.

6. Равенство всех сословий пред законом, и потому уничтожение военных судов и всякого рода судных комиссий, из коих все дела судные поступают в ведомство ближайших судов гражданских.

7. Объявление права всякому гражданину заниматься, чем он хочет, и потому дворянин, купец, мещанин, крестьянин—все равно имеют право вступать в воинскую и гражданскую службу и в духовное звание, торговать оптом и в розницу, платя установленные повинности для торгов. Приобретать всякого рода собственность, как-то: земли, дома в деревнях и городах. Заключать всякого рода условия между собою, тягаться друг с другом пред судом.

8. Сложение подушных податей и недоимок по оным,

9. Уничтожение монополий, как-то: на соль, на продажу горячего вина и проч. и потому учреждение свободного винокурения и добывания соли, с уплатою за промышленность с количества добывания соли и водки.

10. Уничтожение рекрутства и военных поселений.

11. Убавление срока службы военной для нижних чинов, но определение оного последует по уравнении воинской повинности между всеми сословиями.

12. Отставка всех без изъятия нижних чинов, прослуживших 15 лет.

13. Учреждение волостных, уездных, губернских и областных правлений, о порядке выборов членов сих правлений, кои должны заменить всех чиновников, доселе от гражданского правительства назначаемых.

14. Гласность судов.

15. Введение присяжных в суды уголовные и гражданские.

Учреждает правление из 2-х или 3-х лиц, которому подчинит все части высшего управления, т.-е. все министерства, совет, комитет министров, армии, флот. Словом, всю верховную исполнительную власть, но отнюдь не законодательскую и не судную. Для сей последней остается министерство, подчиненное Временному Правлению, но для суждения не решенных в нижних инстанциях остается департамент сената уголовный и учреждается департамент гражданский, кои решают окончательно и члены коих останутся до учреждения постоянного правления.

Временному Правлению поручается приведение в исполнение:

1. Уравнение прав всех сословий.

2. Образование местных волостных, уездных, губернских и областных правлений.

3. Образование внутренней народной стражи.

4. Образование судной части с присяжными.

5. Уравнение рекрутской повинности между всеми сословиями.

6. Уничтожение постоянной армии.

7. Учреждение порядка избрания выборных в палату представителей народных, кои долженствуют утвердить на будущее время имеющий существовать порядок правления и государственное законоположение.

14-е декабря.

Из всех рассказов о дне 14-го декабря в Петербурге,—исходят ли они от участников восстания, от его усмирителей, от иностранного посла, от лиц из царской фамилии,—с несомненностью явствует одно: в этот день обступивший „мятежников“ народ был целиком на их стороне и активно проявлял свое сочувствие всеми доступными ему способами. Ясна также и другая сторона дела,—большие колебания среди тех войск, которые оказались на стороне Николая. Очень характерно, что полиции (донесение Пяткина) приходилось усердно кричать „ура“, подавая пример, чтобы вывести эти войска из угрюмого молчания. А во дворце уже трепетали, что вот-вот вломится народ... Другой вопрос, могли ли бы заговорщики удержать власть, но что 14 декабря они могли бы захватить ее на некоторое время в столице, при другом образе действий,—это несомненно. Пассивное их поведение объясняется прежде всего, как об этом говорит Завалишин, страхом самих руководителей перед поведением „черни“. Отсутствие диктатора на площади, конечно, имеет гораздо меньшее значение: при другом настроении, предводитель бы нашелся. О низком поведении „диктатора“ никто не мог бы рассказать лучше, чем сам Трубецкой: это—жалкий трус, прячущийся по каким-то канцеляриям, сидящий там в одиночестве в курьерской „в унынии и страхе“, расспрашивающий других, нельзя ли пройти через площадь незаметно для восставших... Сообщения французского посла интересны, между прочим, и тем, что они показывают, как относились верхи западно-европейского общества к мысли ввести в Россию конституцию: для Ферронэ это—дикое безумство. Очевидно, в его глазах Россия была совершенно варварской страной. И через сто лет отношение европейской буржуазии к революционной России не очень изменилось. Записки Попова хорошо рисуют варварскую расправу, которую чинили с побежденными приспешники Николая. И это пишет не сторонник декабристов, а чиновник III-го отделения (государственной полиции). Письма Хомякова, Воейкова, Жуковского любопытны, как показатели

отношения интеллигенции к восстанию: в некоторой своей части тогдашняя интеллигенция обрушилась на декабристов с жестокой, чуть не площадной, бранью, повторяя разные бессмысленные клеветы. Даже кроткий Жуковский стал говорить „сволочь“ и т. п. А ведь Воейков и особенно Жуковский—видные писатели, цвет интеллигенции своего времени...

Из записок А. Е. Розена.

14-го декабря, до рассвета, собрались все офицеры (Финляндского полка) у полкового командира, генерала Воропанова, который, поздравив нас с новым императором, прочел письмо и завещание Александра, отречение Константина и манифест Николая. В присутствии всех офицеров я выступил вперед и объявил генералу: „что если все им читанные письма и бумаги верны с подлинниками, в чем не имею никакой причины сомневаться, то почему 27 ноября не дали нам прямо присягнуть Николаю?“ Генерал в замешательстве ответил мне: „Вы не так рассуждаете,—о том думали и рассуждали люди поопытнее и постарше нас; извольте, господа, итти по своим батальонам для присяги“... Из казарм поехали во дворец к разводу нашего 2-го батальона, развод был без парада. На Сенатской площади еще не было ни одного солдата. Воротившись домой, получил записку Рылеева, по коей меня ожидали в казармах Московского полка. Было 10 часов утра, лошади мои стояли запряженные. Въехав на Исаакиевский мост, увидел густую толпу народа на другом конце моста, а на Сенатской площади каре Московского полка. Я пробился сквозь толпу, пошел прямо к каре, стоявшему по ту сторону памятника, и был встречен громким ура. В каре стоял князь Д. А. Щепин-Ростовский, опершись на татарской сабле, утомившись и измучившись от борьбы во дворе казарм, где он с величайшим трудом боролся: переранил бригадного командира Шеншина, полкового—Фридрихса, батальонного полковника Хвощинского, двух унтер-офицеров и, наконец, вывел свою роту; за ней следовала и рота М. А. Бестужева и еще по несколько десятков солдат из других рот. Князь Щепин-Ростовский и М. Бестужев ждали и просили помощи, пеняли на караульного офицера Якова Насакина, отчего он не присоединялся к ним с караулом своим... Всех бодрее в каре стоял И. И. Пущин, хотя он, как отставной, был не в военной одежде; но солдаты охотно слушали его команду, видя его спокойствие и бодрость. На вопрос мой Пущину, где мне отыскать князя Трубецкого, он мне ответил: „пропал или спря-

тался, — если можно, то достань еще помощи, в противном случае и без тебя тут довольно жертв".

Народ со всех сторон хлынул на площадь; полиция молчала. Войска еще не было никакого с противной стороны. Поспешно поехал в Финляндские казармы, где оставался только наш 1-й батальон... 2-й наш батальон в этот день занял караулы по 1-му отделению во дворце и в городе, 3-й батальон по очереди зимовал за городом по деревням. Прошел по всем ротам, приказал солдатам проворно одеться, вложить кремни, взять патроны и выстроиться на улице, говоря, что должны итти на помощь нашим братьям. В полчаса выстроился батальон, подоспели офицеры; никто не знал, по чьему приказанию выведен был батальон... Мы тронулись ротными колоннами; у морского кадетского корпуса встретил нас генерал-адъютант граф Комаровский верхом, который государем послан был за нашим батальоном. Нас остановили на середине Исаакиевского моста подле будки; там приказали зарядить ружья; большая часть солдат при этом перекрестилась. Быв уверен в повиновении моих стрелков, вознамерился сначала пробиться сквозь карабинерный взвод, стоявший впереди меня, и сквозь роту Преображенского полка капитана Титова, занявшую всю ширину моста со стороны Сенатской площади.

Но как только я лично убедился, что восстание не имело начальника, следовательно, не могло быть единства в предприятии, и не желая напрасно жертвовать людьми, а также не будучи в состоянии оставаться в рядах противной стороны,— я решил остановить взвод мой в ту минуту, когда граф Комаровский и мой бригадный командир скомандовали всему батальону: вперед!—взвод мой единогласно и громко повторил: стой! так что впереди стоявший карабинерный взвод дрогнул, заколебался, тронулся не весь, и только личным усилиям капитана Вяткина, не щадившего ни ругательств знаменитых, ни мощных кулаков своих, удалось подвинуть этот первый взвод. Батальонный командир наш, полковник Тулубьев, исчез, быв отозван в казармы, где квартировало его семейство. Дважды возвращался ко мне бригадный командир, чтобы сдвинуть мой взвод, но напрасны были его убеждения и угрозы. Между тем я остановил не один мой стрелковой взвод, за моим взводом стояли еще три роты, шесть взводов; но эти роты не слушались своих командиров, говоря, что впереди командир стрелков знает, что делает. Был уже второй час пополудни; по мере увеличения числа войск, для оцепления возмутителей, полиция стала смелее и разогнала народ с площади, много народу потянулось на Васильевский остров вдоль

бокоеых перил Исаакиевского моста. Люди рабочие и разночинцы шедшие с площади, просили меня держаться еще часок и уверяли, что все пойдет ладно... Слишком два часа стоял я неподвижно, в самой мучительной внутренней борьбе, выжидая атаки на площади, чтобы поддержать ее тремя с половиной ротами или восемьюстами солдат, готовых следовать за мною повсюду.

Между тем на Сенатской площади около восьмисот человек л.-гв. Московского полка составили каре: рота М. А. Бестужева стояла лицом к Адмиралтейскому бульвару, он по необходимости должен был наблюдать за тремя фасами, а четвертым, обращенным к Исаакиевскому собору, командовал утомившийся князь Щепин-Ростовский...

После московцев прибыл на площадь Сенатскую батальон гвардейского экипажа. Когда батальон этот собран был во дворе казарм для принятия присяги, и несколько офицеров, сопротивлявшихся присяге, были арестованы бригадным командиром генералом Шиповым, то в воротах казарм показался Н. А. Бестужев, в то самое мгновение, когда с площади послышались выстрелы ружейные против атаки конногвардейцев, и закричал солдатам: „наших бьют! ребята, за мной!" и все ринулись за ним на площадь. Второпях забыли прикатить с собой несколько орудий, стоявших в арсенале батальонном; впрочем, все надеялись на содействие гвардейской конной артиллерии. Батальон этот, выстроившись в колонну к атаке, стал за каре л.-гв. Московского полка, за фасом, обращенным к Исаакиевскому собору.

Потом присоединились три роты л.-гв. гренадерского полка, приведенные поручиком А. Н. Сутгофом, батальонным адъютантом Н. А. Пановым и подпоручиком Кожевниковым. Перебежав через Неву, они вошли во внутренний двор Зимнего дворца, где уже стоял полковник Геруа с батальоном гвардейских сапер. Комендант Башуцкий похвалил усердие гренадер на защиту престола, но люди, заметив свою ошибку, закричали: „не наши!" и, повернув полукружием около двора, вышли из дворца, прошли мимо государя, спросившего их: „куда вы? если за меня, так направо, если нет, так налево!". Кто-то ответил: „налево", и все побежали на Сенатскую площадь врассыпную и были помещены внутри каре Московского полка, чтобы там рассчитать и построить их по-ротно, чего еще не успели, как артиллерия начала действовать. Должно, однако, заметить, что Сутгоф вывел свою роту в полной походной аммуниции, с небольшим запасом хлеба, предварив ее о предстоящих действиях.

Всего было на Сенатской площади в рядах восстания больше 2000 солдат. Эта сила в руках одного начальника, в виду собравшегося тысячами вокруг народа, готового содействовать, могла бы все решить, и тем легче, что при наступательном действии много батальонов пристали бы к возмутившимся, которые при 10-градусном морозе, выпадавшем снеге с восточным резким ветром, в одних мундирах, ограничивались страдательным положением и грелись только неумолкаемыми возгласами: „ура“. Не видно было диктатора, да и помощники его не были на месте. Предложили Булатову: он отказался; предложили Н. А. Бестужеву: он, как моряк, отказался; навязали, наконец, начальство кн. Е. П. Оболенскому, не как тактику, а как офицеру, известному и любимому солдатами. Было в полном смысле безначалие: без всяких распоряжений, — все командовали, все чего-то ожидали и в ожидании дружно отбивали атаки, упорно отказывались сдаться и гордо отвергали обещанное помилование.

Постепенно, смотря по расстоянию казарм от дворца, собирались войска противной стороны: л.-гв. конный полк приблизился к площади со стороны Английской набережной, батальоны Измайловского и Егерского полков по Вознесенской улице к Синему мосту. Л.-гв. Семеновский по Гороховой. Близ Адмиралтейского бульвара стояло каре л.-гв. Преображенского полка, — там присутствовал новый император на коне с многочисленною свитою; в каре находился цесаревич, отрок семилетний, с воспитателем своим. Впереди каре поставлены были орудия бригады полковника Нестеровского, под прикрытием взвода кавалергардов, под командою поручика И. А. Анненкова. Позади каре батальон л.-гв. Павловского полка; саперы стерегли дворец. Преданность войск к престолу была не безусловная: она колебалась в эту минуту. Когда 2-му батальону л.-гв. Егерского, ныне Гатчинского, полка приказано было двинуться вперед от Синего моста, и он уже тронулся, то по команде Якубовича „Налево кругом!“ — весь батальон обратился назад, несмотря на совершенную преданность престолу батальонного командира, полковника Буссе... Измайловский полк в тот день был также весьма ненадежен. Зато конно-гвардейский полк, под начальством А. Ф. Орлова, молодецки пять раз атаковал каре московцев и пять раз был отбит штыками и залпами...

Первый из тех, которые желали и старались уговорить возмутителей к возвращению в казармы, был корпусный командир Войнов; но все его убеждения были напрасны, угрозы также, и кончилось тем, что из толпы народа кто-то пустил в него поленом так сильно

в спину, что у старика свалилась шляпа, и он принужден был удалиться. Генерал Бистром удерживал остальные роты л.-гв. Московского полка от присоединения их к восставшим товарищам и уговаривал их содержать караулы в тот же вечер. Генерал Сухозанет примчался к каре, как бешеный, просил солдат разойтись, прежде чем станут стрелять из пушек; его спровадили и сказали: „стреляйте!“ Великий князь Михаил Павлович, в этот день только что возвратившийся из Неналя, с самоотвержением подъехал к каре, стал уговаривать солдат, и едва не сделался жертвой своей смелости. В. К. Кюхельбекер, видя, что великому князю может удасться отклонить солдат, уже прицелил в него пистолетом, Петр Бестужев отвел его руку, пистолет дал осечку; князь должен был удалиться. Граф М. А. Милорадович, любимый вождь всех воинов, спокойно въехал в каре и старался уговорить солдат; ручался им честью, что государь простит им ослушание, если они тотчас вернутся в свои казармы. Все просили графа скорее удалиться; князь Е. П. Оболенский взял под узду его коня, чтобы увести и спасти всадника, Оболенский штыком солдатского ружья колол коня его в бок, чтобы вывести героя из каре. В эту минуту пули Каховского и еще двух солдат смертельно ранили смелого воина, который в бесчисленных сражениях и стычках участвовал со славою и оставался невредимым: ему суждено было пасть от русской пули. Кондир л.-гв. гренадерского полка, полковник Стюрлер, старался отвести своих гренадер, отделившихся от полка, и уговаривал их возвратиться с ним к полку и к долгу своему; пули Каховского и нескольких солдат ранили его смертельно. Наконец, по приказанию государя, употреблено было еще последнее средство к усмирению: на извозчичьих санях подъехал митрополит Серафим в сопровождении киевского митрополита Евгения и нескольких священников, с животворящим крестом, умолял братиев христианскою любовью возвратиться в свои казармы. Серафим, равно как прежде него великий князь Михаил и граф Милорадович, обещал именем государя совершенное прощение всем возмутившимся, кроме зачинщиков. Его выслушали; воины осенили себя знаменем креста, но мольбы его остались также тщетными; ему сказали: „Поди, батюшка, домой, помолись за нас за всех,—здесь тебе нечего делать.“

День декабрьский скоро кончается: в исходе третьего часа начинает смеркаться; без сомнения, в сумерки нахлынул бы народ, разогнанный полицией; наверно, пристала бы часть войска. Император долго не решался на ultimo ratio rerum [1]), но видел, что медлить

[1]) Последнее средство.

было нечего, и был вынужден прибегнуть к этому средству, когда граф Ф. К. Толь, прибывший в Петербург в тот же день после великого князя Михаила, сказал ему: „Sire, faites balayer la place par la mitraille, ou renoncez au trône... [1]).

...Действия или действователи 14-го декабря обсуждены различным образом: одни видели в них мечтателей, другие безумцев, третьи бранили, называли их обезьянами Запада, четвертые укоряли их в непомерном честолюбии; иной порицал безусловно, другой жалел; мало кто судил беспристрастно, и то почти тайно, соображаясь с достоинствами отдельной личности и выпуская из виду главную причину и главную цель. Газеты тогда не смели печатать правду; с плеча постановили приговор свой,—что все мятежники декабристы были гадко одеты и все имели зверский вид и отвратительную наружность. Совершившееся дело показало, что предприятие было явно начато среди белого дня. На большой площади, в виду народа, несколько человек дерзнуло обнаружить неудовольствие и ожидало общего участия для лучшей перемены. Правда, что первые роты из л.-гв. Московского полка были выведены под предлогом верности данной присяги Константину. Правда и то, что когда послышались возгласы в толпе: „лучше вместо Константина конституцию“, и когда спросили нескольких человек: „кто это конституция?“, то ответили им: „это супруга Константина“. Но также правда и то, что гренадерам и надежным унтер-офицерам были объявлены другие причины,— а в толпе посторонних хорошо знали эти причины!— Декабристам на площади легко было предвидеть худой конец. Рылеев, как угорелый, бросался во все казармы, ко всем караулам, чтобы набрать больше материальной силы, и возвращался на площадь с пустыми руками; следовательно, они сознательно обрекли себя на жертву, обнаружили мужество, которое борется без всякой надежды на успех; и вышло, как мне сказал Рылеев: „а все-таки надо, все-таки надо.“

Однако, успех предназначенного предприятия был возможен, если сообразим все обстоятельства. Две тысячи солдат, и вдесятеро больше народу, были готовы на все по мановению начальника... Между тем уходило время; не было единства в распоряжениях: отчего сила, вместо действующей, стала только страдательной... Эта сила, на морозе и в мундирах, стояла неподвижно в течение нескольких часов, когда она могла взять орудия, заряженные против нее. Орудия стояли близко, под прикрытием взвода кавалергардов,

[1]) Государь, прикажите обстрелять площадь картечью, или откажитесь от трона.

под командою члена тайного общества И. А. Анненкова. Нетрудно было приманить к себе л.-гв. Измайловский полк, в котором было много посвященных в тайны общества. В ту же ночь бритвою лишил себя жизни капитан Богданович, упрекнув себя в том, что не содействовал. Она могла разогнать полицию, или арестовать полицию и удержать народ, доказавший свою готовность вооружиться чем попало—хоть поленом. Наконец, в этот самый день занимал караулы во дворце, в адмиралтействе, в сенате, в присутственных местах 2-й батальон л.-гв. Финляндского полка, под начальством полковника А. Ф. Моллера, старинного члена тайного общества; в его руках был дворец...

Из записок М. А. Бестужева.

...Мы со Щепиным поспешили рассчитать солдат и построить их в каре. Моя рота, с рядовыми из прочих, заняла 2 фаса, один, обращенный к Сенату, другой — к монументу Петра I. Рота Щепина, с рядовыми из других рот, заняла фасы, обращенные к Исаакию и к Адмиралтейству. Было уже около 9 часов, мы стояли более 2-х часов, а против нас не показывалось никакое войско. Первые, кого мы увидели — были конногвардейцы, которые справа по три тихо приближались, держась близко к Адмиралтейскому бульвару и, повернув направо, выстроились тылом к Адмиралтейству и правым флангом к Неве. Потом показались преображенцы, подвигавшиеся от Дворцовой площади, с артиллериею впереди, для которой позабыли или не успели взять зарядов, и за ними было послано. Заряды привезли уже к вечеру. Первый батальон преображенцев прошел позади конногвардейцев, замкнул выезд с Исаакиевского моста, конно-пионеры, прошедши тем же путем, замкнули выход к Английской набережной. Павловский полк стал тылом к дому Лобанова-Ростовского, семеновцы — вдоль конногвардейского манежа, измайловский полк был остановлен на улице, образовавшейся после постройки дома Лобанова. Прочие полки были размещены по главным улицам, идущим к площадям — Дворцовой, Исаакиевской и Петровской. Прибытие и размещение войск не было одновременно, но сопровождалось большими паузами и суматохою. Так, измайловцев, отказавшихся решительно от присяги Николаю, избивших Ростовцева, вздумавшего их уговаривать, вывели против войск, с которыми ожидали с минуты на минуту удобного случая, чтобы соединиться. Новый император, будучи шефом этого полка, на троекратное приветствие: „Здорово, ребята“, не получил даже казенного ответа и

удалился в смущении. И этот полк оставили стоять до вечера против нас. Преображенцев, поставленных против нас у Исаакиевского моста — оставили тоже до вечера, хотя они, по убеждению Чевкина, решительно отказались присягнуть Николаю. Конногвардейцев, посылаемых трижды в атаку против нас и только в третий раз успевших проскакать до Сената и выстроиться тылом к нему, — тоже оставили там до вечера, а этот полк настолько был приготовлен находившимися в нем членами нашего общества, что при движении нашего полка они наверное соединились бы с нами. Они, равно как и преображенцы, через народ, окружающий каре, передавали нам свое намерение.

Вскоре эскадрон конногвардейцев отделился от строя и помчался к нам. Его встретил народ градом каменьев из мостовой и дров, находившихся за забором подле Исаакиевской церкви. Всадники, неохотно и вяло нападавшие, в беспорядке воротились за свой фронт. Вторую и третью атаку московское каре уже без содействия народа выдержало с хладнокровною стойкостью. После отражения третьей атаки конногвардейцы проскакали к Сенату и, когда начали выстраиваться во фронт, солдаты моего фаса, полагая, что они хотят атаковать с этой стороны, мгновенно прицеливались и хотели дать залп, которым, вероятно, положили бы всех без исключения. Я, забывая опасность, выбежал перед фас и скомандовал:

— Оставь.

Солдаты опустили ружья, но несколько пуль просвистело мимо моих ушей и несколько конногвардейцев упали с коней. Конно-пионеры немного спустя помчались, бог весть по чьему приказанию, мимо моего фаса и конногвардейцев. Мои солдаты пустили по ним беглый огонь и заставили воротиться назад. Я был на другом фасе и не мог предупредить или остановить. Как ни прискорбны эти два случая, но они породили счастливые для нас результаты. Выстрелы были услышаны в гвардейских казармах и к нам поспешили на помощь...

...Нам готовилась вовсе неожиданная помощь. Я проходил фас своего каре, обращенный к Неве, и вижу приближающихся кадет Морского и 1-го кадетского корпуса.

— Мы присланы депутатами от наших корпусов для того, чтобы испросить позволения притти на площадь и сражаться в рядах ваших, — говорил, запыхавшись, один из них. Я невольно улыбнулся, и на мгновение мысль: дать им позволение — промелькнула в уме. Присутствие этих юных птенцов на площади, стоящих рядом с усатыми гренадерами, поистине, оригинально окрасило бы наше восстание. Участие детей в бунте — единственный, небывалый факт в летописях истории. Но я удержался от искушения при мысли — подвергать опасности жизнь и будущность этих ребят-героев.

— Благодарите своих товарищей за благородное намерение и поберегите себя для будущих подвигов, — ответил я им серьезно, и они удалились.

День был сумрачный — ветер дул холодный. Солдаты, затянутые в парадную форму с 5 часов утра, стояли на площади уже более 7 часов. Со всех сторон мы были окружены войсками — без главного начальства (потому что диктатор Трубецкой не являлся), без артиллерии, без кавалерии, словом, лишенные всех моральных и физических опор для поддержания храбрости солдат. Они с необычайною энергиею оставались неколебимы и, дрожа от холода, стояли, в рядах, как на параде. Чтобы пощупать состояние их духа, я подошел к Любимову, ефрейтору, молодцу и красавцу из всей моей роты, женившемуся только три дня тому назад и которого я благословлял, когда он шел под венец.

— Что, Любимов, призадумался, аль мечтаешь о своей молодой жене? — сказал я, потрепав его по плечу.

— До жены ли теперь, ваше высокоблагородие. Я развожу умом, для чего мы стоим на одном месте — посмотрите — солнце на закате ноги отерпли от стоянки, руки закоченели от холода, а мы стоим.

— Погоди, Любимов! пойдем, и ты разомнешь и руки, и ноги.

С сокрушенным сердцем я удалился от него. Кюхельбекер и Пущин уговаривали народ очистить площадь, потому что готовились стрелять в нас. Я присоединился к ним, но на все мои убеждения был один ответ: умрем вместе с вами. К нам подошел Сухозанет и передал последнюю волю царя, чтобы мы положили оружие, или в нас будут стрелять.

— Отправляйтесь назад, — вскрикнули мы, а Пущин прибавил:

— И пришлите кого-нибудь почище вас.

На возвратном скаку к батарее, он вынул из шляпы султан, что было условлено, как сигнал к пальбе, и выстрел грянул. — Картечь была направлена выше голов. Толпа народа не шелохнулась. Другой выстрел — в самую середину массы. Повалилось много безвинных, остальные распрыснулись во все стороны. Я побежал к своему фасу к Неве. Последовал третий выстрел. Много солдат моей роты упало и стонало, катаясь по земле в предсмертном мучении. Прочие побежали к Неве. Любимов очутился подле меня.

— Всяко может быть, ваше высокородие, я не покину вас, — говорил он с братским участием и вдруг упал к моим ногам, пора-

женный картечью в грудь. Кровь брызгала из глубокой раны. Я дал ему свой платок. Он прижал его к груди, а меня увлекла толпа бегущих солдат. Я забежал вперед.

— За мной, ребята!—крикнул я московцам и спустился на реку. Посредине я остановил солдат и с помощью моих славных унтер-офицеров начал строить густую колонну, с намерением итти по льду Невы до самой Петропавловской крепости и занять ее. Если бы это удалось, мы бы имели прекрасное point d'appui [1]), куда бы могли собраться все наши и откуда мы бы могли с Николаем начать переговоры, при пушках, обращенных на дворец. Я уже успел выстроить три взвода, как завизжало ядро, ударившись в лед и прыгая рикошетами вдоль реки. Я оборотился назад, чтобы посмотреть, откуда палят, и по дыму из орудий увидел батарею, поставленную около середины Исаакиевского моста. Я продолжал строить колонну, хотя ядра вырывали из нее то ряд справа, то слева. Солдаты не унывали и даже старики подсмеивались над молодыми, говоря им, когда они наклонялись при визге ядер:

— Что раскланиваешься? Аль оно тебе знакомо?

Уж достраивался хвост колонны, как вдруг раздался крик:

— Тонем!

Я увидел огромную полынью, в которой барахтались и тонули солдаты. Лед, под тяжестью собравшихся людей и разбиваемый ядрами, не выдержал и провалился. Солдаты бросились к берегу Невы, к самой Академии Художеств.

— Куда же мы теперь?—спрашивал знаменосец. Я заглянул в отворенные ворота Академии и увидел круглый двор, столь для меня памятный. Вспомнил залы античных статуй, живописи и проч., окружающие двор, и,—мгновенная мысль, что, заняв их, мы можем долго защищаться,—вскричал: „Сюда, ребята". Передовая кучка солдат пробежала в ворота мимо оторопевшего швейцара, который, впрочем, оправившись от страха, спустил гири ворот, и они захлопнулись перед нашим носом. Я приказал взять бревно из днища барки, разломанной на реке, чтоб им сбить с петель ворота. Молодцы дружно принялись за дело: ворота уже потрескивали под их ударами, но мы увидели эскадрон кавалергардов, во весь карьер мчавшихся к нам. У солдат опустились руки. Можно ли было думать о сопротивлении при такой суматохе, когда все столпились в одну нестройную кучу?

— Спасайтесь, ребята, кто как может!—и солдаты разбежались в разные стороны. Я подошел к знаменосцу, обнял его, промолвив:

[1]) Опорный пункт.

— Скажи своим товарищам, московцам, что я, в лице твоем, прощаюсь навсегда с ними. Ты же отнеси и вручи знамя вот этому офицеру, который скачет впереди; этим ты оградишь себя от наказания.

Я еще постоял некоторое время, видел, как на половине площади Румянцева знаменщик подошел к офицеру, отдавая знамя, и как тот рубнул его с плеча. Знаменщик упал, и у меня чуть слезы не брызнули. Я забыл фамилию этого презренного героя, но помнится, что она начиналась с частички фон, и что он, повергая к ногам императора отбитое им с боя знамя, получил Владимира с бантом за храбрость!!!

Из дневника барона В. Р. Каульбарса.

Орлов повел наш полк по Почтамтской улице, мимо Исаакиевского собора, по Вознесенской, мимо дома Лобанова, на Адмиралтейскую площадь... Мы увидали выехавшего из Зимнего дворца верхом государя, сопровождаемого 1-м батальоном Преображенского полка, в шинелях, фуражках, ружья на перевес... По объезде государем нашего фронта, первый дивизион получил приказание встать перед Галерной улицей и Английской набережной... Направляясь вокруг Исаакиевского собора, мимо домов Беринга, Мятлева, мимо Почтамтской улицы, нашего манежа и канала, мы въехали в пространство, находящееся между Сенатом и каре заговорщиков. При этом правому флангу наших взводов приходилось следовать в расстоянии 10—12 шагов от фаса каре. Встреченные криком „ура, Константин!", мы ответили: „ура, Николай!"—и получили тотчас же в правый наш фланг ружейный залп, вследствие которого некоторые нижние чины были ранены, а один солдат, простреленный в бок от неплотно пригнанных кирас, свалился с лошади. Когда же мы, подъехав к Сенату, по команде повернули повзводно во фронт и очутились в 10—12 шагах от каре, они вторично осыпали нас градом пуль. Этим залпом и был ранен полковник Велио... Тотчас, по выбытии Велио, я принял, как старший офицер в эскадроне, командование оным. Отсутствием между нами дальнейших потерь, несмотря на столь близкое расстояние от каре, мы обязаны тому, что заговорщики, в большинстве, стреляли, держа ружье на-руку, и что между ними много было людей в нетрезвом виде [1]). Таким образом,

[1]) Вечером мне удалось узнать причину этого от некоторых пойманных сбунтовавшихся солдат. На замечание мое, что они, находясь так близко от нас, имели полную возможность перебить нас всех по одиночке, они объяснили, что им не ве-

мы стояли против них около часу, окруженные густою толпою народа и любопытных; при этом задняя наша шеренга была прижата к платформе сенатской гауптвахты. Выстрелы с их стороны на воздух, а равно и крики „ура, Николай!“ и „ура, Константин!“ продолжались почти без перерыва. Тем не менее, положение наше было одно из самых незавидных. Не только потому, что наши лошади не были перекованы на шипы и при малейшем движении, вследствие гололедицы, скользили и падали с седоками, но главным образом оттого, что все наше внимание должно было быть обращено на крышу Сената. Туда забралось немало народу, бомбардируя нас сверху дровами, внесенными со двора.

Как мы узнали потом, эти люди перешли на сторону мятежников, вследствие обещания дозволить им трехдневный грабеж и мародерство в городе. Один из наших офицеров, Игнатьев, получил таким поленом столь сильный удар в живот около самой луки, что, потеряв сознание, тут же упал с лошади...

Наконец, за нами раздался барабанный бой. Это был лейб-гвардии Павловский полк, посланный с противуположной стороны Галерной улицы и занявший ее. Вслед за этим мы были освобождены от нашей неприятной стоянки тем, что получили приказание встать перед мостом. Повернув налево по шести, мы прошли это небольшое пространство беспрепятственно, прокладывая себе дорогу сквозь густую толпу народа.

...Я скомандовал против самого моста: „стой во фронт“. Тут мы увидали остальные четыре эскадрона нашего полка, стоявшие неподалеку от нас, спиною к Адмиралтейскому бульвару и лицом к каре. Пока мы находились у Сената, мы про них не знали ничего и их не видели, будучи разделены находящимися между нами двумя каре. Они были принуждены сделать несколько атако-образных демонстраций, которые, конечно, были неудачны, в виду гололедицы и столь близкого расстояния [1]). При первой попытке они были встре-

---

лено было в нас стрелять, так как подстрекатели их были уверены, что конная гвардия, имея своим шефом великого князя Константина Павловича, только наружно против них, впоследствии же перейдет на их сторону. Этим только и можно себе объяснить незначительность наших потерь, так как пули направлялись выше наших голов.

[1]) Нужно сознаться, что едва ли кавалерия могла находиться в более безвыходном положении, нежели наш полк в этот день. На лошадях не перекованных на шипы, которые при каждом шаге скользили на все четыре стороны и нередко, со своими седоками, падали—нельзя было и думать о каком бы то ни было серьезном нападении на пехотное каре; да к тому же на расстоянии 20—30 шагов. При этом, как единственное вооружение, старые от долголетней службы и чистки совершенно короткие и тупые палаши... Окружавшая нас толпа народа и любопытных разражалась громким смехом каждый раз, когда пущенное сверху полено удачно задевало кого-нибудь из людей или попадало на круп бедных лошадей. Тот, кто в состоянии перенестись мысленно в наше положение, поймет озлобление, а равно овладевшую нас радость, когда первый пущенный вверх картечный выстрел попал как раз в находящихся на крыше наших непрошенных доброжелателей.

чены ружейным залпом, при последующих—в них даже не стреляли, напротив, шутливо подсмеивались над нами в каре. Ротмистр Эссен,.. бросился с 4-м взводом вперед и высвободил нашего старого корпусного командира генерала Войнова, которого толпа чуть было не закидала до смерти кирпичами. Собравшийся у забора, окружавшего леса строившейся Исаакиевской церкви, народ, видимо сочувствовавший бунтовщикам, встречал кирпичами всякого, кто по его предположению стоял за законного государя...

Недолго стояли мы перед мостом, как из каре выступил один из наших офицеров, князь Одоевский, и обратился к нам со следующими словами: „Конно-гвардейцы, неужели вы хотите проливать русскую кровь?“ На это мы крикнули: „Ура, Николай!“ и, послав по его адресу несколько слов, увидели, как он немедленно отретировался обратно в каре...

Был уже третий час полудни. При стоявшей с утра пасмурной погоде, день стал быстро темнеть. Офицеры и нижние чины, при 7—8° морозу, были в одних мундирах... В рядах между нижними чинами стали чаще повторяться слова: „Да пора покончить с ними“. Вдруг показался клуб порохового дыму. Последовал пушечный выстрел. Картечь прожужжала, однако, высоко по воздуху (вероятно, с умыслом, чтобы предварительно морально подействовать на заговорщиков). Заряд этого выстрела попал в здание Сената и свалил на платформу гауптвахты некоторых из находившихся на крыше людей. Двое из них, взобравшиеся на пьедестал статуи Справедливости, лежали теперь, после постигшей их заслуженной участи, у ног ее.

Едва это было замечено нами, как офицеры и нижние чины, в высшей степени озлобленные, при воспоминании о бомбардировке поленьями,—разразились криком „ура“; некоторые же офицеры, в справедливом негодовании, стали кричать: „фора, фора!“

Это „фора“ недолго заставило себя ждать. Как только заговорщики ответили на первый выстрел „ура, Константин,“ и, видимо, намеривались броситься на артиллерию в штыки, последовало еще несколько выстрелов, теперь уже удачнее направленных. Тут они не устояли. Вся эта масса бросилась к Английской набережной, проломив фронт конно-пионеров. Преследуемые ими, насколько это было

возможно, они обратились, при страшной давке, в полнейшее бегство и, перескакивая через гранитную набережную на Неву, разбежались по льду во все стороны...

...В этот промежуток времени успели уже убрать с площади всех убитых и отнести их, положив в один ряд за забором, окружавшим церковь. Так как на площади все уже успокоилось, то я сейчас же отправился туда, со многими другими. Тут лежало, как я сосчитал, 56 тел. Между прочим, два маленьких флейтщика Гвардейского экипажа и один унтер-офицер Л.-Гв. Московского полка с оторванными головами, вероятно, картечью, столь близко в них пущенною. Тут я заметил еще пятерых, судя по их полотняной одежде, ремесленников, бывших, вероятно, в числе любопытных, а равно и тех, которые были убиты первым пущенным против Сената выстрелом. По Крюкову каналу и в Галерной было тоже, как говорят, несколько людей убито попавшей туда рикошетом картечью. У нас выбыло из строя убитыми один нижний чин и, кроме Велио, несколько человек тяжело ранеными. Вообще, как рассказывали ночью, в этот день лишились жизни от 70 до 80 человек.

Итак, мы остались всю ночь с другими полками на биваке. Перед мостом были поставлены два орудия, и по всем направлениям, куда только можно было окинуть глазом, горели большие бивачные костры, ярко освещавшие эту часть города. По приказанию государя, нам были вынесены из Зимнего дворца, в больших корзинах, чай и ужин; прохаживающаяся между войсками и разведенными кострами многочисленная публика, из всех слоев общества, с редкою и с весьма любезною предупредительностью, добровольно предлагала доставить нам все то, о чем мы только изъявляли желание.

Из донесения французского посла де-ла-Феррона своему правительству.

1. Многие накануне выражали мне беспокойство и опасение, как бы гвардия не оказала сопротивления. Но эта тревога, повидимому, не разделялась генералом, начальствующим этим корпусом, и каждый полковой командир ручался за свой полк. Вот почему я был совершенно спокоен; и вчера утром узнав, что все тихо во дворце, я занялся составлением донесения вашему превосходительству..., когда пришли мне сказать, что Московский полк, по нанесении опасной раны командиру полка генералу Фредериксу, выступил со знаменем

на Сенатскую площадь и там построился в батальонное каре, отказываясь принести присягу императору Николаю и требуя громкими кликами императора Константина.

Я немедленно ушел из дому. На площади, перед дворцом, я увидал довольно большую толпу народа и батальон Преображенского полка. В эту минуту император вышел из дворца. Его встретили криками: ура! среди коих, как меня уверяли, раздавались, однако, и угрозы, и слышалось имя Константина. Император обратился с краткой речью к преображенским гвардейцам и, хотя я не мог заметить в них ни малейшего энтузиазма, но не увидал и ничего такого, что бы могло возбудить сомнение в их верности. Император на коне, окруженный генерал-адъютантами, удалился в ворота дворца, и я слышал, как отдано было приказание скорее привести кавалергардов и конную гвардию с несколькими орудиями. Ничто вокруг дворца и на Исаакиевской площади не подавало повода подозревать то, что происходило в 400 шагах оттуда, на Сенатской площади. Отправляясь туда, я увидал генерала Милорадовича в полной парадной форме, ехавшего в санях с необычайною быстротою в направлении к конно-гвардейским казармам. Когда я дошел до Сенатской площади, то там уже находилась часть Московского полка, построенная батальонным каре и опирающаяся на дворец Сената. Впереди ее, со стороны Адмиралтейства, стояло 25 человек, с ружьями на перевес, под начальством офицера. Время от времени солдаты кричали: „Константин!“ Впрочем, возбуждение было небольшое; ничто не указывало на состояние опьянения. Ружья они держали к ноге, и посредине каре было несколько офицеров и знамя.

Я простоял с четверть часа, рассматривая их, и не мог согласовать их тихий и спокойный вид с отчаянным решением, ими принятым, когда мне пришли сказать, что генерала Милорадовича при выходе из саней обругали и ударили два солдата. В ту же минуту я увидал его самого скачущим на коне и направляющимся к одному из фронтов каре. Он обратился с речью к солдатам. Я стоял от него шагах в тридцати, но не мог ни слышать, ни понять того, что он говорил. Я только заметил, что офицер, начальствовавший двадцатью пятью разведчиками, стоявшими впереди полка, подбежал к генералу Милорадовичу, которого тотчас же окружил этот взвод. В эту минуту раздался выстрел, за которым последовал залп примерно из 150 ружей. Свист пуль показал нам, что мятежники приготовились к защите.

При первом выстреле генерал Милорадович хотел, повидимому, удалиться. Он был в десяти шагах от меня, когда я увидал, что он

поднял руки кверху и упал с лошади. Он был поражен выстрелом из пистолета почти в упор; пуля пронзила его. Его вынес народ в конно-гвардейские казармы, где он и умер нынешнею ночью.

Тотчас после этого убийства, офицер, начальствовавший отрядом, снова занял прежнее место со своим взводом. Он прошел мимо меня, и я не мог заметить на лице его признака малейшего волнения. С этой минуты я предвидел, что сопротивление полка будет упорнее, чем предполагали. Между тем, после первого залпа, половина выстрелов которого была сделана на воздух, солдаты снова зарядили свои ружья и, оставаясь неподвижными, кричали только: „да здравствует Константин!“ Крики эти часто повторялись огромной толпой народа, окружавшей их и которая, поддавшись назад во время выстрелов, опять приблизилась к батальону. Впрочем, экипажи свободно раъезжали по площади, как в обыкновенное время, и не случись события, коего я был свидетелем, нельзя было бы догадаться, что находившиеся тут солдаты бунтуют.

Было половина второго, когда ранили генерала Милорадовича, и до этого часа на большой Исаакиевской площади находилось очень мало войска. Конечно, если бы в эту пору мятежникам пришла роковая мысль итти ко дворцу, никто бы не мог помешать им дойти до цели. Можно было даже опасаться, что Преображенский полк, поведение коего было весьма ненадежно, присоединится к бунтовщикам, и тогда пришлось бы ожидать совершения величайших ужасов. Трудно понять, что люди, столь решительные, как эти мятежники, не пробуждены были к тому своими вожаками или своим отчаянием, и почему они прождали более четырех часов, не сделав ни единого движения, пока не собрали против них все нужные средства для того, чтобы их раздавить? Кажется, они рассчитывали на отпадение значительной части полков гвардии. И, действительно, между двумя и тремя часами рота гвардейского экипажа, полубатальон финляндских егерей и полурота лейб-гренадер прошли по Галерной улице и по Английской набережной на соединение с мятежниками, что довело их общую численность до 1500 или до 2000 человек.

В половине третьего часа конная гвардия, кавалергарды, полки Преображенский и Павловский собрались на большой Исаакиевской площади в двухстах шагах от мятежников. Император верхом, с лентою через плечо, объехал ряды и был приветствован громкими кликами, в особенности кавалерией. Его величество обратился с речью к войскам, которые все поклялись пребыть ему верными и исполнить свой долг. Несколько генералов были один за другим отправлены к мятежникам, дабы растолковать им невозможность сопротивления и предложить покориться с обещанием нижним чинам полного помилования. Все эти посланцы подверглись большей или меньшей опасности: в некоторых из них народ бросал камнями, поленами и чем попало. Мятежники не хотели слушать никаких предложений. Они постоянно повторяли, что они-де не жиды, готовые каждый день приносить новую присягу; что от них потребовали клятву в верности Константину и теперь через неделю хотят, не говоря, что сталось с ним, чтобы они принесли другую присягу Николаю; что только Константин один может снять с них клятву, ему принесенную, но что им известно, что их император заключен в тюрьме, и что они останутся верными ему до смерти.

После того, как все увещания остались без последствий и наступили уже сумерки, на площадь вывели четыре эскадрона тяжелой кавалерии, которые выстроились в батальном порядке, подковою, в 80-ти шагах от мятежного войска. Последнее оставалось неподвижным, взирая на это построение с непонятным спокойствием и хладнокровием. Император,—вопреки мнению генералов,—пожелал, чтобы сделана была новая попытка, которая, как и все прежние, не имела успеха, и офицер, которому было поручено говорить с мятежниками, едва не был убит. Тогда отдано было приказание двум эскадронам итти вперед рысью, но еще не атаковать. Мятежники подпустили их на 40 шагов и выстрелили в них с тем же хладнокровием, как на обыкновенном ученьи. Залпом этим убило несколько лошадей и людей. Представлялось необходимым прибегнуть к другим, более суровым мерам, и император, который дотоле испытал все средства, чтобы избежать кровопролития, позволил, наконец, артиллерии действовать. Четыре мортиры, заряженные картечью, выехали на позицию в 80 шагах от мятежников. Командующий гвардейской артиллерией генерал Сухозанет выступил вперед на расстоянии десяти шагов от них и объявил, что он сокрушит их, если они тотчас же не положат оружия. Они отвечали ему криками: „Да здравствует Константин!“ и стали стрелять в артиллеристов. Тогда генерал Сухозанет велел дать четыре выстрела из орудий, на которые мятежники отвечали батальным огнем, как на ученьи, но после восьмого пушечного выстрела, когда рассеялся дым, площадь представилась взорам совершенно опустелою.

2. Нельзя еще знать с точностью все разветвления этого заговора, ни даже ведать, какая была в сущности его цель. Но судя по собранным мною сведениям и по тому, что сказал мне сам граф Нессельроде, бунт нескольких гвардейских батальонов был, кажется,

только первым средством, дабы возбудить беспорядок, вожаки же преследовали совсем другую цель, состоявшую не в том, чтобы спорить из-за выбора императора. Как ни нелепа идея установить конституцию в подобной этой стране, не подлежит сомнению, что нашлись люди, настолько безумные, чтобы возыметь такую мысль и такой план. На большей части вожаков вчерашней вспышки нашли прокламации в высшей степени бессмысленные, но всего более поразило меня в наблюдениях за всеми происшествиями дня—участие, принятое в нем народом, а также переданные мне суждения, доказывающие, что стараются влиять на умы в смысле самом либеральном. Оказывается, что народу внушили, будто великий князь Константин намерен дать свободу крестьянам. Крайне замечательно поразившее меня презрение, выказанное этим, вообще столь склонным к предрассудкам народом к священнослужителям в полном облачении, выступившим в надежде обезоружить мятежников. Над ними едва не надругались, и они вынуждены были, во избежание худшего, поспешно удалиться. Нельзя не содрогнуться при одной мысли об ужасающих насилиях, кои совершил бы этот полудикий народ в случае, если бы он был предоставлен самому себе, а между тем находятся люди, достаточно безумные, чтобы питать этот отвратительный замысел, и цель великого заговора, приготовительным эпизодом коего был вчерашний бунт, заключалась именно в перемене здешнего образа правления и в даровании аристократической конституции русскому народу [1]).

Из записок Н. А. Бестужева.

Я стоял в интервале между Московским каре и колонною гвардейского экипажа, нахлобуча шляпу и поджав руки, повторяя себе слова Рылеева, что мы дышим свободою: я с горестью видел, что это дыхание стеснялось! Наша свобода и крики солдат походили более на стенания, на крик умирающего. В самом деле: мы были окружены со всех сторон; бездействие поразило оцепенением умы; дух упал, ибо тот, кто в начатом поприще раз остановился, уже побежден в половину. Сверх того, пронзительный ветер леденил кровь в жилах солдат и офицеров, стоявших так долго на открытом месте. Атака на нас прекратилась; ура солдат становилось реже и слабее. День смеркался. Вдруг мы увидели, что полки, стоявшие против нас, расступились на две стороны и батарея артиллерии стала между ними с разверстыми зевами, тускло освещаемыми серым мерцанием сумерок.

[1]) Первый отрывок писан 14-го декабря, второй—на следующий день.

Митрополит, посланный для нашего увещания, возвратился без успеха; Сухозанету, который, подъехав, показал нам артиллерию, громогласно прокричали: „подлец!“—и это были последние порывы, последние усилия нашей независимости.

Первая пушка грянула—картечь рассыпалась; одни пули ударили в мостовую и подняли рикошетами снег и пыль столбами, другие вырвали несколько рядов из фронта, третьи с визгом пронеслись над головами и нашли своих жертв в народе, лепившемся между колонною сенатского дома и на крышах соседних домов. С первого выстрела семь человек ошеломленные упали: я не слышал ни одного вздоха, не приметил ни одного судорожного движения—столь жестоко разила картечь на этом расстоянии. Совершенная тишина царствовала между живыми и мертвыми. Другой и третий выстрелы повалили кучу солдат и черни, которая толпами собралась около нашего места; разбитые оконницы зазвенели, падая на землю, но люди, слетевшие вслед за ними, растянулись безмолвно и недвижимо, как будто одеревенели. Я стал там в том положении, смотрел в глаза смерти и ждал рокового удара, в эту минуту существование было так горько, что гибель казалась мне благополучием. Однако судьбе угодно было иначе... С пятым или шестым выстрелом колонна дрогнула. Почуяв это, я очнулся—между мною и бегущими была уже целая площадь и сотни скошенных картечью жертв свободы. Я должен был следовать общему движению и с каким-то мертвым чувством в душе пробирался между убитыми; тут не было ни движения, ни крика, ни стенания, только в промежутках между выстрелами можно было слышать, как кипятилась кровь струями по мостовой, растопляя снег,—потом сама, алея, замерзала.

Из поэмы Некрасова „Русские женщины“.

...Княгиня долго не спала,
тяжелых дум полна...
Уснула... Башня снится ей...
Она вверху стоит;
знакомый город перед ней
волнуется, шумит;
к обширной площади бегут
несметные толпы:
чиновный люд, торговый люд,
разносчики, попы;
пестреют шляпки, бархат, шелк,
тулупы, армяки...
Стоял уж там какой-то полк,
пришли еще полки,
побольше тысячи солдат
сошлось. Они „ура!“ кричат,
они чего-то ждут...
Народ галдел, народ зевал,

едва ли сотый понимал,
что делается тут...
За то посмеивался в ус,
лукаво щуря взор,
знакомый с бурями француз,
столичный куафер...
Приспели новые полки.
„Сдавайтесь!“—тем кричат.
Ответ им—пули и штыки,
сдаваться не хотят.
Какой-то бравый генерал,
влетев в каре, грозиться стал—
с коня снесли его.
Другой приблизился к рядам:
„Прощенье обещаем вам“.
Убили и того.
Явился сам митрополит
с хоругвями, с крестом.
Покайтесь, братия, гласит,
падите ниц челом.
Солдаты слушали, крестясь,
но дружен был ответ:
„Уйди, старик! молись
за нас!
Тебе здесь дела нет...“
Тогда-то пушки навели;
раздалось: пер-ва-я! па-ли!
. . . . . .
Княгиня, память потеряв,
упала с высоты стремглав.

Из воспоминаний принца Евгения Вюртембергского.

...Мы должны сознаться, что возможность полного ниспровержения существующего порядка при данных, совершенно исключительных обстоятельствах зависела от счастливой случайности. Как легко пистолет Кюхельбекера мог бы исполнить свое назначение, как легко мог бы Булатов оказаться менее чувствительным, и кто бы тогда из нас сумел найтись среди хаоса поистине туманных обстоятельств, кто бы мог немедленно принять надлежащие меры для защиты императорской фамилии от неизвестных убийц, от скрытой враждебной силы?

Из записок Д. И. Завалишина.

Во всех официальных донесениях и рассказах партизанов правительственной стороны старались представить движение 14-го декабря и участие в нем войск ничтожным. Это была положительная ошибка с их стороны, годная разве на то только, чтобы уменьшить вину распорядителей восстания. К несчастию их, беспристрастие истории заставляет сказать, что силы, находившиеся в их распоряжении, были огромные, действия солдат и второстепенных деятелей за малыми исключениями не оставляли желать ничего лучшего, но действия главных распорядителей: Трубецкого, Рылеева и Оболенского, были до того дурны и слабы, что они проиграли дело, несмотря на то, что и с правительственной стороны были сделаны всевозможные ошибки, так, что я всегда говорил, что 14-го декабря обе стороны играли как бы в „поддавки“. Кроме того, уменьшать число участников восстания в гвардии уже потому не имело смысла, что все перевороты, совершавшиеся в Петербурге, всегда производимы были ничтожным числом, а при том настроении, какое было 14-го декабря, удачное действие и небольшого числа сначала непременно дало бы решительный оборот делу. К несчастию вышло так, что решимость была в войске и второстепенных деятелях, а неуверенность и колебание сообщились от главных распорядителей, между тем как при разумном и энергическом образе действия успех был несомненным. Положительно можно сказать, что противная сторона могла рассчитывать только на два баталиона, на первый баталион Преображенского полка, да на Саперный, и то на отрицательное их действие, как опыт и доказал относительно Саперного баталиона, который, если не перешел на сторону восстания, то и не осмелился сопротивляться ему...

Главные распорядители восстания не сумели присоединить к нему ни одну из частей войска, даже из наилучше расположенных принять в нем участие, и оно ограничилось поэтому Гвардейским экипажем, Московским и Лейб-Гренадерским полками. Со всем тем истинное расположение гвардии все-таки чрезвычайно сильно выразилось в отрицательных, так сказать, действиях. Ни одного из пехотных полков, ни артиллерию гвардии не могли двинуть против восставших войск. Измайловский полк с большими усилиями довели до выхода на площадь, где он и остановился и не двигался с места; Финляндский полк был остановлен подпоручиком Розеном у Исаакиевского моста. Атака Конно-Гвардейского полка была сделана вяло, как бы по молчаливому условию с той и другой стороны не вредить друг другу. На стороне правительства не было артиллерии. Нерешительность была видна у руководителей как восстания, так и правительства; начались и тянулись бесплодные попытки переговоров и увещаний. В это время войска с обеих сторон стояли в бездействии и крепко зябли. Народ толпою в несколько десятков тысяч видимо принимал сторону восстания, смеялся и ругался над противною стороною и просил, чтобы его вели на арсенал и дали ему ружья. Во многих рассказах утверждали, что солдаты были пьяны, но это чистая клевета. Большая часть еще не успела и пообедать, и скорее можно было упрекнуть руководителей восстания именно в том, что, держа солдат столько времени на ногах, не позаботились подкрепить их пищею и водкою...

Причину долгого выжидания действовавшие в этот день члены объясняли так: видя, что на правительственной стороне нет артиллерии, что пехоту не могут двинуть в атаку, а кавалерия действует неохотно, хотели дождаться вечера, потому что нестроевые члены всех полков то и дело прибегали к восставшим полкам и говорили: „Подержитесь, господа, до вечера, а когда смеркнется, то все солдаты поодиночке станут переходить на вашу сторону.". Решительных же мер, как, напр., собственной атаки или вооружения и содействия народа, не хотели принять, первой—потому, чтоб не начать столкновения и вследствие недоразумения не вынудить внезапным нападением какой-нибудь благоприятно расположенный полк к действию против себя в видах собственной обороны; второго—потому, чтоб вместо содействия восстанию от народа, не дать ему скорее только случай к грабежу и насилию, тем более, что, требуя оружия, кричавшие прибавляли: „Мы вам весь Петербург в полчаса вверх дном перевернем". С этим нельзя, однако, вполне согласиться. Неподвижность явно была принимаема всеми за знак нерешительности, что парализовало решимость всех полков, готовых и ждавших случая принять также участие в восстании. Во-вторых, через тех же нестроевых, которые приходили от полков, легко можно было бы предупредить их, что предпринятое движение будет вовсе не с враждебной целью против них, а чтоб дать им возможность и удобный случай объявить себя на стороне восстания, хотя бы бросившись навстречу и смешавшись в рядах. Наконец, что если и можно еще объяснить ожидание до привоза артиллерии на противную сторону, то ничто уже не оправдывало бездействия, когда увидели, что привезли ее, и в то же время заметили, что она без снарядов; тут уж необходимо было броситься на нее и овладеть ею, что дало бы сразу перевес восстанию и заставило бы другие полки решиться присоединиться к нему; стоять же в бездействии и ожидать, пока привезут снаряды и станут стрелять, значило прямо уже согласиться на расстреливание себя без сопротивления...

...Все пространство на площади, кругом, почти около восставших войск, было наполнено битком народом, который шумел и постоянно требовал оружия для содействия восстанию и на все увещания с правительственной стороны отвечал насмешками, что „теперь, как вам приспичило, то вы лисите, а после нашего же брата в бараний рог согнете". Посланных с увещаниями он стаскивал с лошадей и бил. Когда заметили в толпе, что какой-то полицейский что-то записывал на бумажке (вероятно, или фамилии лиц, если кого знал из участвовавших в восстании, или приметы тех, кого не

знал лично), то раздался крик: „Шпион, братцы, шпион". И его мигом смяли—что с ним сделалось окончательно, никто после пояснить не мог...

...Итак, расположение народа было несомненно, и он действительно мог бы оказать значительную помощь восстанию, но, как упомянуто уже было выше, боялись, чтобы он не обратился на другое дело, тогда как вообще всячески избегали начинать со стороны восстания какое бы то ни было кровопролитное столкновение.

Из рапорта Пяткина [1]).

Находясь во время бывшего смятения 14-го декабря прошлого 1825 года в Зимнем его величества дворце, состоящий при его высочестве наследнике престола флигель-адъютант полковник Мердер подошел ко мне, объявил, что государыня императрица Мария Федоровна изволит беспокоиться, чтобы черный народ, толпясь у подъезда дворца, не вломился в сени и дворец, а потому ее величество желала бы, чтобы находящаяся при дворце полиция строже за сим наблюдала.

С окончанием отзыва о сем флигель-адъютанта Мердера, я в ту же минуту вышел на комендантский подъезд, потребовал к себе командира С.-Петербургского жандармского дивизиона подполковника фон-дер-Палена и, объявя ему волю государыни императрицы, приказал удвоить за сим досмотр и всячески стараться предпринятие неблагомыслящих людей удерживать, если бы востребовалась надобность, силою оружия, что подполковником фон-дер-Паленом с большою ревностью и усердием и исполнено.

После сего пошел я на Исаакиевскую площадь... Не имея при себе никакой команды, с которою мог бы стать на-ряду с усердствующими и готовыми жертвовать собою, но, желая быть в чем-либо полезным, я не мог ничего другого ни сделать, ни предпринять, как примером своей верности и преданности монарху возбудил стоящих в угрюмом молчании нижних чинов гвардейской артиллерии и какого-то пехотного полка на вопрос государя императора, рады ли они умереть за него, закричать радостное ура, подав сигнал к сному собственным примером.

---

[1]) Генерал-майор Пяткин—начальник штаба Отдельного корпуса внутренней стражи.

Из воспоминаний М. М. Попова.

К вечеру, часа в четыре, начали стрелять из пушек, поставленных против всех пунктов, где находились толпы: в Галерную улицу, вдоль по Исаакиевскому мосту, по набережным, через гранитные перила на Васильевский остров. Пальба продолжалась с час. Тут не могло быть и не было никакого разбора: не столько участники мятежа, сколько простые зрители ложились рядами. В толпах от испуга и давки, от неловкости или слабости, люди давили друг друга и гибли, догоняемые ядрами и картечью. Как далеко долетали снаряды, видно из того, что одно ядро ударило в третий этаж Академии Художеств, в квартиру учителя Калашникова, прошибло стену и ранило кормилицу этого учителя, которая держала на руках его ребенка. Во всех домах ворота и двери были заперты и не отпирались ни на какой вопль: всякий боялся отвечать за мятежника. Народу было так много, что Нева, набережная и улицы были покрыты трупами.

Тотчас по прекращении стрельбы, новый государь приказал обер-полицеймейстеру Шульгину, чтобы трупы были убраны к утру. Шульгин распорядился бесчеловечно. В ночь по Неве от Исаакиевского моста до Академии Художеств и дальше, к стороне Васильевского острова, сделано было множество прорубей, величиною, как только можно опустить человека, и в эти проруби к утру опустили не только все трупы, но (ужасное дело) и раненых, которые не могли уйти от этой кровавой ловли. Другие ушедшие раненые таили свои раны, боясь открыться медикам и правительству, и умирали, не получив помощи. От этого-то в Петербурге почти не осталось в живых из тех, которые были ранены 14-го декабря.

Государь был очень недоволен Шульгиным и сменил этого господина. Безрассудность его распоряжения открылась еще больше весною. Когда по Неве начали добывать лед, то многие льдины вытаскивали с примерзшими к ним рукой, ногой или целым человеческим трупом. Правительство должно было запретить рубку льда у берега Васильевского острова и назначило для этого другие места на Неве. С вскрытием реки, трупы погибших унесены в море.

Не меньше неприятно то, что полиция и помощники ее в ночь с 14 на 15 декабря пустились в грабеж. Не говоря уже, что с мертвых и раненых, которых опускали в проруби, снимали платье и обирали у них вещи, даже убегающих ловили и грабили.

Во всю эту ночь верные полки расположены были биваками по площадям около Адмиралтейства, по улицам Адмиралтейских частей и Васильевскому острову. Везде горели бивачные огни и ездили густые патрули. Зимний дворец был обведен непрерывною цепью пушек, артиллеристами, пионерами и кавалергардами. Два дня или три после этого патрули продолжались день и ночь, не давая собираться толпам и не пропуская людей сомнительных. Во дворце же недели две были в опасениях. Каждую ночь, как только засыпал город, безмолвно шли по Миллионной несколько рот преображенцев и везли пушки. Преображенцы помещались во дворе, а пушки ставили в воротах дворца. Утром, перед тем, как просыпаться городу, преображенцы и пушки с тою же тишиною удалялись из дворца [1]).

Из показаний С. П. Трубецкого.

13-го вечером я опять был у Рылеева и видел, что много офицеров приходят и уходят; он мне сказал, что услышали, что курьер приехал, то приходят сказывать и спрашивать, что знают нового. Я вывел в другую комнату Пущина (л.-гв-саперного эскадрона), Арбузова, сколько помнится, Бестужева (Московского полка) и Сутгофа, уговаривал их, чтоб они не уговаривали солдат, что пользы не будет, кроме гибели, если они возбудят роты свои, и что в таком только случае могло бы быть что-нибудь, если бы солдаты целыми полками отказывались присягать. Пущин говорил, что его эскадрон, в котором только 60 человек, вероятно будет присягать с Измайловским полком и что сделают измайловские солдаты, то, конечно, и они сделают, что, пожалуй, может он уговорить солдат, чтоб не присягали, но вывести он не может. Рылеев говорил, что Арбузов уже наверное может вывести за собою до 400 человек. Я ему отвечал, что хорошо нам говорить, которые не можем за собою никого привести и, следовательно, погубим только других. Он отвечал: „Мы на смерть обречены, я становлюсь в ряды в роту Арбузова“. Тут уже, не помню, кто сказал: „Но мы далеко зашли, может быть, нам уже и изменили, надобно спасать себя“. Я отвечал, что для спасенья себя я губить других не буду. Между тем кто-то разнес слух, что артиллерия взяла по три ящика зарядов. Тогда я, воспользовавшись сим, ска-

---

[1]) Автор воспоминаний был чиновником знаменитого III отделения и, конечно, черпал свои сведения из официальных источников.

зал им, что, „господа, ведь другие-то полки стрелять не будут; но артиллерия-то будет палить.“

Мне показалось, что это всех усмирило, и я вышел в твердой надежде, что ничего уже не будет. Но во всяком случае я уже решился никакого участия не брать ни в каком случае. Не думал я сим избегнуть несчастной участи моей, ибо знал, что если к несчастью, что случится, как и было, то все на меня озлобятся, и я все останусь равный, если не больший против прочих преступник; но я хотел хотя сколько-нибудь облегчить совесть мою и менее ответствовать на страшном суде господнем...

14-го числа в 10-м часу был у меня Рылеев с Пущиным (статским), как я прежде показывал; я им дал прочесть манифест, за которым я посылал в Сенат. Говорили, что знамена возвращаются из полков, и что, вероятно, ничего не будет, и после того они уехали; выходя, Пущин мне сказал: „Однакож, если что будет, то вы к нам придете?“ Я признаюсь, что не имел духу просто сказать н е т, и сказал: „Ничего не может быть, что ж может быть, если выйдет какая рота или две?“ Он отвечал: „Мы на вас надеемся.“ Рылеев не слышал сего разговора, он уже вышел в сени. После сих слов Пущина я стал более бояться, что если они придут на Сенатскую площадь, то придут за мной, почему я и ушел из дому; взял извозчика и поехал в канцелярию дежурного генерала Главного Штаба его величества, чтоб там спросить, где мне присягать, и если можно, то хотел тотчас присягнуть, надеясь, что если что будет или что откроется, то мне поспешность моя к принятию присяги во что-нибудь вменится. Мне сказали (кажется, старший адъютант Яковлев), что присягать надобно притти на завтрашний день в 11 часов в зал Главного Штаба; потом дали мне манифест с приложениями, которых я еще не читал, потому что я имел манифест еще без приложений, кои не были еще отпечатаны, когда я посылал в Сенат. Я стал читать приложения, между тем старшие адъютанты приходили, здоровались со мной, спрашивали о здоровье, рассуждений же я никаких не помню. Оттуда я пошел к сестре моей в дом Потемкина в Большой Миллионной; она просила меня прочесть ей манифест и прочие бумаги. От нее я пошел к флигель-адъютанту полковнику Бибикову, которого не застал дома, но застал его жену и брата; посидев с ними и увидя, что уже первый час, я ободрился надеждою, что все уже кончено, что полки все присягнули, и что все прошло тихо; тогда я поехал домой с намерением одеться и ехать во дворец.

Выезжая на площадь с Невского проспекта, я увидел, что много

народу на Дворцовой площади и волнение; я остановился, увидев Скалона, который служит в Главном Штабе и находится при библиотеке оного, подошел к нему спросить, что такое. Он мне сказал, что Московский полк или баталион, он сказал,—не помню,—кричит ура государю цесаревичу и идет к Сенату, что вывели караул дворцовый и поставили у ворот дворца, что выведен 1-й баталион Преображенский и зарядили ружья. Я вошел во двор Главного Штаба и опять пошел в канцелярию дежурного генерала, не зная, куда деваться; правитель канцелярии Ноинский спросил меня, не слыхал ли я чего, и отвел в сторону. Я сказал ему слышанное от Скалона; пришел старший адъютант, он повторил то же. Ноинский сказал: „Господа, подите туда, вы в мундирах, вам надобно там быть“. И тогда мы вышли. Я не хотел итти на площадь и прошел двором Главного Штаба в Миллионную, не зная сам, куда итти, и у ворот канцелярии г. начальника Главного Штаба встретил входящего в них полковника Юренева, чиновника Гунаропуло и еще одного человека, мне незнакомого; они имели вид испуганный и зазвали меня с собою; я взошел на лестницу и вошел с Гунаропуло в канцелярию г. начальника Штаба, где никого не было. Он с весьма испуганным видом говорил мне: „беда! какая беда! Московский батальон и множество народа прошли по Морской к Сенату, я с ними встретился, бежал от них, они кричат „ура!“ императору Константину; говорят, убили Фридерикса“. Последнее слово меня сразило; я почти упал на стул, едва мог говорить. Гунаропуло вставал, садился, говорил все „ах! какая беда!“ После предложил итти на площадь; мы вышли, но я, идучи, сказал ему, что я чувствую себя очень нездоровым, и зашел опять в канцелярию г. дежурного генерала, где также говорил Ноинскому, что я очень нездоров.

Пришел Случевский, старший адъютант, который звал меня итти на площадь к Исаакию и говорил, что надобно оставить шинели, потому что там государь император, но я ему тоже сказал, что я очень нездоров, и зашел в курьерскую, где сидел один в большом унынии и страхе; из оной вошел опять в канцелярию, спросил, где Ноинский, мне сказали, что в зале квартиры дежурного генерала; я вошел туда, где нашел его с подполковником Себиндером, который пришел с площади и который рассказывал, что там происходит. Я спросил, можно ли пройти на Английскую набережную не мимо бунтовщиков, что я в большом беспокойстве о жене; он мне отвечал что: „ничего, можно очень пройти и мимо их даже, они всех пропускают, ездят даже, они только кричат „ура“ Константину

Павловичу и стоят от одного угла Сената до другого". Тогда я надеялся, что жена моя выехала и что она может быть у сестры моей, куда я и поехал, взяв извозчика.

Из письма к А. С. Хомякову его отца.

Ты, может быть, читал в Journal de st-Pétersbourg большие подробности о признаниях этих гнусных заговорщиков и об их бессмысленных и человекоубийственных планах. Их преступление есть оскорбление нации... Ты совершенно прав, говоря, что для оценки этого недостойного и нелепого заговора достаточно было бы перечислить возраст всех заговорщиков. Но их организационные планы для России не отличаются ли тоже грубым незнанием народного духа?.. Для русских крестьян свобода заключалась бы в свободе напиваться. Надо знать их мысли насчет свободы! Они говорят: мы не будем платить ничего, мы ни от кого не будем зависеть, у нас водка будет дешевле. А когда увидят, что приходится, однако, платить и, может быть, более, чем теперь, и когда вместе с этим они увидят себя подчиненными законам о порядке и нравственности, они скоро возмутятся и перебьют консулов и диктаторов. Для того, чтобы их усмирять или заблаговременно предупреждать, уже не будет бдительного управления дворян; военной силы будет недостаточно, и даже она, может быть, не пожелает действовать против сословия, из которого она набрана и которое ей так родственно. Тогда все будет поглощено анархией и варварством; избиение властей и образованных классов будет первым шагом на этом пути... Всего прискорбнее и обиднее в последнем восстании это то, что оно задумано дворянами, которые более всего должны были от него пострадать; но, тем не менее, это обстоятельство вполне естественно: умные люди, которые в нем участвовали, почерпали свои сведения только в школах или в книгах, никогда не изучали народного духа, ни в одном сочинении хорошо не описанного. Пример Франции, в которой несколько умных и даровитых людей спаслись от кровавых потоков революции (что в России совершенно невозможно), их увлек, их прельстил, а потом карбонарство и иллюминатство сект, охвативших своими отпрысками всю Европу, затем роскошь и жалкое состояние русских гидальго, которые давно уже нуждались в стеснительных по этой части законах,— все эти обстоятельства побуждали желать возможного улучшения их быта. О, как эти несчастные были бы обмануты; их бы всех передушили. Примером тому Пугачевский бунт.

Из письма В. А. Жуковского.

(От 16 декабря 1825 г.)

Через час после возвращения императора был выход: вся фамилия императорская, кроме государыни Марии Федоровны, пошла в церковь. Пропели только: „тебе бога хвалим". Император и императрица молились на коленях, подле них стоял их сын. Вообрази чувство, с каким можно было слушать эту хвалебную песнь! Но она была не за одно новое царствование, но вместе с тем и за спасение России. Заговор точно существовал; волнение не было внезапным действием беспорядка минутного. Имена заговорщиков были известны не только новому, но и прежнему императору, и убийцы сами все вместе и в одну минуту явились перед отечеством. Всех главных действователей в ту же ночь схватили. Какая сволочь! Чего хотела эта шайка разбойников?.. По сию пору не найден только один Кюхельбекер, и, признаться, это несколько меня беспокоит. Он не опасен, как действователь открытый: он и смешон, и глуп; но он бешен—это род Занда. Он способен в своем фанатизме отважиться на что-нибудь отчаянное, чтобы приобрести какую-нибудь известность. Это зверь, для которого надобна клетка. Можно сказать, что вся эта сволочь составлена из подлецов малодушных. Они только имели дух возбудить кровопролитие; но ни один из них не ранен, ни один не предпочел смерть ужасу быть схваченным и приведенным на суд с завязанными на спину руками. Презренные злодеи, которые хотели с такою безумною свирепостью зарезать Россию...

От солдата было все скрыто: он был верен своей первой присяге и не хотел произносить новой, против которой его возбудили. Эта невольная измена была некоторым образом доказательством верности. Изменники, или лучше сказать разбойники-возмутители, были одни офицеры, которые имели свой план, не хотели ни Константина, ни Николая, а просто пролития крови и убийства, которого цели понять невозможно. Тут видно удивительно бесцельное зверство. И какой дух низкий, разбойничий! Какими бандитами они действовали! Даже не видно и фанатизма, а просто зверская жажда крови, безо всякой, даже химерической цели...

Восстание Черниговского полка.

Восстание Черниговского полка вырисовывается достаточно ясно по показаниям его предводителя С. И. Муравьева-Апостола (и его брата) и по воспоминаниям И. И. Горбачевского. Горбачевский сам не был участником восстания, но, расспрашивая очевидцев, он собрал правдивые сведения; среди других мемуаристов он выдается по своей точности. Любопытен эпизод с „Православным Катехизисом“. „Славяне“ оказались правы: попытка соединить революцию с религией оказалась неудачной. (См. II отдел, № 20.) Очень интересно то, что рассказывает Горбачевский об отношении к восставшим крестьян и о поведении лучшей части солдат,—последние были сознательные революционеры. В безнадежной стычке с правительственным отрядом, бессильные перед картечью, офицеры вели себя героями. Большое впечатление производит рассказ о самоубийстве Анастасия Дмитриевича Кузмина: горячий революционер, он не пожелал отдаваться живым в руки врагов. Агентское донесение говорит о том глубоком сочувствии, какое оставил Пестель, как представитель революционеров, в солдатской массе.

Из показаний С. И. Муравьева-Апостола.

Произведенное мной возмущение Черниговского полка последовало от предшествовавших ему обстоятельств, как может сие комитет усмотреть из изложения всего хода сего возмущения; я же с самого дня оного не имел на то решительного намерения...

Бестужев, получив в Бобруйске известие о кончине матери, был отпущен полк. Тизенгаузеном в г. Васильков для скорейшего получения, буде возможно, отпуска. Он приехал ко мне 21-го декабря. Я... решился ехать в Житомир просить корпусного командира об исходатайствовании сего позволения Бестужеву и вместе предложил брату [1]) со мною воспользоваться сим случаем, дабы посетить на

[1]) Матвею Ивановичу Муравьеву-Апостолу.

праздники Александра и Артамона Муравьевых... Пробыв сутки в Житомире, где впервые услыхали мы о происшествии 14-го декабря в Петербурге, но глухо и без всяких подробностей, поехали в Троянов к Александру Муравьеву и у него узнали все обстоятельства сказанного происшествия из письма, полученного гр. Шуазелем из Петербурга, но дабы не дать при тревоге никакого подозрения Александру Муравьеву, и вместе желая уведомить и Артамона Муравьева о положении дел, мы объявили Муравьеву, что заедем к брату его в Любар; и сейчас после обеда туда отправились... Через час же после прибытия нашего к Ар. Муравьеву приехал туда же Бестужев с известием, что приезжали в Васильков забрать нас. Вследствие сего и более, чтобы избавить А. Муравьева от всякой ответственности, мы решились сейчас ехать от него, но без всякого положительного намерения начинать действие, что и сам А. Муравьев должен припомнить. Поехали же мы на Бердичев, Паволочи, в полк, дабы, скрывшись там, узнать все обстоятельства разыскания нашего и по сим известиям решиться уже на что-нибудь...

Приехав в с. Трилесы, имел я намерение скрыться в оном несколько дней от всех поисков тем паче, что в Паволочах нанял я фурмана до Фастова, а в самый день приезда моего в Трилесы Бестужев на нем же поехал до Брусилова для получения там сведений, и чтобы проехать, буде возможно, в Новгород-Волынск к славянам для извещения оных... Вечером я написал записку в Васильков к поручику Кузмину, прося его приехать ко мне и не говорить о прибытии моем никому совершенно, как разве Соловьеву и Щипилле, которые могут с ним приехать ко мне, если они в Василькове. В ночь приехал в Трилесы подполковник Гебель с жандармским офицером и объявил мне и брату арест. В сем положении пробыли мы до света, когда вдруг наехал поручик Кузмин с поручиком Сухиновым и вслед за ними шт.-капитан Соловьев и поручик Щипилла. Кузьмин подошел к брату и спросил его, что делать; на что брат отвечал ему: „ничего“. А я на таковой же вопрос Кузмина отвечал: „избавить нас“. Вскоре после краткого сего разговора услышал я шум в передней комнате, и первое мое движение было выбить окно и выскочить на улицу, чтобы скрыться: часовой, стоявший у окна сего, преклонив на меня штык, хотел было воспрепятствовать в том, но я закричал на него и вырвал у него ружье из рук. В это время налево от квартиры увидел я Гебеля, борящегося с Кузминым и Щипиллой, и, подъехав туда, после первой минуты изумления, произведенного сим зрелищем, вскричал я: „полно же, господа“, но тут подполковник Гебель, освободившись

и нашед по дороге сани, сел в оные, чтобы уехать, и мы побежали было, чтобы воротить его, дабы он заблаговременно не дал знать о сем происшествии, что Сухинов, сев верхом, и исполнил. Происшествие сие решило все мои сомнения. Видя ответственность, к коей подвергли себя за меня сии четыре офицера, я положил, не отлагая времени, начать возмущение; и, отдав поручику Кузмину приказание собрать 5-ю роту и итти на Ковалевку, сам поехал туда вперед для сбора 2-й гренадерской роты. Соловьеву же и Щипилле приказал из Ковалевки ехать в свои роты и привести их в Васильков. К вечеру 5-я рота пришла в Ковалевку, и я решился переночевать в оной, по причине дурной погоды и мятелицы и дабы дать время собраться и 2-й гренадерской роте. Из Ковалевки посылал я записку 17-го егерского полка подпоручику Вадковскому через унтер-офицера Какоурова. На другой день рано по утру выступил я с ротами 2-й гренадерской и 5-й мушкатерской; пришел я с оными к Мытнице на большой дороге, в 8 верстах от Василькова, велел людям зарядить ружья и подвинуться к городу. (В Мытнице нашел я Бестужева, возвратившегося из Брусилова и ожидающего нас.) Вступил в Васильков часу в 5 пополудни, без всякого сопротивления; велел взять на свою квартиру знамена и полковой ящик, уговаривал солдат 3-й и 4-й мушкатерской роты быть с нами за одно; выпустил из-под ареста и поставил в ряды двух арестантов (Алексеева—за побег из 11-й дивизии и Переметьева—за неумышленное смертоубийство, им самим объявленное) и приказал занять въезд караулами; распустил остальных людей на квартиры (в это время приезжал ко мне Вадковский из Белой Церкви). В течение ночи приводили ко мне Ушакова (чина не знаю), гусарского принца Оранского полка, проезжающего в полк, коего я велел, не задерживая, пропустить, и прапорщик Мозалевский, стоявший в карауле у белоцерковского въезда, принес мне бумаги и 300 р. денег, найденных им у двух арестованных жандармских офицеров. Бумаги я сжег, а деньги отдал для раздачи в роты. Из Василькова я мог действовать трояким образом: 1—итти на Киев, 2—итти на Белую Церковь и 3—двинуться поспешнее к Житомиру и стараться соединиться с славянами. Из сих трех планов я склонялся более на последний и первый; по сей причине, когда посылал я Мозалевского с письмом к майору Крупеникову (в Киев), назначил ему приехать в Брусилов, ибо из Брусилова я мог одним переходом притти в Киев, если б получил от Крупеникова удовлетворительный ответ; в противном же случае я находился также в расстоянии одного перехода от Житомира. На другой день 31-го декабря, выждав до полудня, чтобы дать приблизиться 2-й мушк. роте, я собрал роты, в городе находящиеся; полковой священник после молебствия прочел катехизис, сочиненный мною, и я двинулся с ротами на Мотовиловку по дороге к Брусилову, где были роты: 1-я гренадерская и 1-я мушкатерская. Приметив же, что прочтение катехизиса произвело дурное впечатление на солдат, я решился снова действовать во имя великого князя Константина Павловича. Приблизясь в сумерки к с. Мотовиловке, нашел там собранные обе упомянутые роты, без ротных командиров, уговаривал их пристать к нам. Часть 1-й мушкатерской роты согласилась, 1-я гренадерская отказалась и пошла ночью в Белую Церковь. Переночевав в Мотовиловке с оставленными ротами (2-я мушкатерская прибыла на другой день поутру), я решился здесь передневать по случаю нового года, дабы не возбудить ропота в солдатах. На другой же день, т.-е. 2-го января, не имея никаких известий о Мозалевском и заключив из сего, что он взят или в Киеве, куда следственно мне итти не надобно, или в Брусилове, где, стало-быть, уже предварены о моем движении, и зная, сколько первая встреча подействует на солдат, я решился двинуться на Белую Церковь, где предполагал, что меня не ожидают и где надеялся не встретить артиллерии. В том предположении дошел я до с. Пологи, в 15 верстах от Белой Церкви, ночевал, ибо на сем переходе узнал от мужиков, что вся пехота, бывшая в местечке, выступила в г. Сквиру, и что там осталась одна рота для караула. Для бо́льшего удостоверения ночью посылал я верхом поручика Сухинова с тремя солдатами, но они возвратились без всякого сведения, а поутру поручик Щепилла подтвердил мне сие известие, узнанное им посланным нарочным. Не имев уже никакой цели итти на Белую Церковь, я решился поворотить на Трилесы и стараться приближаться к славянам по первому моему предположению. На сем переходе, между деревнями Устимовкою и Королевкою [1]), быв встречен отрядом генерала Гейсмара, я привел роты, мною водимые, в порядок, приказал солдатам не стрелять, а итти прямо на пушки, и двинулся вперед со всеми оставшимися офицерами. Солдаты следовали нашему движению, пока попавшая мне в голову картечь не повергла меня без чувств на землю. Когда же я пришел в себя, нашел батальон совершенно расстроенным и был захвачен самими солдатами в то время, когда хотел сесть верхом, чтобы стараться собрать их. Захватившие меня солдаты привели меня к Мариупольскому эскадрону, куда вскоре привели и брата, и

---

[1]) Ошибка, нужно „Ковалевкою“.

остальных офицеров.—На все возмущение Черниговского полка самое большое влияние,—и могу прибавить, единственное влияние,—имел я. Брат, будучи во фраке и не знав почти никого не только из солдат, но даже из офицеров, не мог мне много содействовать, равно и Бестужев, будучи только подпоручиком и чужого полка. Из черниговских же офицеров самое большое участие находил я в четырех вышеназванных мною; прочие же все, хотя и большая часть оных последовала сначала (но не зная, что им делать) за ротами, но вскоре все разъехались, иные из Мотовиловки, другие из Полог, так что при роте остался один только подпоручик Быстрицкий...

С. И. Муравьев-Апостол в Василькове.

(Из записок И. И. Горбачевского.)

В 3 часа пополудни авангард С. Муравьева, под командою Сухинова, спокойно вошел в город, достиг городской площади без всякого сопротивления и не обнаружил никаких неприязненных расположений против жителей. Миролюбивый вид мятежников ободрил майора Трухина; надеясь обезоружить их одними словами, он, в сопровождении нескольких солдат и барабанщика, подошел к авангарду и начал еще издалека приводить его в повиновение угрозами и обещаниями; но, когда он подошел поближе, его схватили Бестужев и Сухинов, которые, смеясь над его витийством, толкнули его в средину колонны. Мгновенно исчезло миролюбие солдат: они бросились с бешенством на ненавистного для них майора, сорвали с него эполеты, разорвали на нем в куски мундир, осыпали его ругательствами, насмешками и, наконец, побоями. В сие время С. Муравьев, подошедши со своею колонною на площадь, избавил Трухина от дальнейших неприятностей, приказав солдатам не трогать его и отправить на гауптвахту под арест. Почти в то же самое время, 4-я мушкатерская рота, стоявшая на карауле, и 6-я, пришедшая к ней на смену, под предводительством арестованного Соловьева, при радостных восклицаниях, присоединилась к С. Муравьеву. Вскоре потом пришел на помощь Щепилла, командуя караулом, содержащим его под арестом.

Столь счастливое начало оживило новою надеждою сердца черниговских офицеров. Они не сомневались в будущих успехах своего оружия и уже мечтали об окончании трудного подвига. Приезд подпоручика Вадковсково 17-го егерского полка усилил еще более их надежды. Он обещал С. Муравьеву, с помощью товарища Молчанова, взбунтовать, если не весь егерский полк, то, по крайней мере, батальон; и ту же минуту отправился с площади в Белую Церковь, для приведения в действие своего намерения. Но, по приезде туда, на заставе был арестован, закован в кандалы и тотчас отправлен в главную квартиру 1-й армии. Когда все роты собрались на площадь, и Муравьев увидел, что город в его власти, он приказал Сухинову и Мозалевскому итти на квартиру Гебеля (которого уже привезли из Трилесов) за знаменами и полковым ящиком.

По возвращении на площадь со знаменами, Мозалевский получил от С. Муравьева приказание отыскать непременно скрывшегося полкового адъютанта Павлова, отобрать от него архив, полковую печать и посадить его самого под арест. Щепилле было дано такое же повеление, и, взявши солдат, они отправились вместе с Мозалевским отыскивать Павлова, который, как известно было, скрывался в городе. Поиски были бесполезны. Павлов был спрятан в постеле между перинами у жены городничего, где он пробыл до самого выступления С. Муравьева из Василькова, и тогда только оставил свою роскошную темницу и поспешил уведомить киевское начальство о возмущении в Черниговском полку. Сии поиски, коих цель была известна всем в городе, послужили, однако ж, к сплетению гнусной клеветы, которою недоброжелатели всякого нововведения старались очернить С. Муравьева и его сподвижников и выдумали, что будто бы, по приказанию его, уголовные преступники были выпущены из тюрьмы, а уездное казначейство разграблено. Но, по произведенному самим правительством следствию, эти обвинения оказались ложными, к стыду самих клеветников.

С. Муравьев оставался на городской площади и еще не делал последних распоряжений. Заметя беспокойство городских властей и желая уничтожить их опасения, он призвал к себе почетных граждан, объявил им цель возмущения, которое нимало не угрожало личной и вещественной их безопасности, просил их не предаваться напрасному страху и уверил, что порядок и тишина будут строжайше наблюдены. Потом просил он доставить под квитанцию нижним чинам съестные припасы и водку. Ласковое и благородное обращение Муравьева не осталось без действия. Успокоенные жители доставили все припасы; удовольствованные солдаты были помещены на тесных квартирах, город окружен военною цепью, а Богуславская и Киевская заставы были заняты сильным караулом.

Ночь с 30 на 31 декабря проведена в приготовлениях к походу. Каждый занимался своим делом, забывая опасность; деятельность и усердие членов общества были беспримерны: они старались одуше-

вить солдат новым мужеством и поддержать бодрость их духа. Чтобы успешнее действовать на них, они всеми силами старались обеспечить их продовольствие. Сами солдаты в приготовлении к походу показывали не менее ревности: ружья, патроны и вся амуниция были осмотрены с величайшим тщанием, и все недостатки были исправлены. Посреди общей деятельности один С. Муравьев не принимал участия в приготовлениях: он оставался уединенным, писал целую ночь, но куда и кому—никто даже из близких ему не мог узнать.

В вечернем приказе С. Муравьева было сказано, что все роты, находящиеся налицо, должны собраться на площадь на другой день (31 декабря) в 9 часов утра. В назначенное время пять рот, а именно: 1-го батальона—3-я мушкатерская, 2-го батальона—2-я гренадерская, 4-я, 5-я и 6-я мушкатерские роты пришли на сборное место в полной походной аммуниции. Музыканты без всякого приказания явились сами, и 60 человек, оставя инструменты, взяли оружие из полкового цейхауза и стали в ряды своих товарищей. Ротные командиры и офицеры проверили людей, осмотрели аммуницию и с нетерпением ожидали С. Муравьева, который долго не выходил из своего кабинета, проведши там около часу времени с Мозалевским.

Вышедши в залу, он приказал позвать полкового священника и, объяснив ему цель восстания и свои намерения, просил его содействовать в сем благом деле молитвою и крестом. „Русское духовенство,—сказал ему, наконец, С. Муравьев,—всегда было на стороне народа; оно всегда, во времена бедствий нашего отечества, являлось смелым и бескорыстным защитником прав народных“. Священник, человек молодой, довольно просвещенный, постигнул возвышенные и благородные чувства С. Муравьева. „Я согласен на ваше предложение,—сказал он ему,—и готов умереть с вами для общей пользы; но... я имею жену, детей,—прибавил он после некоторого молчания,—если ваше предприятие не удастся, что будет с ними? Бедность, нищета и даже позор ожидают мою жену и моих сирот“. Супружеская и родительская любовь мгновенно поколебали в нем первый порыв любви к отечеству; он готов был отказаться от прежних слов своих. Но Муравьев снова успел возбудить в душе его благородное самоотвержение. Желая успокоить справедливое опасение священника насчет его семейства, он дал ему 200 руб. „Вручите сии деньги вашему семейству,—сказал С. Муравьев,—они будут необходимы для него во время вашего отсутствия; между тем, будьте уверены, что ни Россия, ни я никогда не забудем ваших

услуг“. Священник, не возражая более, пошел вместе с Муравьевым на площадь.

Собравшиеся роты были построены в густую колонну. Подошед к ней, С. Муравьев приветствовал солдат дружелюбно и потом в коротких словах изложил им цель восстания и представил, сколь благородно и возвышенно пожертвовать жизнью за свободу. Восторг был всеобщий: офицеры и солдаты изъявили готовность следовать всюду, куда поведет их любимый и уважаемый начальник. Тогда С. Муравьев, обратясь к священнику, просил его прочитать Политический Катехизис, который состоял из чистых республиканских правил, приноровленных к понятиям каждого. Священник читал громким и внятным голосом правила и обязанности свободных граждан. „Наше дело,—сказал Муравьев по окончании чтения, обратясь снова к солдатам,—наше дело так велико и благородно, что не должно быть запятнано никаким принуждением; и потому, кто из вас, гг. офицеры и рядовые, чувствует себя неспособным к такому предприятию, тот пускай немедленно оставит ряды; он может без страха остаться в городе, если только совесть его позволит ему быть спокойным и не будет его упрекать за то, что он оставил своих товарищей на столь трудном и славном поприще и в то время, как отечество требует помощи каждого из сынов своих“. Громкие восклицания заглушили последние слова С. Муравьева. Никто не оставил рядов, и каждый ждал с нетерпением минуты лететь за славою или смертью.

Колонна, получив благословение священника, с криком: „ура!“ двинулась по дороге в деревню Мотовиловку. Городские жители, теснившиеся вокруг, провожали воинов, желая им успеха. „Да поможет вам бог!“—раздавалось повсюду. Солдаты были бодры, мужество блистало в их взорах, веселые песни выражали спокойствие их душ. Для удержания порядка и отвращения внезапного нападения войско шло в боевом порядке.

Православный Катехизис и „Воззвание“ С. И. Муравьева-Апостола.

„ПРАВОСЛАВНЫЙ КАТЕХИЗИС“.

Во имя отца и сына и святого духа.

Вопрос. Для чего бог создал человека?

Ответ. Для того, чтоб он в него веровал, был свободен и счастлив.

Вопрос. Что значит веровать в бога?

Ответ. Бог наш, Иисус Христос, сошедши на землю для спасения нас, оставил нам святое свое евангелие. Веровать в бога—значит следовать во всем истинному смыслу начертанных в нем заповедей.

Вопрос. Что значит быть свободным и счастливым?

Ответ. Без свободы нет счастия. Святой апостол Павел говорит: ценою крови куплены есте, не будете рабы человекам.

Вопрос. Для чего же русский народ и русское воинство несчастно?

Ответ. От того, что цари похитили у них свободу.

Вопрос. Стало быть, цари поступают вопреки воли божией?

Ответ. Да, конечно, бог наш рек: Болий в вас да будет вам слуга, а цари тиранят только народ.

Вопрос. Должны ли повиноваться царям, когда они поступают вопреки воле божией?

Ответ. Нет! Христос сказал: не можете богу работати и Мамоне; от того-то русский народ и русское воинство страдают, что покоряются царям.

Вопрос. Что же святой закон наш повелевает делать русскому народу и воинству?

Ответ. Раскаяться в долгом раболепствии и, ополчась против тиранства и нечестия, поклясться: да будет всем един царь на небеси и на земли—Иисус Христос.

Вопрос. Что может удержать от исполнения святого сего подвига?

Ответ. Ничто! Те, кои воспротивятся святому подвигу сему, суть предатели, богоотступники, предавшие души свои нечестию, и горе им, лицемерам, яко страшное наказание божие постигнет их на сем свете и на том.

Вопрос. Каким же образом ополчиться всем чистым сердцем?

Ответ. Взять оружие и следовать за глаголющим во имя господне, помня слова спасителя нашего: Блажени алчущие и жаждущие правды, яко те насытятся, и, низложив неправду и нечестие тиранства, восстановить правление, сходное с законом божиим.

Вопрос. Какое правление сходно с законом божиим?

Ответ. Такое, где нет царей. Бог создал всех нас равными и, сошедши на землю, избрал апостолов из простого народа, а не из знатных и царей.

Вопрос. Стало быть, бог не любит царей?

Ответ. Нет! Они прокляты суть от него, яко притеснители народа, а бог есть человеколюбец. Да прочтет каждый, желающий

знать суд божий о царях, книги Царств главу 8-ю: собрашася мужи израилевы и придоша к Самуилу и рекоша ему: ныне постави над нами царя, да судит ны; и бысть лукав глагол сей перед очима Самуиловыма, и помолися Самуил ко господу, и рече господь Самуилу: послушай ныне гласа людей, якоже глаголят тебе, яко ни тебе уничтожиша, но мене уничтожиша, яже не царствовати ми над ними, но возвестиши им правду цареву. И рече Самуил вся словеса господня к людям, просящим от него царя, и глагола им: сие будет правда царева: сыны ваша возмет и дщери ваша возмет и земли ваша одесятствует, и вы будете ему раби и возопиете в день он от лица царя вашего, егоже избрасте себе, и не услышит вас господь в день он, яко вы сами избрасте себе царя... и так избрание царей противно воле божией, яко един наш царь должен быть Иисус Христос.

Вопрос. Стало, и присяга царям богопротивна?

Ответ. Да, богопротивна. Цари предписывают принужденные присяги народу для губления его, не призывая всуе имени господня; господь же наш и спаситель Иисус Христос изрек: аз же глаголю вам, не клянитеся всяко, и так всякая присяга человека противна богу, яко надлежащей (sic) ему единому.

Вопрос. От чего упоминают о царях в церквах?

Ответ. От нечестивого приказания их самих, для обмана народа, и ежечасным повторением царских имен оскверняют они службу божию вопреки спасителева веления: молящии не меньше глаголят, якоже язычники.

Вопрос. Что же, наконец, подобает делать христолюбивому российскому воинству?

Ответ. Для освобождения страждущих семейств своих и родины своей и для исполнения святого закона христианского, помолясь теплою надеждою богу, поборающему по правде и видимо покровительствующему уповающим твердо на него, ополчиться всем вместе против тиранства и восстановить веру и свободу в России.

А кто отстанет, тот, яко Иуда предатель, будет анафема проклят. Аминь.

ВОЗЗВАНИЕ.

Бог умилосердился над Россиею, послал смерть тирану нашему. Христос рек: не будьте рабами человеков, яко искуплены кровью моею. Мир не внял святому повелению сему и пал в бездну бедствий. Но страданья наши тронули всевышнего. Днесь он посылает нам свободу и спасенье. Братья! раскаемся в долгом раболепствии

нашем и поклянемся: да будет нам един царь на небеси и на земли— Иисус Христос.

Все бедствия русского народа проистекали от самовластного правления. Оно рушилось. Смертию тирана бог ознаменовывает волю свою, дабы мы сбросили с себя узы рабства, противные закону христианскому. Отныне Россия свободна. Но, как истинные сыны церкви, не покусимся ни на какие злодеяния, и без распрей междуусобных установим правление народное, основанное на законе божием, гласящем: да первый из вас послужит вам.

Российское воинство грядет восстановить правление народное, основанное на святом законе. Никаких злодейств учинено не будет.— Итак, да благочестивый народ наш пребудет в мире и спокойствии и умоляет всевышнего о скорейшем свершении святого дела нашего. Служители алтарей, доныне оставленные в нищете и презрении злочестивым тираном нашим, молят бога о нас, восстановляющих во всем блеске храмы господни.

С. И. Муравьев-Апостол в Мотовиловке.

(Из записок И. И. Горбачевского.)

С. Муравьев, не распустив еще полк, отдал приказ, что 1-го января будет дневка, поручил ротным командирам иметь попечение о продовольствии нижних чинов, так и о снабжении их теплою одеждою, и стараться более всего поддерживать бодрость духа солдат. Роты, по его приказанию, были размещены по тесным квартирам; на всех входах и выходах из деревни и в деревню были поставлены посты, всем отдано было приказание быть в готовности во всякое время к защите, и были назначены дежурные по полку и ротам. На дневке С. Муравьев осматривал все караулы, был во всех ротах, разговаривал с солдатами, ободрял их и более всего заботился о их нуждах. Объезжая караулы, Муравьев был окружен народом, возвращавшимся из церкви. Добрые крестьяне радостно приветствовали его с новым годом, желали ему счастья, повторяли беспрестанно: „Да поможет тебе бог, добрый наш полковник, избавитель наш!“ С. Муравьев тронут был до слез, благодарил крестьян, говорил им, что он радостно умрет за малейшее для них облегчение, что солдаты и офицеры готовы за них жертвовать собою и не требуют от них никакой награды, кроме их любви, которую постараются заслужить. Казалось, крестьяне при всей их необразованности понимали, какие выгоды могут иметь от успехов

Муравьева; они радушно принимали его солдат, заботились о них и снабжали их всем в избытке, видя в них не постояльцев, а защитников. Чувства сих грубых людей, искаженных рабством, утешали С. Муравьева. Впоследствии, он несколько раз говорил, что на новый год он имел счастливейшие минуты в жизни, которые одна смерть может изгладить из его памяти.

Поведение солдат.

(Из записок И. И. Горбачевского.)

В тот же день прибыл в Мотовиловку, со 2-ю мушкатерскою ротою, подпоручик Быстрицкий. Получив приказание от майора Трухина принять означенную роту, он немедленно отправился в деревню Германовку, где, собрав оную, выступил с нею в Васильков. В Василькове узнал он, что С. Муравьев с полком уже вышел в поход и тотчас решился догнать его, но перед тем хотел убедиться в расположении солдат. Для сего спросил их, хотят ли они следовать за товарищами и намерены ли действовать с ними заодно? Они все объявили готовность, однако, Быстрицкий сим еще не удовольствовался. Взяв в сторону фельдфебеля, всем полком любимого и уважаемого унтер-офицера Аврамова, он спросил его, как он думает, можно ли решиться на сие дело?—„Не только можно, но должно,—отвечал храбрый и честный Аврамов,—нам будет стыдно отстать от своих товарищей. Как я, так и вся рота, знаем цель Сергея Ивановича Муравьева; я ручаюсь за солдат“. Уверясь, таким образом, в единодушии всей роты, Быстрицкий тотчас выступил из Василькова и на другой день, в 12 часу, прибыл в Мотовиловку, переночевавши в деревне Салтановке.

Между тем, Соловьев, узнав о прибытии своей роты, спешил к своим мушкатерам. Солдаты бросились навстречу к своему командиру, обнимали, целовали его; искренняя радость изливалась из сердец непринужденно. Тут унтер-офицер Кучков при всей роте спросил Соловьева, куда Муравьев хочет итти и в каком месте соединятся они с другими полками? Услышав от Соловьева, что Муравьев идет на Житомир и соединится на пути к сему городу с другими полками, Кучков возразил с радостью, которая выражала некоторое нетерпение: „Что нам медлить, зачем еще дневка, лучше бы без отдыха итти до Житомира!“ Солдаты одобряли слова Кучкова. Проницательность и опытность старого служивого внушили ему сие здравое размышление.

Наблюдая действия 2-й мушкатерской роты и других восставших рот Черниговского полка, с невольным удивлением спрашиваешь себя, откуда Шутов, Николаев (Харитонов?), Аврамов и другие взяли сию твердость и решимость? Каким образом во всех нижних чинах явилось столь постоянное усердие и столь высокое самоотвержение? Преданность к ротным командирам и любовь к С. Муравьеву одни не могли сего произвести. К сим побуждениям присоединялись другие двигатели. Кузмин, Щепилла, Соловьев и другие офицеры часто беседовали между собою о делах Общества в присутствии своих фельдфебелей и, таким образом, знакомили их с своим образом мыслей, который заставлял сих простодушных, но благородных людей обдумывать свое поведение и готовиться оправдать доверенность своих начальников. Фельдфебеля, с своей стороны, были откровенны с солдатами, и сии последние, невольным образом, сколько могли, привыкли разделять их желания и цель. Присоединим к сему действию благородное поведение офицеров, кроткое обращение с подчиненными, бескорыстную заботливость о их нуждах; тогда это вместе нам покажет, каким образом они умели найти верное и неизменное содействие людей, решившихся с ними погибнуть.

Поражение Черниговского полка.

(Из записок И. И. Горбачевского.)

В полдень Муравьев вышел из Ковалевки к Трилесам. Полк, сомкнутый в полувзводную колонну, медленно двигался вперед, не выходя из околицы и прошедши от Ковалевки не более 6 верст; между солдатами распространился слух, будто бы пушечное ядро убило в обозе крестьянина с лошадью. Никто не слышал выстрела; нигде не было видно не только орудий, но даже ни одного неприятельского солдата; между тем, в колонне произошло волнение, и солдаты начали толковать, спорить, теряясь в догадках. Офицеры старались их успокоить, уверяя, что сия новость не что иное, как выдумка какого-нибудь труса или лгуна. Однакож, С. Муравьев построил взводы, сомкнув полк в густую колонну справа, вызвал стрелков по местам взводов и продолжал итти.

Едва колонна вышла из околицы и сделала не более ¼ версты, как пушечный выстрел поразил слух изумленных солдат, которые увидели в довольно значительном расстоянии орудия, прикрытые гусарами. За сим выстрелом последовало несколько других, но ни один из оных не причинил ни малейшего вреда колонне: может

быть, стреляли холостыми зарядами. Полк шел вперед. Муравьев приказал осмотреть ружья и приготовиться к бою. Приказание сие ободрило солдат, но сей порыв оживленного мужества был остановлен действительными пушечными выстрелами. Первый картечный выстрел ранил и убил несколько человек. С. Муравьев хотел вызвать стрелков: новый выстрел ранил его в голову; поручик Щепилла и несколько рядовых пали на землю мертвыми. С. Муравьев стоял, как бы оглушенный: кровь текла по его лицу. Он собрал все свои силы и хотел сделать нужные распоряжения, но солдаты, видя его окровавленным, поколебались: первый взвод бросил ружья и рассыпался по полю; второй следовал его примеру; прочие, остановясь сами собою, кажется, готовились дорого продать свою жизнь. Несколько метких картечных выстрелов переменили сие намерение. Действие их было убийственно: множество солдат умерло в рядах своих товарищей. Кузмин, Ипполит Муравьев были ранены; Быстрицкий получил сильную контузию, от которой едва мог держаться на ногах. Мужество солдат колебалось: Сухинов, Кузмин и Соловьев употребили все усилия к возбуждению в них прежних надежд и бодрости. Последний, желая подать собою пример и одушевить их своею храбростью, показывал явное презрение к жизни, становился под самые пушечные выстрелы и звал их вперед; но все было тщетно. Вид убитых и раненых, отсутствие С. Муравьева нанесли решительный удар мужеству восставших черниговцев; они, бросив ружья, побежали в разные стороны. Один эскадрон гусар преследовал рассыпавшихся по полю беглецов; другой окружил офицеров, оставшихся на месте, занимаемом прежде колонною, между ранеными и убитыми. В это самое время Соловьев, увидя недалеко от себя С. Муравьева, идущего тихими шагами к обозу, подбежал к нему, чтобы подать ему помощь. С. Муравьев был в некотором роде помешательства; он не узнал Соловьева и на все вопросы отвечал: „Где мой брат, где мой брат?“ Взяв его за руку, Соловьев хотел его отвести к офицерам, оставшимся на прежнем месте. Но едва он сделал это движение, как Бестужев-Рюмин подошел к ним и, бросаясь на шею к С. Муравьеву, начал осыпать его поцелуями и утешениями. Вместе с Бестужевым приблизился к ним один рядовой первой мушкетерской роты. Отчаяние изображалось на его лице; вид Муравьева привел его в исступление; ругательные слова полились из дрожащих от ярости уст его. „Обманщик!“—вскричал он, наконец, и с этим словом хотел заколоть С. Муравьева штыком. Изумленный таковым покушением, Соловьев закрыл собою Муравьева.—„Оставь нас, спасайся!—закричал он

мушкатеру,—или ты дорого заплатишь за свою дерзость". Сделав несколько шагов назад, солдат прицелился в Соловьева, грозя застрелить его, если он не откроет С. Муравьева. Соловьев схватил на земле лежащее ружье и сделал наступательное движение, которое заставило опомниться бешеного солдата; он удалился, не сказав ни слова. Когда надежды успеха исчезли, Ипполит Муравьев, раненый, истекая кровью, отошел несколько шагов от рокового места и почти в то же самое время, когда гусар наскочил на него и прострелил ему череп, упал мертвый к ногам лошади гусара. По приказанию генерала Гейсмара, гусары окружили офицеров и раненых солдат и отобрали от них оружие.

Таким образом кончилось пагубное для многих восстание Черниговского полка. Около 60-ти человек и 12-ти крестьян, находившихся в обозе, были убиты или тяжело ранены. Поручик Щепилла умер в рядах; С. Муравьев был ранен в голову; Ипполит Муравьев был ранен в голову; Кузмин—в плечо навылет: все трое картечами. Быстрицкий получил сильную контузию в правую ногу; шинель Бестужева была прострелена в нескольких местах. Это служит доказательством, под каким убийственным огнем стоял Черниговский полк и сколь мало думали офицеры о своей жизни.

Поражение Черниговского полка.

(Из записок М. И. Муравьева-Апостола.)

3-го января 1826-го года на привале мы узнали, что кавалерийский отряд с конно-артиллерийскою ротою загораживает путь в Трилесье. Всеобщая радость: конно-артиллерийскою ротою начальствовал полковник Пыхачев, член Тайного Союза. В 1860 г., жительствуя в Твери, я только тогда узнал, что Пыхачев, накануне того дня, когда его рота выступила против нас, был арестован. Мы снялись с привала, построились в ротные колонны и пошли далее. Местность оказалась самою невыгодною для пехоты, имеющей встретиться с кавалериею. Отряд, пушки в виду. Мы подвигаемся вперед. Раздается пушечный выстрел, за ним второй, ядро пролетело над головами. Мы все шли вперед. Открылась пальба картечью, у нас несколько человек пало, одни убитыми, другие ранеными, в числе первых начальник шестой мушкетерской роты, штабс-капитан Михаил Алексеевич Щепилла. Тогда Сергей Иванович решился прекратить неравный бой и спасти свою команду от неминуемой погибели и приказал поставить ружья в козлы. Солдаты, повинуясь ему,

не понимали, с каким намерением начальник обманул их на походе. Сергей Иванович им сказал, что виноват перед ними, что, возбудив в них надежду на успех, он их обманул. Артиллеристам Сергей Иванович стал махать белым платком и тут же упал, пораженный картечью. Ипполит, полагая, что брат убит, застрелился из пистолета.

Нас рассадили в сани; пришлось нам проехать мимо наших солдат, которые с соболезнованием смотрели на брата. Ни у кого из них на лице не проявилось ни малейшего знака укора. После нашего отезда кавалерия обступила Черниговских солдат.

Самоубийство А. Д. Кузмина.

(Из записок И. И. Горбачевского.)

В 5 часов вечера (3 января) пленные офицеры и солдаты были привезены под сильным конвоем в дер. Трилесы. С. Муравьев, брат его Матвей, Соловьев, Кузмин, Быстрицкий, Бестужев-Рюмин и солдаты, разжалованные из офицеров,—Грохольский и Ракуза,—были все вместе помещены в кормче, в одной большой комнате, а за перегородкою находилась караульня. Внутри и около корчмы были расставлены часовые. Нижние чины были размещены по разным крестьянским избам под строгим караулом. Вскоре после приезда в Трилесы умер Кузмин истинно-геройской смертью. При самом начале дела он был ранен картечною пулею в правое плечо навылет, но рана сия не помешала ему ободрять солдат словами и личным своим примером. Будучи прежде всех окружен гусарами, он сдался без сопротивления. Тут же в душе его возродилась мысль кончить добровольно бесполезные страдания, избегнуть позора и наказания. Когда с места сражения отправили их в Трилесы, Кузмин сел в одни сани с Соловьевым. В продолжение дороги он был спокоен, весел, даже шутил, смеялся. Недалеко от Трилес Соловьев, почувствовав холод, встал из саней и прошел около версты пешком; садившись опять в сани, он нечаянно облокотился на плечо Кузмина. При сем движении болезненное выражение изобразилось на лице его товарища. Соловьев, заметя сие и не подозревая вовсе, что он ранен, спросил его:

— Что с тобою? Вероятно, я крепко придавил тебе плечо: извини меня.

Кузмин ему отвечал:—Я ранен, но сделай милость, не сказывай о сем никому.

— По крайней мере,—возразил Соловьев,—приехав в Трилесы, позволь мне перевязать твою рану.

— Это лишние хлопоты: рана моя легкая,—сказал, улыбаясь, Кузмин,—я вылечусь без перевязки и пластыря.

Веселость Кузмина действительно заставила Соловьева думать, что рана не опасна: он замолчал, ожидая приезда на место. В корчме раненого С. Муравьева положили в углу комнаты, в которой было ужасно холодно. Он лежал там около часу, но, почувствовав сильную знобь, встал и пошел отогреться к камину. Кузмин с самого приезда все ходил тихими, но твердыми шагами по комнате, но, вероятно, ослабевши от истечения крови и чувствуя маленькую лихорадку, присел на лавку, подозвал к себе Соловьева, которого просил придвинуть его поближе к стене. В ту самую минуту, как Соловьев, взяв его под руки, потихоньку приподнимал, чтобы хорошенько посадить, С. Муравьев, от теплоты ли огня, горевшего в камине, или от другой какой-либо причины, упал без чувств. Нечаянность его падения встревожила всех; все, исключая Кузмина, бросились к нему на помощь, как вдруг пистолетный выстрел привлек общее внимание в другую сторону комнаты. Часовые выбежали вон, крича: „Стреляют, стреляют!“—и дом почти остался без караула. Удивление и горесть поразили сердца пленников. На скамье лежал окровавленный Кузмин без черепа; большой, еще дымящийся пистолет был крепко сжат левою омертвевшею его рукою. Когда же с Кузмина сняли шинель и мундир, то увидели, что правое плечо раздроблено картечною пулею, которая вышла ниже лопатки; все нижнее платье было в крови. Тут товарищи его увидели явно, что он, получивши рану во время сражения, несмотря на жестокую боль скрывал ее с намерением лишить себя жизни пистолетом, спрятанным в рукаве его шинели, и выжидал удобную минуту прибегнуть к роковой его помощи. Таким образом кончил жизнь один из злополучных и отважнейших сподвижников С. Муравьева. Сила воли, твердость души были отличительными чертами его характера. Будучи столь же пылок и решителен, как Ипполит Муравьев, Кузмин присовокуплял к сему постоянство в стремлении к цели: ни время, ни препятствия не могли отвратить его от предпринятого им однажды намерения. „Свобода или смерть“—часто говаривал он с душевным движением, и смертию своею доказал, что чувствовал и говорил одно. Ипполит Муравьев и Кузмин покоятся в одной могиле с Щепиллою близ деревни Трилесы.

Стихотворение Мих. Бестужева.

Что не ветр шумит во сыром бору,
Муравьев идет на кровавый пир...
С ним Черниговцы идут грудью стать,
сложить голову за Россию мать.
И не бурей пал долу крепкий дуб,
а изменник червь подточил его.
Закатилася воля-солнушко.
Смертна ночь легла в поле бранное.
Как на поле том бранный конь стоит,
на земле пред ним витязь млад лежит.
„Конь! Мой конь! Скачи в святой Киев град:
„там товарищи—там мой милый брат...
„Отнеси ты к ним мой последний вздох,
„и скажи: „цепей я нести не мог,
„пережить нельзя мысли горестной,
„что не мог купить кровью вольности!“ [1]).

Из донесения „агента по тайным государственным делам“ Станкевича.

(От 22-го ноября 1826 г.)

Со времени определения меня в должность я не имел ничего достойного внимания, но, по вступлении Вятского пехотного полка на квартиры в м. Зинков, старался я узнать, каковые носятся слухи между военными и узнал:

1) Все нижние чины и офицеры жалеют Пестеля, бывшего их командира, говоря, что им хорошо с ним было, да и еще чего-то лучшего ожидали и, стоит только вспомнить кому из военных Пестеля, то вдруг всякий со вздохом тяжким и слезами отвечает, что такового командира не было и не будет; я сие от многих сам слышал, и евреи, почти всякий, тоже от военных слыша, мне доносили.

2) Квартирующий у еврейки Дрейзи музыкантский староста, перед многими евреями, будучи пьяным, ругал Майбороду, что сделал донос на Пестеля, из которых последнего ужасно расхвалял и жалел; говорил при том, что Пестель перед смертью изрек слова сии, что он, Пестель, что посеял, то и взойти должно и взойдет впоследствии непременно, каковые слова Пестеля повторял Филатов перед Волиом Зейликовичем и другие нижние чины перед многими евреями.

---

[1]) Это стихотворение в народном стиле сочинено М. А. Бестужевым в годовщину восстания 14-го декабря—в 1829 или 1830 году. Песня очень понравилась, и ее часто распевали декабристы во время совместного заключения в Петровском заводе.

Тюрьма, суд и казнь.

Из довольно обильной официальной литературы по поводу восстания декабристов приводится только одно сообщение из „Русского Инвалида“. Это достаточно для образца. О степени его правдивости говорит то, что декабристам приписывается стремление к разграблению имущества и избиению всех мирных граждан... Не лишены интереса личные впечатления Николая от допрашиваемых им декабристов. Видно, что некоторые (те, которых он именует „закоренелыми злодеями“ и пр.) держались перед ним с достоинством, особенно Пестель. Тем более тягостное впечатление производит покаянное письмо, написанное, в конце концов, Пестелем из крепости.—Еще в качестве образчиков писаний заключенных декабристов мы приводим одно из писем Каховского. Каховский, человек искренний и решительный, поверил в личные хорошие свойства Николая и стал горячо убеждать его действовать в либеральном духе.—Письмо Оболенского, человека, который, за отсутствием других, играл роль вождя на Сенатской площади, производит прямо отвратительное впечатление: в виде какой-то благодарности, что ему доставили письмо от отца, он называет несколько десятков членов обшества—всех, кого только мог припомнить. Это не холодный расчет предателя, а какое-то омерзительное елейное прекраснодушие, умиление дворянина перед „своим“ монархом.—После этих излияний и припаданий к стопам монарха отрадно прочитать отрывки (целиком оно не напечатано) показания мало известного декабриста Андреевича 2-го.—Довольно неожиданно 18-го марта заговорил решительным и мужественным языком умереннейший Батенков. Не за это ли заявление он пострадал более, чем кто-либо из оставленных в живых декабристов, просидев 20 лет в одиночном заключении?—Обстановка суда, обращение с подсудимыми ясны из мемуаров Фонвизина и Штейнгеля.—Из многочисленных—и часто разноречивых—рассказов о казни мы остановились, прежде всего, на рассказе Якушкина, как на отличающемся наибольшей точностью.—В показаниях тайного агента о настроениях в столице после казни декабристов обращает внимание то злорадство, с которым дворовые говорили о казни и ссылке бар-декабристов. Надо полагать, что этим людям относительно характера выступления декабристов были внушены какие-нибудь ложные представления: в другом рассказе о настроениях дворовых (см. на стр. 162 „из книги М. Н. Покровского...“) мы видим сочувствие декабристам.

Из „Русского Инвалида“.

(От 7 января 1826 г.)

Происшествия 14-го декабря обнаружили ужасный заговор. Люди, недостойные имени россиян, составили его во мраке. Они умышляли умерщвление императорской фамилии, безначалие, разграбление имуществ, убиение всех мирных граждан. Такие безумные предприятия никогда не могли совершиться во всей своей обширности; но самое покушение привесть их в действие уже имело бы следствием величайшие несчастия. Никогда строгость не могла быть необходимее, никогда общественная польза не требовала мер столь решительных и быстрых, как в сих важных и печальных обстоятельствах. Для сего государь император еще в первые дни учредил следственную комиссию, в которую соизволил назначить членами: его высочество государя великого князя Михаила Павловича, министра военных дел А. И. Татищева (президент), действительного тайного советника князя А. Н. Голицына, генерал-адьютантов: П. В. Голенищева-Кутузова (санкт-петербургского военного генерал-губернатора), Бенкендорфа, Левашева и Потапова (дежурного генерала главного штаба его императорского величества). Сия комиссия неутомимо занимается сим государственным делом. Между тем, правительство с величайшею деятельностью исполняло долг свой во всем своем пространстве. Показания заговорщиков, явно обличенных, и открытие общества, которое несколько лет уже приготовляло переворотный взрыв, поставили оное в горестную необходимость прибегнуть к многочисленным арестованиям. В таких обстоятельствах государственное благо не дозволяет медлить: надлежало усугубить розыскания и открыть самый корень заговора, дабы схватить все его нити. Правительство имеет теперь утешительную надежду поставить конец мерам, кои должно было принять по сему случаю, ему известны теперь все тайны ненавистной и гнусной шайки, все злодейские умыслы заговорщиков; оно обнародует их, как скоро следствие будет окончено.

В числе допрошенных, благодаря бога, нашлось несколько не-

винных, которые ту же минуту освобождены; другие, по молодости и детской неопытности, дозволили уловить себя в сии коварные сети, не зная ни цели, ни гибельных последствий своей неосторожности. Теперь с мучительнейшими угрызениями совести видят они бездну, на край которой завлечены были. Нашлись и такие, которые хотя и не принадлежали к сей злодейской шайке,. но знали, не открыли их преступных умыслов, и тем сделались сами причастны их преступлению. Касательно главных зачинщиков и заговорщиков, примерная казнь будет им справедливым возмездием за нарушение общественного спокойствия.

Из записок Николая I.

(1831 г.)

Входить во все подробности происходившего при допросах излишне... Единообразие сих допросов особенного ничего не представляло: те же признания, те же обстоятельства более или менее полные. Но было несколько весьма замечательных, об которых упомяну.

Каховский говорил смело, резко, положительно и совершенно откровенно. Причину заговора относя к нестерпимым будто притеснениям и неправосудию, старался причиной им представлять покойного императора. Смоленский помещик, он в особенности вопил на меры, принятые там для устройства дороги по проселочному пути, по которому государь и императрица следовали в Таганрог, будто с неслыханными трудностями и разорением края исполненными. Но, с тем вместе, он был молодой человек, исполненный прямо любви к отечеству, но в самом преступном направлении.

Никита Муравьев [1]) был образец закоснелого злодея. Одаренный необыкновенным умом, получивший отличное образование, но на заграничный лад, он был в своих мыслях дерзок и самонадеян до сумасшествия, но вместе скрытен и необыкновенно тверд.

Тяжело раненый в голову, когда был взят с оружием в руках, его привезли закованного.

Здесь сняли с него цепи и привели ко мне. Ослабленный от тяжкой раны оков, он едва мог ходить. Знав его в Семеновском полку ловким офицером, я ему сказал, что мне так тяжело видеть старого товарища в таком горестном положении, что прежде его лично знал за офицера, которого покойный государь отличал, что

[1]) Николай перепутал: то, что он говорит о Никите Муравьеве, в самом деле относится к Сергею Ивановичу Муравьеву-Апостолу.

теперь ему ясно должно быть, до какой степени он преступен, что он причиной несчастия многих невинных жертв, и увещал ничего не скрывать и не усугублять своей вины упорством. Он едва стоял; мы его посадили и начали допрашивать. С полной откровенностью он стал рассказывать весь план действий и связи свои. Когда он все высказал, я ему отвечал:

— Объясните мне, Муравьев, как вы, человек умный, образованный могли хоть одну секунду до того забыться, чтоб считать ваше намерение сбыточным, а не тем. что есть — преступным, злодейским сумасбродством?

Он поник головой, ничего не отвечал, но качал головой с видом, что чувствует истину, но поздно.

Когда допрос кончился, Левашев и я, мы должны были его поднять и вести под руки.

Пестель был также привезен в оковах; по особой важности его привезли и держали секретно. Сняв с него оковы, он приведен был вниз, в Эрмитажную библиотеку.

Пестель был злодей во всей силе слова, без малейшей тени раскаяния, со зверским выражением и самой дерзкой смелости в запирательстве; я полагаю, что редко найдется подобный изверг.

Артамон Муравьев был не что иное, как убийца, изверг без всяких других качеств, кроме дерзкого вызова на цареубийство. Подл в теперешнем положении, он валялся у меня в ногах, прося пощады!

Напротив, Матвей Муравьев, сначала увлеченный братом, но потом в полном расскаянии уже некоторое время от всех отставший, из братской любви только спутник его во время бунта и вместе с ним взятый, благородством чувств, искренним, глубоким расскаянием меня глубоко тронул.

Сергей Волконский, набитый дурак, таким нам всем давно известный, лжец и подлец в полном смысле, и здесь таким же себя показал.

Не отвечая ни на что, стоя, как одурелый, он собой представлял самый отвратительный образец неблагодарного злодея и глупейшего человека...

Письмо Каховского к Николаю из Крепости.

(24 февраля 1826 г.).

Счастлив подданный, слышавший от своего монарха: „Я сам есть первый гражданин Отечества“. Дай бог, чтобы отечество было у нас в совокупности с государем. Я, желающий блага моей милой родине, благословляю судьбу, имея случай излить чувства и мысли

мои перед монархом моим, обещающим быть отцом отечества. Красноречие чуждо мне, одна истина, святая истина будет руководить мною.

Проехав от севера на юг Россию, старался вникнуть в положение различных классов людей; отовсюду слышал ропот на правительство и правителей, им поставленных. Покойный император, объезжая области, встречал всюду радость и приветствие, но были ли они искренны? Клянусь богом, нет! Некоторые помещики, получа при встрече его крест или иной подарок, обольщались, и тягость вся падала на бедных крестьян; налог удушающий, неимоверный обходился на душу по 50 руб.

Подушный оклад не велик, потому с первого взгляда подати могут казаться умеренными; но когда вникаешь, что казна всему откупщик, то ясно видишь, что народ обременен налогами, которые не только разрушают капиталы, но и добываемы быть не могут, что и доказывают самые недоимки.

В 1812 году нужны были неимоверные усилия; народ радостно все нес в жертву для спасения отечества. Война кончена благополучно, монарх, украшенный славою, возвратился. Европа склонила пред ним колена; но народ, давший возможность к славе, получил ли какую льготу? Нет! В мирное время налоги еще увеличились. Есть налоги, которые мы вдвойне выполняем, например, подорожный: мы платим по 25 копеек с души на дороги и сами их починяем и вновь делаем.

Внешняя и внутренняя торговля притеснением, монополиею и частыми тарифами убита. Капиталисты наши обанкротились, и какая осталась торговля, то и та перешла в руки иностранцев. Много способствовала к упадку торговли и ко всеобщему разорению в государстве запретительная система, которая нигде не может быть полезна, тем более вредна в отечестве нашем. Чрез нее капиталы наши остались без оборота: я разумею капиталами все то, что имеет ценность. Кому неизвестно, сколько прежде сего отпускали мы из своих продуктов за границу, и что отняла у нас система запретительная?

Отчего нет у нас справедливости в судопроизводстве? 1-ое. Законы не ясны, не полны и указ указу противоречущи. 2) Никто из служащих не дорожит своим местом, если оно не прибыльно, гражданская часть уничтожена, жалование совершенно недостаточно для насущного пропитания; но секретарь, получающий 200 р. в год,— проживает тысячи. Все это знают, все это видят, и правительство равнодушно терпит. Не значит ли это поощрять преступления и

водворять разврат? 3) Медленное отправление справедливости уже не есть справедливость! У нас же дела тяжебные длятся апелляциями десятки лет, и очень часто справедливость вознаграждается лишь убытками.

Далек я, чтобы оправдывать леность, нерадение и беспечность дворянства русского. Но, со всем тем, нельзя не заметить, что тому причиной есть явное предпочтение, делаемое правительством всем иностранцам без разбору.

На этот раз я укажу только на корпус инженеров водяной комуникации; там все офицеры, перешедшие к нам из иностранной службы, находятся на жалованье огромном; но пользы от них мало или, лучше сказать, нет никакой. Все работы производятся инженерами русскими, куда же были употреблены иностранцы, везде работы были не успешны до того, что граф Воронцов принужден был для работ в Одессу просить именно инженеров русских. Иностранцы в Корпусе инженеров хорошие теоретики, но что мешает отправлять наших русских молодых офицеров вояжировать? Они могли бы наблюдать работы, изучиться и быть собственностью отечества. Издержки для того не превышали бы теперешних издержек на жалованье иностранцам. Я заметил инженеров, чтобы ближе указать делаемое предпочтение правительством иностранцам. — Мне мало известны способности государственных людей, но как ревностному сыну отечества простительно надеяться, что у нас, конечно, нашлись бы русские заместить места государственные, которыми теперь обладают иностранцы. Очень натурально, что такое преобладание обижает честолюбие русских и народ теряет к правительству доверенность.

Для водворения прав законных необходимо нужно просвещение. Чтобы доказать, сколь старались погасить его, достаточно напомнить один случай, постигший Петербургский Университет, в котором за недоказанное преступление разогнаны лучшие профессора. Книги, печатанные несколько лет тому назад, по высочайшему повелению,—впоследствии были строго преследованы не только цензурой, но и полициею.

Вот причины, великодушный государь, отторгнувшие меня от моего монарха.

Желаю верить, что вы, государь, облегчите участь народа русского, вышним промыслом вам вверенного.

Государь! Я не умею, не могу и не хочу льстить: со вчерашнего вечера я полюбил вас, как человека, и всем сердцем желаю любить в вас своего монарха, отца отечества.

Вы ко мне милосерды, ваше великодушие меня обезоруживает, вы умели уже несколько меня привязать к себе. Но, государь, что я? 50 миллионов ждут вашей благости, ждут от вас своего счастия. Какое поприще для вашей славы, для вашего величия! Государь! Вы заслужите любовь, если будете искать ее. Слава богу, вы не презираете именем русского! Я заметил, как сказали вы: „Кто может сказать, что я не русский?!“ — Так, государь, вы русский! Любите народ свой, а народ будет боготворить в вас отца своего.

Вот истинное желание вашего верноподданного и преданного к вашему императорскому величеству.

Петра Каховского.

Государь! Я сделался пред вами преступником, увлекаясь любовию к отечеству. Я никогда не мог принадлежать никакому обществу, ибо никогда ничего не желал себе; а принадлежу благу общему и всегда готов запечатлеть любовь мою к человечеству последней каплей крови моей. Намерения мои были чисты, но в способах, вижу, я заблуждался. Не смею просить вас простить мое заблуждение: я и так растерзан вашим ко мне милосердием. Я не способен никому изменять; я не изменял и обществу, но общество само своим безумием изменило себе.

Государь! верьте, я не обману вас! могу ошибиться, но говорю, что чувствую; невозможно итти против духа времени, невозможно нацию удержать вечно в одном и том же положении; зрелость дает ей силу и возможности; все народы имели и имеют свои возрасты. Благодетельные правители следовали по течению возмужалости духа народного и тем предупреждали зло. Государь! От вас зависит устроить благодействие наше, мы вам вверены; я отдаюсь вам, я ваш. Есть существо, проницающее в изгибы сердец человеческих, оно видит, что я говорю истину — я ваш! и благом отечества клянусь, я не изменю вам.

Мне, собственно, ничего не нужно, мне не нужна и свобода, я и в цепях буду вечно свободен: тот силен, кто познал в себе силу человечества. Честному человеку собственное убеждение дороже лепета молвы. Я не говорю за себя, государь: есть несчастные, которых я увлек, спаси их, великодушный монарх! Спаси детей твоих, клянусь, они чисты.

Желал бы еще раз, государь, говорить с вами. Мне дорого благоденствие отечества, я не ищу беспорядков и крови. Положитесь на меня, не обману вашу ко мне доверенность.

Письмо Пестеля из крепости генералу А. И. Чернышеву.

(31 января 1826 г.)

Генерал! Восемнадцать дней прошло с того времени, как я имел честь видеть вас в последний раз, и пятьдесят дней со времени моего ареста. Это время было для меня вечностью. Я считал часы, я считал минуты. Вы не можете себе представить, как ужасно томиться в тюрьме, как страшна неизвестность о своей судьбе. Его величество император пожелал, чтобы я высказал все с полной откровенностью: я сделал это с исчерпывающей полнотой. Я ничего не утаил, совершенно ничего. Я не только отвечал на все вопросы вполне точно и правдиво, но, кроме того, высказал все, что только мог вспомнить. Вследствие этого я смею надеяться, что император остался доволен мною в этом отношении. Этим я хотел доказать его величеству всю искренность моих чувств в настоящее время. Это было единственное средство, которым я мог доказать ему, как горячо и глубоко я сожалею о том, что принадлежал к тайному обществу. Поверьте, генерал, что это раскаяние заставляет меня испытывать непрестанные страдания и мучения, хотя я счастлив тем, что, по крайней мере, не принимал участия ни в каких действиях.

К этому еще присоединяется постоянное воспоминание о моих несчастных родителях. Они стары и болезненны и на те немногие дни, которые им, вероятно, осталось прожить, вся надежда, все их существование заключалось в их детях. Богу известно, что я охотно отдал бы за них свою жизнь, а теперь я сам толкаю их в могилу. Все, что эти слова заключают в себе ужасного и невыносимого для моего сердца, не может быть выражено и не может быть постигнуто никаким воображением. Признаюсь, что мои слезы о них не иссякают ни днем, ни ночью и что, действительно, в глубине души, я дошел до крайних пределов отчаяния. Да соблаговолит государь бросить на них и на меня взгляд жалости и милосердия.

Я не могу оправдаться перед его величеством; поэтому я и не стараюсь оправдываться: я прошу лишь милости. Да соблаговолит он воспользоваться в отношении меня прекраснейшим правом короны, и бог мне свидетель, что он никогда не раскается в том, что дал себя убедить. Каждая минута моего существования будет посвящена безграничной благодарности и привязанности к его священной особе и к его августейшему семейству. Я хорошо понимаю, что не могу оставаться на службе, но если бы мне только вернули свободу! Я слишком виновен перед его величеством, чтобы посметь обратиться непосредственно

к нему с этим изложением моих чувств и страданий, но вы, генерал, не откажите в доброжелательности: повергните мои мольбы и мое раскаяние к стопам его величества и согласитесь способствовать с вашей стороны, по мере возможности, освобождению несчастного, который сохранит к вам за это вечную признательность. Если бы я смел, я испросил бы у вас еще одно благодеяние, а именно, если его величество был бы тронут моими просьбами, передайте мне несколько слов надежды и утешения, чтобы хоть немного облегчить ту страшную тяжесть, которая в настоящее время повисла надо мной и которая совершенно меня подавляет, или, по крайней мере, сообщите мне что-либо, чтобы вывести меня из угнетающей неизвестности, которая, клянусь вам, в тысячу раз хуже смерти, так как я совершенно ничего не знаю о ходе нашего дела, а это до бесконечности усиливает тревогу, вытекающую из моего несчастного положения. Прошу вас также не забыть ходатайство, изложенное в письме, которое я имел честь послать вам 19 января, если судьба пожелает, чтобы эта просьба была признана уместной. Быть может, господь в своем бесконечном милосердии сумеет склонить в мою пользу сердце государя.

Примите, генерал, выражение глубокого уважения, с которым я имею честь быть вашим покорнейшим слугой. *Пестель.*

Письмо из крепости Е. И. Оболенского к Николаю.

(От 21 января 1826 г.)

Ваше императорское величество
всемилостивейший государь!

Удостоившись получить ныне прощение царя небесного и предстать ему с успокоенною совестию, я первым долгом поставляю пасть к ногам твоим, государь всемилостивейший, и просить тебя не земного, но душевного, христианского прощения. Как вышний мой судия земной, накажи меня за поступки мои: с терпением и любовью снесу я бремя, тобою на меня наложенное; но, как отец твоих подданных, воззри на мое сердце, на мои намерения, и если в первом ты не найдешь злобы, в последних—своекорыстия, то изреки прощение в душе заблуждшему сыну твоему: я, может быть, никогда не удостоюсь услышать сие слово от тебя, но верь, о государь, что я ныне по чувствам моим достоин оного.

Ныне одна вина осталась у меня пред тобою: доселе я представил Комитету, тобою учрежденному, только имена тех членов нашего Общества, коих скрыть мне было невозможно, по поступкам их или личным сношениям. Прочие остались скрыты в сердце моем. Мое молчание ты счел, может быть, о государь, преступным упорством. Осмеливаюсь самого тебя поставить судьею поступка моего. Члены Общества, приняв меня в сотоварищи свои, честному слову моему и клятвенному обещанию вверили честь, благоденствие и спокойствие как каждого из них, так и семейств, к коим они принадлежат. Мог ли я тою самою рукою, которая была им залогом верности, предать их суду тобою назначенному, для сохранения жизни своей или уменьшения несколькими золотниками того бремени, которое промыслом всевышнего на меня наложено? Государь, я не в силах был исполнить сей жестокой обязанности. Но вера, примирив меня с совестию моею, вместе с тем представила высшие отношения мои; милосердие же твое, о государь, меня победило. В то время, когда я лишился всех надежд, когда темница сделалась моим миром и голые стены оной товарищами моей жизни, манием благотворной руки твоей письмо отца моего, как ангел утешитель, принесло спокойствие и отраду душе моей. Благодеяние твое, монарх милосердый, воззрение твое на мольбу семидесятилетнего старца остаются незабвенным в душе моей. И потому, видя в тебе не строгого судию, но отца милосердого, я с твердым упованием на благость твою повергаю тебе жребий чад твоих, которые, не поступками, но желаниями сердца могли заслужить твой гнев.

Прости, о государь, если я на несколько минут обратил внимание твое на несчастного страдальца; но глас совести моей был для меня выше всех земных приличий, и потому воззри милосердым оком, всемилостивейший государь, на верноподданного твоего
князя *Евгения Оболенского.*

Давши затем список 62 членов тайных обществ,—в том числе и своего родного брата,—Оболенский так кончает письмо:

„Представив тебе, всемилостивейший государь, имена всех членов, мне известных, я не имел в виду уменьшение моего наказания, в том сам бог может быть свидетель мне, но единственно очищение моей совести пред тобою, исполнение священнейшего долга пред семидесятилетним отцом, коего скорби я причиною и обязан стараться изгладить всеми возможными способами, и, наконец, душевная обязанность и требование представить тебе содействие каждого из членов общества в истинном и беспристрастном виде. Если я успел достигнуть хотя одной из сих целей, то буду благодарить творца моего. Прими, о государь, единую и возможнную дань преданности верноподданного твоего.“

Из показаний Андреевича II.

Стоны жен, вопли детей, плач вдов, забытые сироты, беспрестанно попадающиеся нищие, слепые и увечные, разорение в деревнях крестьян, не есть ли доказательство, что отечество забыто и что скрывается тайный какой-то отечественный враг, который все упомянутые несчастья насылает для пагубы соотечественников?.. Я не знаю, для чего Россию называют благоденствующей, когда народ и войско обливаются слезами и через свое невежество ропщут на бога и до того заблуждены, что все злоключения приписывают творцу, их создавшему. Но кто сему причиной?.. Теперь скажите: видевши ежедневно негодование и ропот сих несчастных столпов отечества, можно ли было не чувствовать их положения человеку тому, который исполнен чувств человеколюбия и который добровольно приносил жизнь свою в жертву для искупления сего несчастного народа, и как не решиться на сие, когда по невежеству своему народ все несчастья, их постигающие, приписывает существу столь высочайшему... Человеку с чувствами сострадательными трудно жить в сем мире, где ежедневные картины несчастий человеческих поражают взор такового человека... Напрасно стараются разыскивать всех тех, кои к сему причастны; это значит умножить число страдающих и положение отечества для сильно чувствующих несправедливости делать разительнее. Вряд истребится пламя, вложенное в сердце человеков; надобно разбирать естества оных, чтобы поглощать сердца лобовью; другого средства нет. Да, притом, в нынешнее время чувствующих так много, что, дабы истребить их, надобно потерять большую часть войска и не в пример более граждан... Вера моя открывает врага мне в том, кто мне делает зло всякого рода, и оного велит любить, как самого себя. Но сие касается меня самого. А если же сей враг делает вред другому: не повелевают ли они же (т.-е. правила веры) защищать сего несчастного? Итак, спрашиваю: что более предпочитать я должен?.. Последовав чувствам, кои вселены мне в душу из младенчества, я не считал себе преступлением жертвовать собою для того, чтобы жизнью своей и кровью освобождать своих соотечественников от угнетений, которыми они мучатся. Это одно. Другое—при вступлении на службу дал клятву не щадить врага, притесняющего моих соотечественников. Руководствуясь сими двумя причинами, я побужден был на все решиться. Вот все мои чувства и действия, кои привели меня к сему несчастному положению, в коих излагаю исповедь моей души, к чему она стремилась и что занятием оной было... Я с удовольствием предаю себя строгости законов. Для меня собственно нет счастья, но в счастии народа был бы и я счастлив... На смерть взираю с большим хладнокровием, нежели на страдание со человеки. Благоденствующие потомки почтут мою смерть.. Надежда на бога во мне не исчезает: он услышит молитвы страдающих и наше осуждение мучиться в заточениях; а, наконец, и самая смерть может пробудить чувства уснувших сынов отечества... Сие говорю не потому, чтобы обратить на себя сострадание, но потому, что чистосердечие в сознании того требует. Я—преступник, и одни законы могут взирать на мои дела и судить оные. Я должен ожидать с хладнокровием казни, для меня определенной законами. Всякий видит мою вину, что желая блага своему отечеству, видя его, угнетаемым несправедливостями, решился я на все,—решился отыскать причину злополучия моих соотечественников и, найдя, истребить оную, хотя бы самому стоило жизни...

Из показания Г. С. Батенкова.

(От 18 марта 1826 г.)

Странный и ничем для меня необъяснимый припадок, продолжавшийся во время производства дела, унизил моральный мой характер... Постыдным образом отрицался я от лучшего дела в моей жизни. Я не только был член Тайного Общества, но член самый деятельный... Тайное Общество наше отнюдь не было крамольным, но политическим. Оно, выключая разве немногих, состояло из людей, коими Россия всегда будет гордиться. Ежели только возможно, я имею полное право и готовность разделять с членами его все,—не выключая ничего. Болезнь во время следствия по всей справедливости не должна бы лишать меня сего права. Цель покушения не была ничтожна, ибо она клонилась к тому, чтоб, ежели не оспаривать, то, по крайней мере, привести в борение права народа и права самодержавия, ежели не иметь успеха, то, по крайней мере, оставить историческое воспоминание. Никто из членов не имел своекорыстных видов. Покушение 14 декабря не мятеж, как к стыду моему именовал я его несколько раз, но первый в России опыт революции политической, опыт почтенный в бытописаниях и в глазах других просвещенных народов. Чем менее была горсть людей, его предпрившая, тем славнее для них, ибо хотя по несоразмерности сил и по недостатку лиц, готовых для подобных дел, глас свободы раздавался не долее нескольких часов, но и то приятно, что он раздавался.

Из поэмы Некрасова „Русские женщины“.

Пред нею длинный и сырой
подземный коридор,
у каждой двери часовой,
все двери на запор.
Прибою волн подобный плеск
снаружи слышен ей;
внутри бряцанье, ружей блеск
при свете фонарей;
да отдаленный шум шагов
и долгий гул от них,
да перекрестный бой часов,
да крики часовых...
С ключами старый и седой
усатый инвалид—
„Иди, печальница, за мной!“
Ей тихо говорит:
„Я провожу тебя к нему.
Он жив и невредим...“
Она доверилась ему,
она пошла за ним...

Шли долго, долго... Наконец,
дверь взвизгнула,—и вдруг
пред нею он... живой мертвец...
пред нею—бедный друг.
Упав на грудь ему, она
торопится спросить:
„Скажи, что делать?..
. . . . . .
Достанет мужества в груди,
готовность горяча,
просить ли надо?..
. . . . . .
„О, милый, что сказал ты? Слов
не слышу я твоих:
то этот странный бой часов,
то крики часовых!
Зачем тут третий между нас?“
„Наивен твой вопрос“.
„Пора! пробил урочный час!“
Тот „третий“ произнес...

Из записок М. А. Фонвизина.

Следственная комиссия приступила к розысканиям. Множество лиц было захвачено в Петербурге по подозрению в участии в тайных обществах; других свозили в крепость Петропавловскую со всех концов России. Сначала некоторых допрашивал во дворце сам император; к нему приводили обвиняемых со связанными руками назад веревками, как в полицейскую управу, а не в царские чертоги. Государь России, забывая свое достоинство, позволял себе ругаться над людьми беззащитными, которые были в полной его власти, и угрожал им жестокими наказаниями. Тайная следственная комиссия, составленная из угодливых царедворцев, действовала в том же инквизиционном духе.

Обвиняемые содержались в самом строгом заточении, в крепостных казематах и беспрестанном ожидании и страхе быть подвергнутыми пытке, если будут упорствовать в запирательстве. Многие из них слышали из уст самих членов следственной комиссии такие угрозы. Против узников употребляли средства, которые поражали их воображение и тревожили дух, раздражая его то страхом мучений, то обманчивыми надеждами, чтобы только исторгнуть их признания. Ночью внезапно отпиралась дверь каземата; на голову заключенного накидывали покрывало, вели его по коридорам и по крепостным переходам в ярко освещенную залу присутствия. Тут, по снятии с него покрывала, члены комиссии делали ему вопросы на жизнь и смерть и, не давая времени образумиться, с грубостью требовали ответов мгновенных и положительных; царским именем обещали подсудимому помилование за чистосердечное признание, не принимали никаких оправданий, выдумывали небывалые показания, будто бы сделанные товарищами, и часто отказывали даже в очных ставках. Кто не давал желаемых ими ответов, по неведению ли происшествий, о которых его спрашивали, или из опасения необдуманным словом погубить безвинных, того переводили в темный и сырой каземат, давали есть один хлеб с водою и обременяли тяжкими ручными и ножными оковами. Медику крепостному поручено было наблюдать, в состоянии ли узник вынести еще сильнейшие телесные страдания.

После того, могли ли признания обвиняемых, вынужденные такими насильственными средствами, почитаться добровольными? Часто они были неистинны, и показания некоторых обвиняемых, упавших духом, содержали в себе вещи несбыточные и до того нелепые, что человек в здравом уме и с полным сознанием никак не мог бы наговорить такого вздора и во вред самому себе и товарищам. Все такие порождения расстроенной фантазии некоторых узников представлены, как истинные намерения и действия в донесении тайной следственной комиссии. Редактор этого акта воспользовался ими довольно ловко и успел придать вид внутренней связи этому сплетению искаженной истины с небылицами и ложью, не только для обвинения подсудимых, но и для того, чтобы всячески очернить нравственный характер тайного союза и самую чистоту его намерений.

В последние недели заседаний следственной комиссии набралось так много подозреваемых в участии в тайных обществах лиц, что само правительство приказало комиссии ограничиться в своих розысках только теми, которых она признавала более виновными, а прочих освободить от следствия. В продолжение шести месяцев арестованных в разных местах по подозрению было до двух тысяч человек.

Из поэмы Некрасова „Русские женщины".

Пред нею длинный и сырой
подземный коридор,
у каждой двери часовой,
все двери на запор.
Прибою волн подобный плеск
снаружи слышен ей;
внутри бряцанье, ружей блеск
при свете фонарей;
да отдаленный шум шагов
и долгий гул от них,
да перекрестный бой часов,
да крики часовых...
С ключами старый и седой
усатый инвалид—
„Иди, печальница, за мной!"
Ей тихо говорит:
„Я провожу тебя к нему.
Он жив и невреден..."
Она доверилась ему,
она пошла за ним...

Шли долго, долго... Наконец,
дверь взвизгнула,—и вдруг
пред нею он... живой мертвец...
пред нею—бедный друг.
Упав на грудь ему, она
торопится спросить:
„Скажи, что делать?..
. . . . . .
Достанет мужества в груди,
готовность горяча,
просить ли надо?..
. . . . . .
„О, милый, что сказал ты? Слов
не слышу я твоих:
то этот странный бой часов,
то крики часовых!
Зачем тут третий между нас?"
„Наивен твой вопрос".
„Пора! пробил урочный час!"
Тот „третий" произнес...

Из записок М. А. Фонвизина.

Следственная комиссия приступила к розысканиям. Множество лиц было захвачено в Петербурге по подозрению в участии в тайных обществах; других свозили в крепость Петропавловскую со всех концов России. Сначала некоторых допрашивал во дворце сам император; к нему приводили обвиняемых со связанными руками назад веревками, как в полицейскую управу, а не в царские чертоги. Государь России, забывая свое достоинство, позволял себе ругаться над людьми беззащитными, которые были в полной его власти, и угрожал им жестокими наказаниями. Тайная следственная комиссия, составленная из угодливых царедворцев, действовала в том же инквизиционном духе.

Обвиняемые содержались в самом строгом заточении, в крепостных казематах и беспрестанном ожидании и страхе быть подвергнутыми пытке, если будут упорствовать в запирательстве. Многие из них слышали из уст самих членов следственной комиссии такие угрозы. Против узников употребляли средства, которые поражали их воображение и тревожили дух, раздражая его то страхом мучений, то обманчивыми надеждами, чтобы только исторгнуть их признания. Ночью внезапно отпиралась дверь каземата; на голову заключенного накидывали покрывало, вели его по коридорам и по крепостным переходам в ярко освещенную залу присутствия. Тут, по снятии с него покрывала, члены комиссии делали ему вопросы на жизнь и смерть и, не давая времени образумиться, с грубостью требовали ответов мгновенных и положительных; царским именем обещали подсудимому помилование за чистосердечное признание, не принимали никаких оправданий, выдумывали небывалые показания, будто бы сделанные товарищами, и часто отказывали даже в очных ставках. Кто не давал желаемых ими ответов, по неведению ли происшествий, о которых его спрашивали, или из опасения необдуманным словом погубить безвинных, того переводили в темный и сырой каземат, давали есть один хлеб с водою и обременяли тяжкими ручными и ножными оковами. Медику крепостному поручено было наблюдать, в состоянии ли узник вынести еще сильнейшие телесные страдания.

После того, могли ли признания обвиняемых, вынужденные такими насильственными средствами, почитаться добровольными? Часто они были неистинны, и показания некоторых обвиняемых, упавших духом, содержали в себе вещи несбыточные и до того нелепые, что человек в здравом уме и с полным сознанием никак не мог бы наговорить такого вздора и во вред самому себе и товарищам. Все такие порождения расстроенной фантазии некоторых узников представлены, как истинные намерения и действия в донесении тайной следственной комиссии. Редактор этого акта воспользовался ими довольно ловко и успел придать вид внутренней связи этому сплетению искаженной истины с небылицами и ложью, не только для обвинения подсудимых, но и для того, чтобы всячески очернить нравственный характер тайного союза и самую чистоту его намерений.

В последние недели заседаний следственной комиссии набралось так много подозреваемых в участии в тайных обществах лиц, что само правительство приказало комиссии ограничиться в своих розысках только теми, которых она признавала более виновными, а прочих освободить от следствия. В продолжение шести месяцев арестованных в разных местах по подозрению было до двух тысяч человек.

Из записок В. И. Штейнгеля.

12 июля Верх. Угол. Суд открыл последнее заседание свое в Сенате, решившись предварительно не призывать осужденных для объявления сентенции в Сенате, но самому поехать для этого в крепость. — Когда все собрались, митрополит, краткою речью представив важность настоящего действия, предложил испытать: „все ли чисты к совести своей", потому что еще есть время обратиться к милосердию монарха. По утвердительном ответе, он сказал: „Ну, так помолимся!" Встали, ознаменовались крестом и поехали процессионально, длинною вереницею карет, в крепость, в сопровождении двух жандармских эскадронов. В среднем салоне комендантского дома было уже все приготовлено к открытию заседания. — В глубине комнаты—столы, накрытые красным сукном, были расставлены покоем, внутри которого поставлен особый небольшой стол для обер-секретаря и пульнет для министра юстиции.

По открытии заседания, из всех казематов вывели затворников и провели через задний двор и заднее крыльцо в дом коменданта.

Такое, для большей части разобщенных узников, свидание произвело самое сильное, радостное впечатление.—Обнимались, целовались, как воскресшие, спрашивая друг друга: „что это значит?" Знавшие объясняли, что будут объявлять сентенцию. „Как, разве нас судили?"—„Уже судили!" был ответ.—Но первое впечатление так преобладало, что этим никто так сильно не поразился. Все видели, по крайней мере, конец мучительному заточению. Ведомых на поражение разместили по комнатам, следуя порядку разрядов. Потом начали вводить одними дверями в присутствие и, по прочтении сентенции и конфирмации обер-секретарем, выпускали в другие.—Тут в ближайшей комнате стояли: священник протоиерей Петр Мысловский, общий увещатель и духовник, с ним лекарь и два цырульника с препаратами кровопускания.—Их человеколюбивой помощи ни для кого не потребовалось: все были выше понесенного удара. Во время прочтения сентенции в членах Верховного Суда не было заметно никакого сострадания,—одно любопытство.—Некоторые с искривлением лорнетовали и вообще смотрели как на зверей.—Легко понять, какое чувство возбуждалось этим в осужденных. Один, именно подполковник Лунин, многих этих господ знавший близко, крутя усы, громко усмехнулся, когда прочли осуждение на 20 лет в каторжную работу.—По объявлении сентенции всех развели уже по другим казематам.

Из записок И. Д. Якушкина.

В полночь меня разбудили, принесли платье, одели меня и вывели на мост, который идет от равелина к крепости. Здесь я встретил опять Никиту Муравьева и еще нескольких знакомых. Всех нас повели в крепость; изо всех концов, изо всех казематов вели приговоренных. Когда все собрались—нас повели под конвоем отряда Павловского полка через крепость в Петровские ворота. Вышедши из крепости, мы увидели влево что-то странное и в эту минуту никому не показавшееся похожим на виселицу. Это был помост, над которым возвышалось два столба; на столбах лежала перекладина, а на ней висели веревки. Я помню, что когда мы проходили, то за одну из этих веревок схватился и повис какой-то человек; но слова Мысловского уверили меня, что смертной казни не будет. Большая часть из нас была в той же уверенности.

На кронверке стояло несколько десятков лиц—большею частью это были лица, принадлежавшие к иностранным посольствам; они были, говорят, удивлены, что люди, которые через полчаса будут лишены всего, чем обыкновенно так дорожат в жизни, шли без малейшего раздумья, с торжеством и весело говоря между собою. Перед воротами всех нас (кроме носивших гвардейские и флотские мундиры) выстроили покоем спиной к крепости, прочли общую сентенцию; военным велели снять мундиры и поставили нас на колени. Я стоял на правом фланге, и с меня началась экзекуция. Шпага, которую должны были переломить надо мной, была плохо подпилена; фурлейт ударил меня ею со всего маху по голове, но она не переломилась: я упал. „Ежели ты повторишь еще раз такой удар,—сказал я фурлейту,—так ты убьешь меня до смерти". В эту минуту я взглянул на Кутузова, который был на лошади в нескольких шагах от меня, и видел, что он смеялся.

Все военные мундиры и ордена были отнесены шагов на 100 вперед и были брошены в разведенные для этого костры.

Экзекуция кончилась так рано, что ее никто не видал; вообще перед крепостью не было народа. После экзекуции нас отвели опять в крепость и меня опять в 1-й нумер равелина. Ефрейтор, который принес мне обедать, был необыкновенно бледен и шепнул мне, что за крепостью совершился ужас, что пятерых из наших повесили. Я улыбнулся, нисколько ему не веря, но ожидал Мысловского с нетерпением. Наконец, вечером он взошел ко мне с сосу-

дом в руках. Я бросился к нему и спросил: правда ли, что была смертная казнь?—Он хотел было отвечать мне шуткою, но я сказал, что теперь не время шутить. Тогда он сел на стул, судорожно сжал сосуд зубами и зарыдал. Он рассказал мне все печальное происшествие.

После приговора Пестель, Сергей Муравьев, Рылеев, Михайло Бестужев и Каховский были отведены в особые казематы. Сестра Сергея Муравьева Кат. Ив. Бибикова, узнавши, что брат ее приговорен к смертной казни, поскакала в Царское Село и просила через Дибича о дозволении иметь свидание с братом. Ей позволено увидеться с ним на один час. Свидание их происходило в доме коменданта Сукина и в его присутствии. Сергей Муравьев был очень покоен и просил сестру не оставлять попечениями их брата Матвея. Разлука их навсегда, по словам самого Сукина, была ужасна. Когда Сергей Муравьев возвратился в каземат, к нему вошел с печальным видом плац-майор Подушкин. Сергей Муравьев предупредил его: „Вы, конечно, пришли надеть на меня оковы". Подушкин позвал людей; на ноги ему надели железа. То же было сделано и с 4-мя товарищами Сергея Муравьева. Все смотрели совершенно покойно на приготовление казни, кроме Михайлы Бестужева: он был очень молод, и ему не хотелось умирать. Ночью пришел к ним священник Мысловский с дарами. Кроме Пестеля, который был лютеранин, все они причастились.—Когда после экзекуции нас ввели в казематы—их вывели перед собор. Был 2-й час ночи. Бестужев насилу мог итти, и священник Мысловский вел его под руку. Сергей Муравьев, увидя его, просил у него прощенья в том, что погубил его.—Когда их привели к виселице, Сергей Муравьев просил позволения помолиться: он стал на колени и громко произнес: „Боже, спаси Россию и царя!" Для многих такая молитва казалась непонятною, но Сергей Муравьев был с глубокими христианскими убеждениями и молил за царя, как молил Иисус на кресте за врагов своих. Потом священник подошел к каждому из них с крестом. Пестель сказал ему: „Я хоть не православный, но прошу вас благословить меня в дальний путь". Прощаясь в последний раз, они все пожали друг другу руки. На них надели белые рубашки, колпаки на лицо и завязали им руки. Сергей Муравьев и Пестель нашли и после этого возможность еще раз пожать друг другу руку. Наконец, их поставили на помост и каждому накинули петлю. В это время священник, сошедши по ступеням с помоста, обернулся и с ужасом увидел висевших Бестужева и Пестеля и троих, которые оборвались и упали на помост. Сергей Муравьев жестоко разбился;

он переломил ногу и мог только выговорить: „Бедная Россия! и повесить-то порядочно у нас не умеют!" Каховский выругался по-русски. Рылеев не сказал ни слова. Неудача казни произошла оттого, что за полчаса перед тем шел небольшой дождь, веревки намокли, палач не притянул довольно петлю, и когда он опустил доску, на которой стояли осужденные, то веревки соскользнули с их шеи. Генерал Чернышев, бывший распорядителем казни, не потерял голову; он велел тотчас же поднять трех упавших и вновь их повесить. Казненные оставались недолго на виселице; их сняли и отнесли в какой-то погреб, куда едва пропустили Мысловского; он непременно хотел прочесть над ними молитвы.

Из записок Е. П. Оболенского.

Настала полночь. Священник со святыми дарами вышел от Кондратия Федоровича; вышел и от Сергея Ивановича Муравьева-Апостола, вышел и от Петра Каховского и от Михаила Бестужева-Рюмина. Пастор напутствовал Павла Ивановича Пестеля.

Я не спал; нам велено было одеваться; я слышал шаги, слышал шопот, но не понимал их значения. Прошло несколько времени,—слышу звук цепей. Дверь отворилась на противоположной стороне коридора; цепи тяжело зазвенели. Слышу протяжный голос друга неизменного, Кондратия Федоровича Рылеева: „простите, простите, братья!", и мерные шаги удалились к концу коридора. Я бросился к окошку; начинало светать; вижу взвод Павловских гренадеров и знакомого мне поручика Пильмана; вижу всех пятерых, окруженных гренадерами с примкнутыми штыками. Знак подали, и они удалились. И нам сказано было выходить. И нас повели те же гренадеры, и мы пришли на эспланаду перед крепостью. Все гвардейские полки были в строю. Вдали я видел пять виселиц; видел пятерых избранников, медленно приближающихся к роковому месту. Еще надежда не оставляла меня. С нами скоро кончили: переломили шпаги, скинули мундиры и бросили в огонь; потом, надев халаты, тем же путем повели обратно в ту же крепость. Я опять занял тот же номер в Кронверкской куртине.

Избранные жертвы были готовы. Священник Петр Николаевич был с ними. Он подходит к Кондратию Федоровичу и говорит слово увещательное. Рылеев взял его руку, поднес к сердцу и говорит: „слышишь, отец, оно не бьется сильнее прежнего". Все пятеро взошли на место казни, и казнь совершилась...

Донесение царю генерал-адъютанта Голенищева-Кутузова о казни.

Экзекуция кончилась с должною тишиною и порядком, как со стороны бывших в строю войск, так и со стороны зрителей, которых было немного. По неопытности наших палачей и неуменью устраивать виселицы, при первом разе трое, а именно: Рылеев, Каховский и Муравьев сорвались, но вскоре опять были повешены и получили заслуженную смерть. О чем вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу.

Из письма Николая I к матери.

(От 13 июля 1826 г.)

Пишу на скорую руку—два слова, милая матушка, желая вам сообщить, что все совершилось тихо и в порядке; гнусные и вели себя гнусно, без всякого достоинства.

Сегодня вечером выезжает Чернышев и, как очевидец, может рассказать вам все подробности. Извините за краткость изложения, но зная и разделяя ваше беспокойство, милая матушка, я хотел довести до вашего сведения то, что мне уже стало известным.

Милая матушка. Час тому назад мы вернулись сюда и, по полученным сведениям, везде все спокойно, царит единодушное возмущение, а что все, наконец, кончено, производит всеобщее довольство. Подробности казни, как она ни ужасна, убедили всех, что одураченные люди заслужили эту кару: почти никто из них не раскаялся; зато пять казненных проявили большое чувство раскаяния, особенно Каховский, который, идя на смерть, сказал, что молится за меня. Его единственного я и жалею. Да простит ему господь и умиротворит его душу. Войска были великолепны, и дух их прекрасный. Завтра мы на площади отслужим молебствие; эстрада находится как раз на том месте, где погиб несчастный Милорадович.

Будет все это грустно, но и торжественно, когда вспомнишь об этом дне жестокого испытания и ужаса.

А для меня всегда будет утешением в жизни мысль о том, что наш ангел [1]) избавился от происшедшего, что наша честь спасена и что господь дал новое доказательство своей милости к нашей родине.

---

[1]) Александр I.

Из донесения тайного агента о настроении умов в Петербурге после казни декабристов.

18-го июля 1826 г. Казнь, слишком заслуженная, но давно в России небывалая, заставила, кроме истинных патриотов и массы народа, многих, особливо женщин, кричать: quelle horreur! et avec quelle précipitation etc. [1]).

Очистительное молебствие, совершенное с необыкновенным благочестием, произвело уже счастливый оборот умов, но прочтение и разбор превосходного высочайшего манифеста от 13-го сего июля, в коем прямо отечество любящий монарх призывает сынов России к воспитанию не чужеземному, но к отечественному, природному и, наконец, манифест сей заключается прямо божественными чувствами к несчастным родным, от коих члены преступлением отрываются... Все это в истинных патриотах умножило восторг благоговения; колебавшихся—обратило на сторону правого дела... но закоренелых болтунов, не могущих никаким в мире правительством быть довольными—все не уняло повторять, хотя шопотом: quelle horreur! etc. Особливо женщины, из коих первый разряд: сто двадцати одного преступника жены, сестры, матери, родственницы, приятельницы и les amies de leurs amies... [2]).

О казни и вообще о наказаниях преступников в простом народе и, в особенности, в большей части дворовых людей и между кантонистами слышны также для безопасности империи вредные выражения: „Начали бар вешать и ссылать на каторгу, жаль, что всех не перевесили, да хоть бы одного кнутом отодрали и с нами поравняли; да долго ль, коротко ль, им не миновать этого“.

Из стихотворения Адама Мицкевича „Друзьям в России“ [3]).

Вы помните ль меня? Когда друзей в могилах
и в глубине темниц хочу я перечесть,
считаю я и вас. В моих мечтах унылых
для ваших бледных лиц гражданства право есть.

---

[1]) Какой ужас! И с какою поспешностью и т. д.

[2]) И подруги их подруг.

[3]) Великий польский поэт Мицкевич во время пребывания в России знал лично многих декабристов.

Вас нет теперь со мной... Рылеев благородный,
кого я обнимал, как брата... О позор!
задушенный петлей, повис, как труп холодный.
Бесславие устам, изрекшим приговор!
Рука Бестужева, сочувственным пожатьем
сжимавшая мою, от бранного меча
и быстрого пера оторвана проклятьем
жестокости людской... Моим в подмогу братьям
трудится, цепь свою и тачку волоча...

Каторга и ссылка.

Об условиях совместной жизни декабристов в Чите и Петровском заводе дают представление рассказы М. Бестужева и Розена. Нет сомнения, что эти условия были гораздо лучше, чем позже, со второй половины XIX в., когда политические преступники перестали быть интересной новинкой и, вместо дворян, каторжные тюрьмы стали наполняться преимущественно „разночинцами“, т.-е. представителями мелкой буржуазии, пролетариатом, а потом и крестьянством. Хорошо известна та роль, которую сыграли для декабристов жены некоторых из них, отправившиеся за мужьями. Об этих женах декабристов говорит старомодно-чувствительное стихотворение А. И. Одоевского, а также сухой официальный документ— подписка, которую они давали начальству. После отбытия каторжного срока декабристы постепенно выходили на поселение, а некоторые были отправлены солдатами на Кавказ. О большом культурном значении для сибиряков пребывания декабристов на поселении есть очень много свидетельств. Здесь приводится сообщение известного доктора и общественного деятеля Белоголового.

„Послание в Сибирь“ А. С. Пушкина.

(1827)

Во глубине сибирских руд
храните гордое терпенье:
не пропадет ваш скорбный труд
и дум высокое стремленье.
Несчастью верная сестра,
надежда, в мрачном подземельи
пробудит бодрость и веселье;
придет желанная пора:
любовь и дружество до вас
дойдут сквозь мрачные затворы,
как в ваши каторжные норы
доходит мой свободный глас;
оковы тяжкие падут,
темницы рухнут—и свобода
вас примет радостно у входа,
и братья меч вам отдадут [1]).

[1]) Стихотворение это было послано Пушкиным через жену декабриста А. Г. Муравьеву, которая отправлялась в Сибирь к мужу.

Ответ декабристов Пушкину.

Струн вещих пламенные звуки
до слуха нашего дошли!
К мечам рванулись наши руки,
но лишь оковы обрели.
Но будь покоен, бард: цепями,
своей судьбой гордимся мы
и за затворами тюрьмы
в душе смеемся над царями.
Наш скорбный труд не пропадет:
из искры возгорится пламя—
и православный наш народ
сберется под святое знамя.
Мечи скуем мы из цепей
и вновь зажжем огонь свободы,
и с нею грянем на царей,—
и радостно вздохнут народы [1]).

Подписка, которую давали жены декабристов в Чите.

Я, нижеподписавшаяся, имея непреклонное желание разделить участь моего мужа, государственного преступника NN, верховным уголовным судом сужденного, и жить в том заводском, рудничном или другом каком селении, где он содержаться будет, если то дозволится от коменданта Нерчинских рудников г. генерал-майора и кавалера Лепарского, обязуюсь, по моей чистой совести, наблюсти нижеописанные предложенные мне им, г. комендантом, статьи; в противном же случае и за малейшее отступление от постановленных на то правил подвергаю я себя законному осуждению. Статьи сии моей обязанности суть следующие.

1.

Желая разделить (как выше изъяснено) участь моего мужа, государственного преступника NN, и жить в том селении, где он будет содержаться, не должна я отнюдь искать свидания с ним

[1]) Этот стихотворный ответ Пушкину приписывается поэту-декабристу А. И. Одоевскому.—Когда в 1900 г. появилась знаменитая заграничная социал-демократическая газета „Искра“, то девизом для нее была взята строка из этого стихотворения: „Из искры возгорится пламя“.

никакими происками и никакими посторонними способами, но единственно по сделанному на то от г. коменданта дозволению и токмо в назначенные для того дни, и не чаще, как через два дня на третий.

2.

Не должна доставлять ему (мужу) никаких вещей, денег, бумаг, чернил, карандашей, без ведома г. коменданта или офицера, под присмотром коего будет находиться муж мой.

3.

Равным образом не должна я принимать и от него никаких вещей, особливо же писем, записок и никаких бумаг для отсылки их к тем лицам, кому оные будут адресованы или посылаемы.

4.

Не должна я ни под каким видом ни к кому писать и отправлять куда бы то ни было моих писем, записок и других бумаг иначе, как токмо через г. коменданта. Равно, если от кого мне или мужу моему через родных или посторонних людей будут присланы письма и прочее изъясненное в сем или 3-м пункте, должна я их ему же, г. коменданту, при получении объявлять, если оные не через него будут мне доставлены.

5.

То же самое обещаюсь наблюсти и касательно присылки мне и мужу моему вещей, какие бы они ни были, равно и деньги.

6.

Из числа вещей моих, при мне находящихся и которым регистр имеется у г. коменданта, я не вправе без ведома его продавать их, дарить кому или уничтожать. Деньгам же моим собственным, оставленным для нужд моих теперь, равно и вперед от коменданта мне доставленным, я обязуюсь вести приходо-расходную книгу и в оную записывать все свои издержки, сохраняя между тем сию книгу в целости; в случае же востребования ее г-м комендантом оную ему немедленно представлять. Если же окажутся вещи, излишние против находящегося у г-на коменданта регистра, которые были мною скрыты, в таком случае, как за противо сего учиненный проступок, подвергаюсь я законному суждению.

7.

Также не должна я никогда мужу моему присылать никаких хмельных напитков, как-то: водки, вина, пива, меду, кроме съестных припасов; да и сии доставлять ему через старшего караульного унтер-офицера, а не через людей моих, коим воспрещено личное свидание с мужем моим.

8.

Обязуюсь иметь свидание с мужем моим не иначе, как в арестантской палате, где указано будет, в назначенное для того время и в присутствии дежурного офицера; не говорить с ним ничего излишнего, и паче чего-либо не принадлежащего, вообще же иметь с ним дозволенный разговор на одном русском языке.

9.

Не должна я нанимать себе никаких иных слуг или работников, а довольствоваться только послугами приставленных мне одного мужчины и одной женщины, за которых также ответствую, что они не будут иметь никакого сношения с моим мужем и вообще за их поведение.

10.

Наконец, давши таковое обязательство, не должна я сама никуда отлучаться от места того, где пребывание мое будет назначено, и посылать куда-либо слуг моих по произволу моему, без ведома г-на коменданта или, в случае отбытия его, без ведома старшего офицера.

В выполнении всего вышеизъясненного в точности под сим подписуюсь. Читинский острог. 1828 года.

Стихотворение А. И. Одоевского „В альбом Марьи Николаевны Волконской".

Был край, слезам и скорби посвященный,
восточный край, где розовых зарей
луч радостный, на небе том рожденный,
не услаждал страдальческих очей;

где душен был и воздух вечно-ясный,
и узникам кров светлый докучал,
и весь обзор обширный и прекрасный
мучительно на волю вызывал.

Вдруг ангелы с лазури низлетели
с отрадою к страдальцам той страны,
но прежде свой небесный дух одели
в прозрачные земные пелены.

И вестники благие провиденья
явилися, как дочери земли,
и узникам, с улыбкой утешенья,
любовь и мир душевный принесли.

И каждый день садились у ограды,
и сквозь нее небесные уста
по капле им точили мед отрады...
С тех пор лились в темнице дни, лета;

в затворниках печали все уснули,
и лишь они страшились одного,
чтоб ангелы на небо не вспорхнули,
не сбросили покрова своего.

Попытка и гибель Сухинова.

(Из записок А. Е. Розена.)

Всякому невольнику беспрестанно на мысль приходит воля. Все думали, как бы освободиться всем вместе, и в том числе и наши безвинно страждущие дамы; о том же думали другие изгнанники на каторжной работе, вне нашего острога. В Нерчинских рудниках... оставалось еще несколько человек из бывших офицеров Черниговского пехотного полка, осужденных не с нами вместе, но особенным военным судом... Там были Быстрицкий, Мозалевский, барон Соловьев и Сухинов; последний из них решился поднять всех каторжных, с их помощью освободить нас из острога и предоставить нам дальнейшие предприятия. Большинство Нерчинских рудокопов согласилось; условлено было обезоружить караул и начать рано утром следующего дня, как за день до того предатель открыл все дело, и Сухинов с главными зачинщиками были закованы. Все дело было донесено в Петербург; нарядили военный суд; наш комендант был председателем суда. Сухинова и еще десять человек приговорили к смерти; накануне исполнения приговора Сухинов сам повесился на бакаушке печи своей тюрьмы, другие были расстреляны, а Соловьева, Быстрицкого и Мозалевского перевели к нам в Читу, дабы

отклонить их от подобных предприятий. Вероятно, по этой же причине предпочли держать нас особенно, не вместе с другими преступниками, в больших рудниках[1]).

Декабристы в Чите.

(Из записок М. А. Бестужева.)

Накануне 14 декабря 1827 г. мы прибыли в Читу. Нас поместили в небольшой домик, отдельно стоящий от главного каземата. Этот домик с другим, далеко от него отстоящим, который назывался „Дьячковским казематом", оба служили как бы лазаретом, куда удалялись из большого каземата, чтоб уединиться и несколько отдохнуть от шума и гама, вечно царствующего в общем каземате.

Если бы мы были разосланы по заводам, как гласил закон и как уже было поступлено с семью из наших товарищей, то не прошло бы и десяти лет, как мы бы все наверное погибли, как Сухинов, или пали бы морально под гнетом нужд и лишений, погибли бы под гнетом мук со стороны ближайших приставников наших, коих история уже начиналась с нашими первыми семью нерчинскими мучениками, или, наконец, сошли с ума от скуки и мучений. Каземат нас соединил вместе, дал нам опору друг в друге, и, наконец, через наших ангелов-спасителей, дам, соединил нас с тем миром, от которого навсегда мы были оторваны политической смертью, соединил нас с родными, дал нам охоту жить, чтоб не убивать любящих нас и любимых нами, наконец, дал нам материальные средства к существованию и доставил моральную пищу для духовной нашей жизни. Каземат дал нам политическое существование за пределами политической смерти.

Через несколько дней нас перевели в большой каземат, а вскоре собрались из разных крепостей, где мы все содержались в ожидании помещения, в Чите все, назначенные сентенциею в каторжную работу.

Итого восемьдесят два живых существа, втиснутых в небольшом деревянном здании, разделенном на четыре неравные отделе-

[1]) Иван Иванович Сухинов, член Южного Общества, один из активнейших участников восстания Черниговского полка, погиб в декабре 1828 г. Настоящий революционер, он не желал мириться со своей участью: находясь на Большом Нерчинском заводе, он замыслил массовый побег с большой партией уголовных, с тем, чтобы завладеть оружием, собрать вокруг себя достаточную силу и освободить из Читы всех государственных преступников. Военный суд приговорил его к 400 ударам кнута; узнав это, Сухинов повесился.

ния, потому что во внутренности была отделена довольно большая часть для коридора и так называемой столовой, где мы обедали.

Наше отделение было самое маленькое, а в нем все-таки затискались 8 человек: я с братом, Юшневский, Трубецкой, Якубович, двое Борисовых и Давыдов. Но как, боже ты мой,—как прочие могли разместиться? Я теперь, припоминая прошедшее, часто думаю, что это был какой-то бестолковый сон, кошмар... Читать или чем бы то ни было заниматься не было никакой возможности, особенно нам с братом или тем, кто провел годину в гробовом безмолвии богоугодных заведений: постоянный грохот цепей, топот снующих взад и вперед существ, споры, прения, рассказы о заключении, о допросах, обвинения и объяснения,— одним словом, кипучий водоворот, клокочущий неумолчно и мечущий брызгами жизни. Да и читать первое время было нечего: из малой толики тогда существующих периодических газет и журналов комендантом Лепарским получался только „Телеграф" и „Инвалид", которые он, под большим секретом, давал нам через доверенных офицеров.

Ели мы прескверно—не потому, чтоб не имели способов иметь хороший стол (т.-е., по крайней мере, съедобный), так как три наши дамы: княгиня Трубецкая, княгиня Волконская и Муравьева, бывшая графиня Чернышева, не щадили ничего, что было в их силах и границах возможности, но потому, что негде и некому было приготовлять нам пищу. От казны кормовых мы получали по 3 коп. асс. и муку—2 к. в день на каждого, т.-е. законное положение каторжников. По положению, варить и печь мы должны были сами, а кухни еще не выстроили, и потому кушанье варилось по подряду у горного начальника Читы, Смолянинова, варилось где и как ни попало не потому, чтоб он этого хотел, но потому, что не мог лучше делать по неимению средств в такой бедной, ничтожной деревушке, как Чита, а, главное, по неимению посуды и удобного помещения. Зато мы утоляли голод чаем, чего у нас было в изобилии, потому что это зависело единственно от денег.

Декабристы в Петровском заводе.

(Из записок М. А. Бестужева.)

Настало время нашего переселения из Читы в Петровск. Получены известия, что полу-казарма уже почти готова; другая половина определена была под сад... Мы выступили из Читы в двух отрядах: первый под начальством плац-майора Лепарского (племянника ко-

менданта), второй под личным начальством самого Лепарского, 1830 года августа 7 числа, в ненастную погоду. Мы запаслись записными книжками, карандашами и перьями для записывания впечатлений—и все книги и бумаги пришли в Петровск безукоризненно чистыми. Делая каждый день переход в 30 и более верст пешком, нам оставалось едва столько времени, чтоб поесть, отдохнуть и, полюбовавшись природою, спешить поскорее уснуть, чтоб с рассветом готовиться в новый путь. Наконец, после 46 дней, проведенных в пути, в 21-й переход мы прибыли в Петровск. Нас ввели на обширный двор. Мы побежали осмотреть будущие наши жилища и возвратились назад с грустью в душе. В Чите нам было жутко: мы жили там, как селедки в боченке, но все-таки по человечески; здесь нас обрекали, как скотов, жить в мрачных стойлах... Каземат состоял из 12-ти отделений по 5 и 6 отдельных комнат и общего коридора, из которого проникал какой-то мрачный полусвет через небольшое окно над дверью. Наши дамы подняли в письмах такую тревогу в Петербурге, что, наконец, разрешено было прорубить окна на улицу в каждом номере. Но какие это были окна! Многие из нас, в том числе и ваш покорнейший слуга, расстроили и чуть вовсе не потеряли зрение.

Я позабыл вам сказать, что, за несколько месяцев до отправления в Читу, милостивым манифестом с нас сняли железа, т.-е. нас избавили от телесного наказания.

Нас разместили по номерам—где по одному, где по два человека. Эта неизбежная мера, по недостатку помещения, не менее того была причиною некоторого рода негодования на коменданта. Всем хотелось иметь особый уголок: так всем надоела казарменная общая жизнь, лишающая возможности заниматься...

По мере того, как разъезжались наши товарищи, осужденные на меньшие сроки, нам становилось просторнее: все бросались на занятия, соответствующие склонностям каждого. Строгие меры мало-помалу ослабляли: тюремщики наши убедились, что мы их бережем для собственной же выгоды, и смотрели сквозь пальцы на все вольности, которые росли довольно быстро, хотя в строгой последовательности. У нас завелись перья, чернила, бумага; книг уже было вдоволь, журналов и газет даже слишком. Завелись литературные вечера, ученые лекции и диспуты. Дамам еще не позволено было жить в своих домах, да и дома не у всех были выстроены, следовательно, они жили с мужьями в общем с нами каземате и оживляли своим присутствием однообразие нашей тюремной жизни. Явилась мода читать в их присутствии, при собрании близкого кружка, образовавшегося около

каждого женатого семейства, литературные произведения не слишком серьезного содержания,—и то была самая цветущая эпоха стихотворений, повестей, рассказов и мемуаров.

Брат Николай, уже значительно разбогатевший инструментами всякого рода, продолжал механические занятия, и, наконец, многие, в том числе и я, набивши оскомину от чтения и письма, последовали его примеру. Под руководством брата, мы сделались искусными слесарями и золотых дел мастерами, токарями и литейщиками. Я попеременно переходил от одного мастерства к другому и изучил, под руководством и других товарищей, и даже простых заводских мастеров, различные мастерства, как-то: портняжное, сапожное, башмачное, кузнечное, слесарное, токарное, переплетное, картонажное и золотых дел мастерство. Мы делали и посылали сестрам и нашим дамам и дамам сибирским разные милые вещицы. Особенно делали много колец из наших желез, подложенных золотом. Эта мода в Сибири так усилилась, требование на кольца так возросло, что явились промышленники и образовалась особенная отрасль торговли—подложными кольцами.

Наконец, все женатые выстроили дома, которыми была застроена целая улица, названная по их присутствию Дамскою. Мужьям их позволено было жить постоянно с женами в домах. Нам еще более стало просторнее; но каземат опустел: он принял характер настоящей тюрьмы, и мы отводили скуку, временно посещая женатых.

Администрацию собственно нашего внутреннего управления составлял совет трех лиц, ежегодно выбираемых по всеобщему большинству голосов, из среды живущих в каземате. Эти лица были: хозяин, закупщик и казначей. Первый заведывал всею хозяйственною частью нашего казематского семейства: на его обязанности лежала главная забота о продовольствии и о столе; закупщик исполнял все поручения по закупу предметов по лавкам и вообще вне каземата; казначей выдавал деньги и вел валовой и частный счет каждого лица. Но так как денег нам не позволено было иметь на руках, то платеж производился посредством выписки через казначея. Два раза в неделю он составлял, вместе с горным казначейским писарем, валовой и розничный счет, и по этому счету все лица получали деньги. Сношения наши с родными уже установились довольно правильно через дам; бо́льшая часть из нас получала денежные пособия, которые почти все поступали в общую кассу и распределялись поровну на всех. Хозяин, если обстоятельства позволяли, делал экономию из годовой суммы, ассигнуемой на пищу и прочее, и из этих остатков уделяли довольно значительные пособия

отправляющимся на поселение. Из уважения к постоянным занятиям брата Николая, его избавляли во все время нашего пребывания в Петровске от должностей; я был два года казначеем. Хозяин и закупщик имели право свободного выхода из каземата: хозяин—во всякое время, закупщик—два раза в неделю. В Чите, когда еще метла строгостей была нова, наше хозяйство шло очень худо: выходило много, а толку было мало. Когда выстроили кухню и отделили место под огород, выбирался только хозяин и огородник. Нам дозволено было впоследствии получать и посылки; но нас бесстыдно грабили иркутские чиновники, через руки которых переходили посылаемые вещи...

Долгих и многих трудов стоило нам уговорить старого коменданта—позволить учить детей, и, таким образом, делая пользу, занять и себя, и употребляя благодетельно время нас, тяготившее. Постоянное „не могу“ было ответом. Наконец, дело уладилось: придумали законную лазейку, так чтоб и волки были сыты, и овцы целы. Он согласился на обучение детей церковному пению. Вследствие такого распоряжения, Свистунов и Крюков (Николай), отличные музыканты и певцы, составили прекрасный хор певчих, а как нельзя петь, не зная грамоте, то разрешено было учить читать (только). Мы с братом взяли на себя обучение, и дело пошло так хорошо, что многие дети горных чиновников поступали первыми в высшие классы Горного института и других заведений.

Для работ была устроена для нас мельница с ручными жерновами, на которой, ежели нам было угодно, то мололи для моциона. В Чите нас водили на земляную работу,—но это была только приятная прогулка: мы выходили с книгами в руках и располагались под тенью для чтения. Охотники равняли дорогу или на тачках Чортову могилу.

Умственные занятия.

(Из записок А. Е. Розена.)

В часы досужные от работ имели мы самое занимательное и поучительное чтение; кроме всех журналов и газет, русских, французских, английских и немецких, дозволенных цензурою, имели мы хорошие библиотеки Н. М. Муравьева, С. Г. Волконского и С. П. Трубецкого. Невозможно было одному лицу прочитать все журналы и газеты, получаемые от одной почты до другой, почему они были распределены между многими читателями, которые передавали изустно самые важные новости, открытия и события. Сверх того, многие из моих товарищей получили классическое образование; беседы

их были полезнее всякой книги; некоторых из них мы упросили читать нам лекции в продолжение долгих зимних вечеров. Никита Муравьев, имев собрание превосходнейших военных карт, читал нам из головы лекции стратегии и тактики. Ф. Б. Вольф — о физике, химии и анатомии, В. С. Бобрищев-Пушкин 2-й—о высшей и прикладной математике, А. О. Корнилович и В. А. Муханов читали историю России, А. И. Одоевский—русскую словесность...

Нас запирали в 9 часов вечера; по пробитии зори, не позволяли иметь свечи, а как невозможно было так рано уснуть, то мы или беседовали в потемках, или слушали рассказы М. К. Кюхельбекера о кругосветных его путешествиях и А. О. Корниловича из отечественной истории...

Образованность умных товарищей имела большое влияние на тех из нас, которые прежде не имели ни времени, ни средств обогатиться познаниями. Некоторые из наших начали учиться иностранным языкам, из них изумительные успехи сделал Дм. Ир. Завалишин, который, кроме греческого и латинского, научился писать и выражаться на тринадцати языках; для важнейших из них находил он учителей между товарищами, а для прочих главных ключом и словарем служило для него евангелие. Многие из наших изучили не только язык книжный, но и разговорный.

Декабристы на поселении.

(Из воспоминаний д-ра Н. А. Белоголового.)

Как ни старались декабристы не слишком выдаваться вперед и сохранять свое скромное положение ссыльнопоселенцев, но единовременное появление в небольшом и разнокалиберном обществе 20-тысячного городка 15 или 20 высокообразованных личностей не могло не оставить глубокого следа. Некоторые из них, как, например, Николай Бестужев, Никита Муравьев, Юшневский и Лунин, оказывали неотразимое влияние своими выдающимися умами, большинство же—тем глубоким и разносторонним просвещением, пробелы в котором они тщательно восполнили во время своей замкнутой от мира, но дружно сплоченной жизни в Чите и Петровском заводе. Истинное просвещение сделало то, что люди эти не кичились ни своим происхождением, ни превосходством образования, а, напротив, старались искренно и тесно сблизиться с окружавшей их провинциальной средой и внести в нее свет своих познаний; все пройденные ими в жизни испытания наложили на них печать не

озлобления, не человеконенавистничества, а безграничной гуманности, необыкновенного благодушия и скромности... Естественно поэтому, что они скоро завоевали себе общую любовь и уважение в Иркутске, и благотворное влияние их на окружающую среду было глубоко, хотя, быть может, и не легко уловимо, потому что достигалось медленно и незаметно, не громкими фразами и не блестящими делами, а разумной и всегда согретой гуманными наклонностями беседой и личным примером безукоризненной честности во всех проявлениях своей будничной жизни, бывшей на виду у всех. Каждый из них в отдельности и все вместе взятые—они были такими живыми образцами культуры, что естественным образом поднимали значение и достоинство ее в глазах всякого, кто с ними приходил в соприкосновение, и особенно в тех, в ком бродило смутное сознание чего-то лучшего в жизни, чем то животное прозябание и самоопошливание, какими отличалась жизнь тогдашнего провинциального захолустья. И нет сомнения, что весьма многие из иркутских чиновников и купцов, только в силу этого непосредственного обаяния просвещения, почувствовали бо́льшую потребность в духовных наслаждениях жизни, стали больше читать и особенно стали больше заботиться о том, чтобы дать своим детям по возможности совершенное образование.

Декабристы в потомстве.

Герцен и Огарев, в стихах и в прозе, чрезвычайно живо и ярко рассказали, какое революционизирующее влияние оказало восстание декабристов на лучших людей из следующего поколения дворянской интеллигенции. Еще мальчиками Герцен и Огарев по инстинкту стали на сторону побежденных 14-го декабря и 3-го января, а не победителей. Позже это свое сочувствие они вполне осознали. В зарубежной своей издательской деятельности Герцен уделил очень много внимания поддержанию благодарной памяти о декабристах. И сам он, вместе с Огаревым, повел дальше и развернул шире революционную агитацию.—Отрывок из неумелой и нескладной неизвестного происхождения революционной прокламации 1831 года тоже говорит о революционной традиции, идущей от декабристов.—Поэмы Н. А. Некрасова „Дедушка“ и „Русские женщины“ говорят о продолжении этой традиции в 60-е и 70-е гг., как и стихотворения из заграничных сборников этой эпохи.—Речь Г. В. Плеханова о декабристах, произнесенная в 1900 г. в Женеве перед собранием русских революционеров (из нее приведен небольшой отрывок) показывает на отношение к декабристам социал-демократов марксистов.—Наконец, в выдержках из статей Ленина и Зиновьева мы имеем отзывы о декабристах вождей революционного коммунизма.

Из „Былого и Дум“ А. И. Герцена.

Пока смутные мысли бродили у меня в голове, и в лавках продавали портреты императора Константина, пока носились повестки о присяге, и добрые люди торопились поклясться, разнесся слух об отречении цесаревича. Вслед затем, тот же лакей сенатора,—большой охотник до политических новостей и которому было где их собирать, по всем передним сенаторов и присутственных мест, по которым он ездил с утра до ночи, не имея выгоды лошадей,

которые менялись после обеда, — сообщил мне, что в Петербурге был бунт, и что по Галерной стреляли „в пушки".

На другой день вечером был у нас жандармский генерал Комаровский; он рассказывал о каре на Исаакиевской площади, о конногвардейской атаке, о смерти графа Милорадовича.

А тут пошли аресты: „того-то взяли", „того-то схватили", „того-то привезли из деревни"; испуганные родители трепетали за детей. Мрачные тучи заволокли небо...

Тон общества менялся наглазно; быстрое нравственное падение служило печальным доказательством, как мало развито было между русскими аристократами чувство личного достоинства. Никто (кроме женщин) не смел показать участия, произнести теплого слова о родных, о друзьях, которым еще вчера жали руку, но которые за ночь были взяты. Напротив, являлись дикие фанатики рабства: одни из подлости, а другие хуже — бескорыстно.

Одни женщины не участвовали в этом позорном отречении от близких... Жены сосланных в каторжную работу лишались всех гражданских прав, бросали богатство, общественное положение и ехали на целую жизнь неволи в страшный климат Восточной Сибири, под еще страшнейший гнет тамошней полиции. Сестры, не имевшие права ехать, удалялись от двора, многие оставляли Россию; почти все хранили в душе живое чувство *любви к страдальцам*. Но его не было у мужчин; страх выел его в их сердце, никто не смел заикнуться о несчастных...

Рассказы о возмущении, о суде, ужас в Москве сильно поразили меня; мне открывался новый мир, который становился больше и больше средоточием всего нравственного существования моего; не знаю, как это сделалось, но, мало понимая или очень смутно, в чем дело, я чувствовал, что я не с той стороны, с которой картечь и победы, тюрьмы и цепи. Казнь Пестеля и его товарищей окончательно разбудила ребяческий сон моей души.

Все ожидали облегчения в судьбе осужденных,—коронация была на дворе. Даже мой отец, несмотря на свою осторожность и на свой скептицизм, говорил, что смертный приговор не будет приведен в действие, что все это делается для того, чтобы поразить умы. Но он, как и все другие, плохо знал юного монарха. Николай уехал из Петербурга и, не въезжая в Москву, остановился в Петровском дворце... Жители Москвы едва верили своим глазам, читая в „Московских Ведомостях" страшную новость 14-го июля...

Через день после получения страшной вести был молебен в Кремле. Победу Николая над пятью торжествовали в Москве молебствием.

Середь Кремля митрополит Филарет благодарил бога за убийства. Вся царская фамилия молилась, около нее сенат, министры, а кругом на огромном пространстве стояли густые массы гвардии, коленопреклоненные, без кивера, и тоже молились; пушки гремели с высот Кремля.

Никогда виселицы не имели такого торжества; Николай понял важность победы!

Мальчиком четырнадцати лет, потерянным в толпе, я был на этом молебствии, и тут, перед алтарем, осквернённым кровавой молитвой, я клялся отмстить за казненных и обрекал себя на борьбу с этим троном, с этим алтарем, с этими пушками. Я не отмстил; гвардия и трон, алтарь и пушки, — все осталось; но через тридцать лет я стою под тем же знаменем, которого не покидал ни разу.

Из „Исповеди лишнего человека" Н. П. Огарева.

Я помню, помню те года,
я счастлив был и скорбию и верой,
и помыслом, растущим каждый день,
и чувством, каждый день кипевшим жарче.
И все тогда влекло меня вперед:
и жажда знать законы общей жизни,
судьбы великие людского рода,
в которые не верю я теперь:
И двигала меня еще живая память
о пятерых повешенных...
По их следам слагалась жизнь моя,
я призван был работать для свободы
и победить иль величаво пасть.

„Памяти К. Ф. Рылеева" Н. П. Огарева.

В святой тиши воспоминаний
храню я бережно года
горячих первых упований,
начальной жажды дел и знаний,
попыток первого труда.
Мы были отроки. В то время
могучих деятелей племя
и сеяло благое семя
на почву юную умов.
Везде шептались; тетради
шло стройной поступью бойцов
ходили в списках по рукам;
мы, дети, с радостью во взгляде,

звучащий стих, свободы ради,
таясь, твердили по ночам.
Бунт, вспыхнув, замер. Казнь про-
снулась:
вот пять повешенных людей...
В нас молча сердце содрог-
нулось,
но мысль живая встрепенулась —
и путь означен жизни всей.
Рылеев был мне первым светом...
Отец, по духу мне родной!
Твое названье в мире этом
мне стало доблестным заветом
и путеводною звездой.

Мы стих твой вырвем из забвенья
и в первый русский вольный день
восстановим для поклоненья
твою страдальческую тень.
Взойдет гроза на небосклоне,
и волны на берег с утра
нахлынут с бешенством погони,
и слягут бронзовые кони
и Николая, и Петра.
Но образ смерти благородной
не смоет грозная вода,
и будет подвиг твой свободный
святыней памяти народной
на все грядущие года.

Из поэмы Н. П. Огарева „Радаев".

...Он вспомнил, как во дни забавы,
когда он мальчик был кудрявый,
чтоб слабый возраст охранять,
ему сопутствовала мать,
высокая, со станом стройным,
с лицом задумчиво-спокойным
и лаской в голосе самом...
...Раз он застал ее в слезах;
отец его, веселый малый,
на этот раз, как полинялый,
стоял с газетою в руках.
Они тревожно разговоры
вели все шопотом, как воры,
речь шла—как, с месяц уж тому,
горячкой умер царь в Крыму,
а в Петербурге в день присяги
был бунт, исполненный отваги.
Полк вышел чуть не на заре
и стал на площади в каре.
Готов на смерть и жаждет воли,
не надо больше рабской доли!
Ребята! Стойте в добрый час,
Святая Русь помянет вас!

Царь пушки выдвинул. Солдату
казалось грех стрелять по брату;
но дан приказ, свистит картечь,
телам на снег пришлося лечь.
Сомкнись! Каре, привычный к строю,
сомкнулся суженной стеною.
Ребята! стойте в добрый час,
святая Русь помянет вас!
Залп, залп—и сила одолела,
шатнулися, погибло дело.
Мать плакала, отец умолк.
Ребенок, сам не понимая,
Шептал: помянет Русь святая!..
Потом—что день, то больше толк
ходил в народе боязливо;
жандармов шлют без перерыва;
тот в крепости, тот ночью взят;
вот матери любимый брат
захвачен был в Украйне дальней—
и дома день со дня печальней;
ребенок ужасом объят.
С ума нейдет все этот дядя;
он к ним недавно приезжал
в мундире, с саблей; тихо гладя
по голове его ласкал:
„Будь, милый мальчик, друг народа,
а там уж что ни суждено—
погибнешь, нет ли — все равно;
благослови тебя свобода".
А при гостях—он так кричал,
так как-то резко выражался,
старик с звездой его боялся
и, втайне злясь, при нем молчал.
Потом прошло еще с полгода,
цвела зеленая природа,
и было ясно, и дитя
в саду резвилося шутя.
Вдруг весть достигла дальним слухом:
окончен суд—и пятерых
повесили, всех сильных духом,
повесили тихонько их,

так, знаете, чуть рассветало,
чтоб говора не возбуждало.
Других в цепях в Сибирь везут
и дядя с ними тоже тут.
Ребенка обдал тайный трепет;
кругом он слышал робкий лепет:
повесили... Сибирь... в цепях...
везут... и дядя в рудниках.
А сердце женское изныло;
и мать не вынесла беду,
она слегла, звала в бреду
свое дитя и говорила:
„Мой сын, мой сын, храни, храни,
храни завет страдальцев сильных,
людей повешенных и ссыльных,
сыны отечества они...
Дитя мое, храни, храни“...
Смолк голос, сила упадала,
в десятый день ее не стало...
Так вот оно—его преданье!
Вот праотцы, вот завещанье!
О! Тут с былым святая связь
внутри его не порвалась.
Пусть все вокруг пока чужое,
внутри преданье есть живое,
ему в дни скорби и труда
не изменял он никогда.

Из книги М. Н. Покровского „Очерки по истории революционого движения в России XIX и XX вв“.

Покойный К. А. Тимирязев рассказывал очень интересную подробность... Дворовые его отца ему рассказывали о 14-м декабря лет через двадцать после события, и, говорил К. А., нужно было видеть, с каким огромным сочувствием эти крепостные люди рассказывали об этом, будто бы, дворянском восстании. Видно было, что масса глубоко была заинтересована. Масса не знала, кто такой был Трубецкой, масса не имела понятия о вождях заговора, об их политике. Масса видела только одно, что против проклятого самодержавия, что против проклятого крепостного права началось, на-

онец, восстание, что вышли вооруженные люди. Они не знали, го эти люди вышли с заранее обдуманным намерением ружья в ход з пускать. Этого масса не понимала, но она видела, что движе-ие против царизма началось, и, несомненно, что если бы питер-кие декабристы имели намерение вызвать в Петербурге народный унт, они могли бы великолепнейшим образом его вызвать, — это овершенно ясно.

Из революционной прокламации 1831 года.

...Вотще ожидали бы мы от самодержцев возвращения похищенных прав и отнятой свободы народу. — Они обещают управлять кротостию и миролюбием для того, чтобы приобретенною за то обовию и повиновением народа тем прочнее укреплять цепи его рабства. Вас обманывают!

Взгляните на плоды их правосудия и милосердия. — Вспомните, каким родом казни, доселе неизвестным в России, Николай Павлович истребил в 1826 году первых героев свободы нашей за то, что они вздумали сделать его законным царем своим — царем свободного народа. — Но он, обольщен гнусными советниками, предпочел царствовать беззаконно, обагрив площади и стогны Петровой столицы кровью ее жителей и украсив Петропавловскую крепость виселицами!!!

Из стихотворения „Долго нас помещики душили“.

...Кто слыхал о 25-м годе
в крещеном народе?
Когда б мы тогда не глупы были,
давно б не тужили.

Поднялись в то время на злодеев:
Кондратий Рылеев,
да полковник Пестель, да иные,
воины честные.

Не сумели в те поры мы смело
отстоять их дело,
и сложили головы за братий
Пестель да Кондратий.

Не найдется, что ль, у нас иного
друга Пугачева?
чтобы крепкой грудью встал он смело
за святое дело! [1]).

Декабристам.

Над вашей памятью кровавой
теперь лежит молвы позор;
над ней поэт, венчанный славой,
остановить не смеет взор.
Ваш враг могучий торжествует,
щадит его судьбы закон,
лишь власти страсть его волнует,
и кажется незыблем трон.
Но вы погибли не напрасно:
все, что посеяли, взойдет,
чего желали вы так страстно,
все, все исполнится, придет!
Иной восстанет грозный мститель,
иной восстанет мощный род;
страны своей освободитель,
проснется дремлющий народ.
В победный день, в день славной тризны
свершится роковая месть —
и снова пред лицом отчизны
заблещет ярко ваша честь [2]).

Из статьи Г. В. Плеханова „14 декабря 1825 г."

(1900 г.)

...Смотря на события 14-го декабря, как на сражение между сторонниками самодержавия и сторонниками политической свободы, мы не можем не видеть непоследовательности и нецелесообразности в действиях заговорщиков. Если же мы взглянем на те же события,

[1]) Это стихотворение печаталось в заграничных сборниках и было очень популярно среди радикальной интеллигенции.

[2]) Стихотворение это, автор которого неизвестен, помещалось в старых зарубежных сборниках „вольных" стихов.

как на военную манифестацию, предпринятую людьми, не успевшими приготовиться к серьезной битве и решившимися погибнуть для того, чтобы своею гибелью указать путь будущим поколениям, то мнимая непоследовательность и нецелесообразность их действий очень просто объясняется нежеланием усиливать кровопролитие и увеличивать число жертв... При таком настроении вопрос о том, удастся или нет захватить пушки или занять Петропавловскую крепость, мог иметь в их глазах лишь второстепенное или третьестепенное значение.

Если же, взглянув на дело с этой точки зрения, мы спросим себя, достигнута ли была главная цель восставших, то мы, не колеблясь, ответим утвердительно, потому, — как это очень хорошо сказал Герцен, — пушечный гром, раздавшийся на Сенатской площади, разбудил целое поколение.

Из статьи Ленина „Памяти Герцена".

...Мы видим ясно три поколения, три класса, действовавшие в русской революции. Сначала — дворяне и помещики, декабристы и Герцен. Узок круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа. Но их дело не пропало. Декабристы разбудили Герцена. Герцен развернул революционную агитацию...

Из книги Зиновьева „История Росс. Коммун. Партии".

...Мы готовы обнажить головы перед декабристами, более ранним поколением буржуазных революционеров, которые тоже шли в бой против царизма. Эти люди, представлявшие собою, в буквальном смысле слова, сливки аристократии, дворянства, офицерства, отделились от своего класса, порвали с семьями, оставили свои привилегии и вступили в борьбу с самодержавием. Пусть они и не имели социалистической программы, пусть они и были только буржуазными революционерами — но наше поколение не отказывается от этого наследства. Мы говорим, что это славное прошлое, и мы низко кланяемся первым представителям революционного народничества, умевшего погибать за народ в те дни, когда рабочий класс только еще рождался, когда не было пролетариата и не могло быть классовой и пролетарской партии.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

Введение 3

Ранний период тайного общества.

Из записок *М. А. Фонвизина.* 8
Из письма *А. А. Бестужева* к Николаю (из крепости) 10
Из дневника *Н. И. Тургенева* 17
Из устава Союза Благоденствия . . . . . —
Из записок *И. Д. Якушкина* 21
Из записки *Н. И. Тургенева*, „Нечто о крепостном состоянии“ 23
Из записок *С. П. Трубецкого* . . . . . —

Северное и Южное общество. Соединенные славяне.

Из записок *И. Д. Якушкина* 27
Из записок *С. Г. Волконского* 28
Из записок *С. П. Трубецкого.* 29
Из „Евгения Онегина“ *Пушкина.* 31
Записка *Г. С. Батенкова* . . . . . —
Из проекта конституции *Никиты Муравьева* 45
Из „Русской Правды“ *Пестеля* 52
„Любопытный разговор“ *Никиты Муравьева* . . . . . —
„Гражданин“ *К. Ф. Рылеева.* 53
Из „Исповеди Наливайко“ *К. Ф. Рылеева.* 54
Песня *К. Ф. Рылеева и А. А. Бестужева* . . . . . —
Из показаний *А. А. Бестужева* 55
Из записок *В. И. Штейнгеля* 57
Из показаний *К. Ф. Рылеева* 58
Из записок *Н. В. Басаргина* 59
Общество Соединенных Славян *(из записок И. И. Горбачевского)* 61
Южное общество и Славяне *(из записок И. И. Горбачевского)* 62
Соединение южан и Славян *(из записок И. И. Горбачевского)* 64
Речь *М. П. Бестужева-Рюмина*, произнесенная перед Соединенными Славянами. 65
Споры славян и южан *(из записок И. И. Горбачевского)* 66
Пропаганда Соединенных Славян *(из записок И. И. Горбачевского).* . . . 68

Накануне 14 декабря.

Из записок *Н. А. Бестужева* 69
Из записок *А. Е. Розена* 71
Совещание 13 декабря *(из записок М. А. Бестужева)* 72
План действий 14 декабря *(из записок С. П. Трубецкого)* 73
Проект манифеста, найденный в бумагах князя *С. П. Трубецкого* 74

14 декабря.

Из записок *А. Е. Розена* 77
Из записок *М. А. Бестужева* 83
Из дневника *барона В. Р. Каульбарса* 87
Из донесения французского посла *Де-ля-Ферронэ* своему правительству . . 90
Из записок *Н. А. Бестужева* 94
Из поэмы *Некрасова* „Русские женщины“ 95
Из воспоминаний *принца Евгения Вюртембергского.* 96
Из записок *Д. И. Завалишина* . . . . . —
Из рапорта *Пяткина* 99
Из воспоминаний *М. М. Попова.* 100
Из показаний *С. П. Трубецкого* 101
Из письма к *А. С. Хомякову* его отца 104
Из письма *В. А. Жуковского* от 16 декабря 1825 г. 105

Восстание Черниговского полка.

Из показаний *С. И. Муравьева-Апостола* 106
С. И. Муравьев-Апостол в Васильковe *(из записок И. И. Горбачевского)* . 110
„Православный катехизис“ и „Воззвание“ *С. И. Муравьева-Апостола* . . . 113
С. И. Муравьев-Апостол в Мотовиловке *(из записок И. И. Горбачевского)* . 116
Введение солдат *(из записок И. И. Горбачевского)* 117
Сражение Черниговского полка *(из записок И. И. Горбачевского)* 118
Сражение Черниговского полка *(из записок М. И. Муравьева-Апостола).* 120
Самоубийство А. Д. Кузмина *(из записок И. И. Горбачевского).* 121
Стихотворение *Мих. Бестужева* 123
Из донесения „агента по тайным госуд. делам“ *Станкевича* . . . . . —

Тюрьма, суд и казнь.

Из „Русского Инвалида“ от 7 января 1826 г. 125
Из записок *Николая I.* 126
Письмо *Каховского* к Николаю из крепости 127
Письмо *Пестеля* из крепости к ген. А. И. Чернышеву 131
Письмо из крепости *Е. П. Оболенского* к Николаю 132
Из показаний *Андреевича II-го* 134